

РУССКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

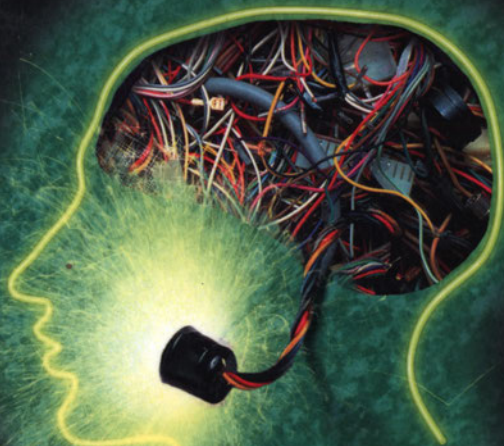
Д.Алейников

Весло Харона

Дмитрий АЛЕЙНИКОВ

РУССКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Весло
Харона

Дмитрий АЛЕЙНИКОВ

РУССКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Их сроднило многое: и тоска по несбывшимся надеждам, по разбитому прошлому и безжалостно зачеркнутому будущему; и неутоленная жажда крови тех, кто виноват в этом...

Они хотели действовать сами, но их, дилетантов, никто не боялся. А Харон положил свое весло. Перевозчик в царство мертвых, невидимый суперкиллер, чья работа наводила ужас и восхищала, сообщил о том, что уходит на покой. Только вот лабиринт неожиданных обстоятельств, куда вдруг попадают виновные, окажется чересчур запутанным для одних и безвыходным для других. И тогда станет ясно: Харон вновь поднял свое весло.

Весло Харона

В серии издано:

Д. Алейников. Доказательство от противного

Д. Алейников. Вес

Д. Алейников. Сол

Д. Алейников. Кры

ISBN 5-7632-0892-7

9 785763 208924

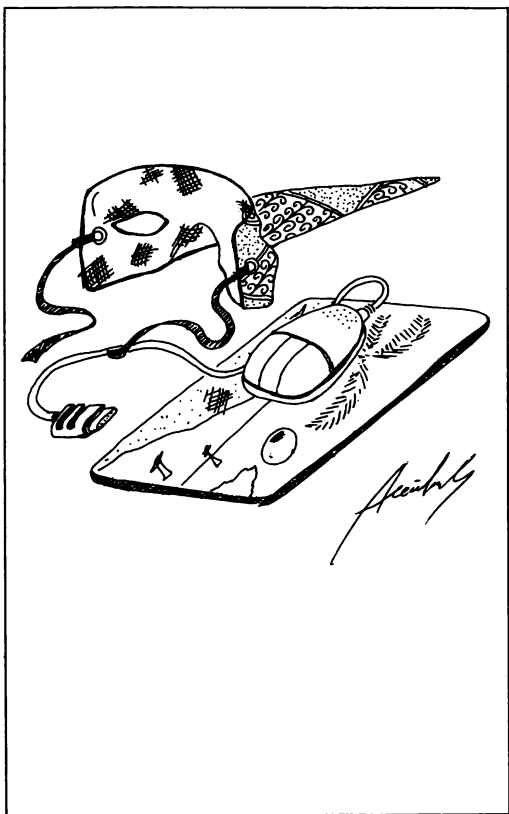

РУССКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

РУССКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Дмитрий
АЛЕЙНИКОВ

Весло
Харона

Москва
АРМАДА
АРМАДА-ПРЕСС
1999

УДК 82-312.4(02.044)
ББК 84-(2Рос=Рус)6я5
А 45

*На фронтисписе
рисунок автора*

ISBN 5-7632-0892-7

© Алейников Д. А., 1999
© Художественное оформление,
АРМАДА-ПРЕСС, 1999
© АРМАДА, 1999

Каждый человек чего-то боится.
Из разговора автора с издателем

ПРОЛОГ

Москва, май 1998

Чай уже остыл и даже слегка подернулся мутноватой пленочкой, но, не заметив этого, он двумя жадными глотками осушил большую кружку с эмблемой родного банка на боку. Облизнув губы, поднялся из кресла и, нависнув над своим бескрайним столом из натурального ореха, встал, точно пловец, готовый сигануть с тумбы в бассейн, как только арбитр даст старт. Он зажмурился, словно беспощадная острая боль терзала его изнутри. Потом издал сдавленный, едва слышный стон и начал медленно подаваться вперед, будто сильно перебрал и теперь его мутит. Тяжелая капля пота упала на нераспечатанный конверт, щелкнув по плотной бумаге. Открывать конверт не имело смысла, и так ясно, что там. А там — открытка, какие в начале семидесятых продавались в любом газетном киоске: головы пехотинца, матроса и летчика, насаженные на частокол острых бордовых, с золотым кантом букв. Открытка ко Дню Советской Армии. Точно такая же, каких он получил уже шесть за последний месяц. Теперь поверх официальной банковской документации и докладной от начальника отдела лежал седьмой конверт.

В открытках, датированных 23 февраля 1974 года,— три строчки, старательно выведенные хрупкой рукой маленькой девочки. Нескладной, угловатой девочки, сидевшей когда-то за одной партой с ним, Анатолием Быковым, президентом банка, а в те времена просто Толиком, тихим троечником и исключительным мямлей. Смешливой нескладной девочки с пшеничного цвета хвостиками и огромными темно-синими глазами. Девочки, которая навсегда осталась там, в семьдесят четвертом, исчезнув в пасти старых катакомб, поглотивших ее отчаянный крик, полный страха и ненависти к предавшему ее русскому мальчику.

Толя, поздравляю тебя с праздником, желаю быть сильным, мужественным и добрым. Инга. 23.02.74.

Была в те годы в школах такая лотерея, когда мальчики тянули жребий, кого из одноклассниц им поздравлять с Восьмым марта, а чуть раньше девочки разыгрывали между собой мальчиков. Но Толик знал, что Инга просто забрала бумажку с его именем. Никто не возражал. Главные страсти разгорелись вокруг Регимантаса Воутилайнена, высокого красивого парня, баскетболиста и известного остряка, предмета воздыхания многих девчонок и бог знает скольких еще красавиц и дурнушек за пределами школы. Поздравлять же тихоню Толика не рвался никто: сын русского офицера, служившего в местном гарнизоне, был в классе изгоем.

...сильным, мужественным и добрым...

Именно эти качества выбрала Инга. Возможно; их больше всего не хватало Толе. Он не дрался со сверстниками, жалел погибших пичуг, никому не отказывал в по-

мощи, и поэтому родители его считали, что мальчик он, безусловно, добрый. Толе тоже нравилось так думать. Это было куда приятнее, чем признаться себе: не дрался он потому, что элементарно боялся боли и не умел давать сдачи. Поначалу местные ребята задирали его, но что за драка, если противник распускает сопли после первого удара и даже убежать не пытается, покорно отдаваясь на милость победителя! Он, конечно, жалел пичуг, только никто не догадывался, что, сидя над убитой птичкой и вытирая кулаком горячую слезу, он кручинится не о погибшем воробье, а о себе, несчастном, отвергнутом и забытом. Чужая земля, чужие люди... И всего два близких человека — родители, сутками пропадавшие в гарнизоне. И отказать никому он не мог именно потому, что был изгоем: к нему обращались по единственному поводу — когда надо было свалить на него какую-нибудь работу. Он не отказывал, чтобы не остаться в полном вакууме.

Сила, мужество и доброта. Чего не хватило мальчику Толе в тот роковой день? Наверное, всего сразу...

Но что значат эти послания? Кто пытается бросить на немолодого уже и преуспевшего в жизни мужчину тень, и без того неотступно следующую за ним на протяжении долгих лет? И главное, откуда этот мистификатор узнал о том, что мог знать лишь сам Толя, Анатолий Игоревич Быков? Зачем все это?

Банкир опустил в кресло и вытер ладонью лицо. Что за черт! Кто бы ни стоял за мистификацией, не надо так психовать. Может, рассказать Хильде Арвидасовне? В конце концов, это ее епархия.

Анатолий Игоревич нажал кнопку селектора:

— Машину, пожалуйста.

Он уже почти взял себя в руки. Конверт, впрочем, так и не вскрыл, просто бросил в ящик стола.

Завтра стоит поговорить с начальником службы безопасности.

Анатолий Игоревич растопырил пальцы и посмотрел на руки — они дрожали. В таком виде появляться на людях не годится. Банкир взял из ящика стола склянку с таблетками, открыл, выловил два кругляшка и отправил в рот. Посидел, ожидая, пока лекарство подействует, но не выдержал. Повернувшись, открыл дверцу встроенного в стену бара и после секундного колебания выбрал «Мартель». От коньяка разошлись по телу теплые умиротворяющие волны. Во сто крат приятней и надежней всей этой заморской химии. Бросив в рот лохматый шарик «Рафаэлло», Анатолий Игоревич закрыл бар.

Кто посылает открытки? Зачем? Шантаж, желание досадить, месть? Возможно, этот человек, каким-то чудом узнавший об обстоятельствах исчезновения Инги, не вполне представляет себе, что произошло на самом деле. Он считает, что у него на руках сильный козырь. Но ведь это был просто несчастный случай, ничего больше. Тут нечем шантажировать, не за что мстить. Толя Быков ни в чем не виноват, по крайней мере с точки зрения закона и здравого смысла.

Убедившись, что руки больше не дрожат, Анатолий Игоревич вышел из-за стола и направился к двери. Десятки его отражений двинулись вместе с ним — стены были обшиты зеркальными панелями. Довольно странный дизайн для кабинета президента банка, неэстетичное и непрактичное решение. Но Быков сам настоял на этом. Почему — знал только он сам. Это была его маленькая хитрость, скрывающая большую тайну. Быков страдал клаустрофобией. Зеркала визуально расширяли и без того просторный кабинет, и пространство теряло

четкие грани. Не то что в прежнем кабинете, напоминавшем тоннель...

...сильным, мужественным и добрым...

Толя Быков очень хотел быть таким. Он очень старался, и до того рокового дня, когда они с Ингой отправились бродить по руинам крепости, у него неплохо получалось. Но в тот день...

Инга вошла в какой-то узкий тоннель, и гулкое эхо импровизировало, играя со звуком ее шагов.

— Пошли! — Инга обернулась и поманила его рукой, но Толя не шелохнулся. Он с ужасом смотрел в каменное горло, готовое заглотить его, смять, раздавить.

Инга сделала еще шаг, вновь обернулась и что-то сказала, улыбаясь. Толя, парализованный ужасом, ничего не слышал. В какой-то момент ему показалось, что тоннель двинулся навстречу, потянулся к нему, подобно огромному хоботу или шлангу гигантского пылесоса. Толя попятился, споткнулся и упал, не в силах оторвать взгляда от этого монстра.

— Толя-а!!!

Из ступора его вывел крик Инги. Она провалилась в какой-то колодец возле самого входа и теперь висела над пустотой, цепляясь за каменный край и чудом удерживая потерявшее опору тело от падения. Толя видел только ее пальцы, скребущие камень в отчаянной попытке найти щель или выступ. Чудовище и впрямь было готово поглотить свою добычу.

Инга снова закричала. Толя заметался у входа в тоннель, схватил какую-то палку и протянул ее девочке. Палка оказалась короткой — до скребущих холодный камень пальцев все равно оставалось около метра.

Толя сделал шаг вперед, вплотную подойдя ко входу в тоннель. Оставалось еще полметра. Инга продолжала кричать, уже на родном, непонятном для Толика языке, но никакие слова, даже если бы Толя их понимал, никакие заклинания не заставили бы его добровольно шагнуть в эту пасть. Он присел, стараясь протянуть палку как можно дальше.

Инга попыталась ухватиться за нее, но, едва подняв руку, лишилась опоры и исчезла во тьме колодца. Чавкающий звук — отрывка каменного людоеда — означал, что борьба за жизнь окончена...

Анатолий Игоревич вышел в приемную и, кивнув секретарше, направился к лифту.

Что же значат эти открытия? Ингу тогда так и не нашли. Никто не знал, что они отправились гулять с Толиком, а допрашивать русского никому не пришлось в голову. Сам он не горел желанием рассказывать. Так почему же всплыла эта история? Окажись тогда в крепости свидетель, он непременно сообщил бы о происшествии и все стало бы известно еще тогда. Может, кто-то подозревает его или о чем-то догадывается? Но тогда почему этот догадливый тип молчал столько лет?

Двери лифта разошлись в стороны, приглашая Анатолия Игоревича войти в кабину. Лифт был для него самым тяжким, самым страшным испытанием, но что поделаешь — кабинет находился на восемнадцатом этаже.

Сейчас Быкову потребовалось неимоверное усилие, чтобы шагнуть в дюралевый саркофаг. Он даже ощутил слабость в коленях. С чего бы? Наверное, его вывела из себя эта дурацкая открытка. Но ничего, он справится.

Быков зашел в кабину, нажал кнопку и встал в середине, прикрыв глаза. Скоростной лифт рухнул вниз и замер, словно упав в кучу осенних листьев.

Нет, это еще не первый этаж. Слишком быстро. Просто сейчас двери откроются и кто-нибудь войдет в кабину.

Лифт оставался неподвижным, двери тоже.

Анатолий Игоревич открыл глаза и обнаружил, что освещение в кабине стало тусклым. Он застрял! Он заперт в этой каморке, висящей на ниточках!

Быков почувствовал, как на лбу у него выступила испарина. Он яростно обрушился на панель с кнопками, то лихорадочно вдавливая все подряд, то накрывая ладонью сразу десяток. Он был заживо замурован в этой консервной банке. Здравый смысл убеждал, что ничего страшного не происходит, но с каждым мгновением заточения недуг все уверенней брал ситуацию в свои лапы.

Быков заметался по кабине, хлопая по дверям и стенам.

— Эй, кто-нибудь!

Снаружи доносились голоса, но они обращались не к нему, пойманному в страшную ловушку. Никто не поддерживал его, не предложил помощь.

Неожиданно ожил динамик связи с диспетчером. Недовольный женский голос произнес несколько слов, но из-за помех разобрать ничего было нельзя.

— Эй, я здесь! Диспетчер! Эй! — Быков приткнулся к дюралевой решетке.

Снова диспетчер ответила, не оставив шанса разобрать хоть слово.

— Что?.. Диспетчер!

Что она кричит? Ни слова не поймешь!

— Толя!!!

Быкова отбросило к противоположной стенке.

— Толя! — кричала из динамика маленькая напуганная девочка. — Толя!!! — Голос захлебывался отчаянием. Потом было что-то неразборчивое, очевидно по-латышски.

Быков зашарил по стене в поисках выхода. Наконец вспомнил, где находится, и шагнул к дверям.

— Толя!!!

Ломая ногти, он просунул пальцы между дверями и с силой рванул их в стороны. Со второй попытки это ему удалось.

Лифт стоял между этажами. Несколько секунд ушло на то, чтобы открыть дверь верхнего этажа. В это время свет в кабине вновь стал ярким. Из динамика опять раздался голос.

Быков ухватился за какую-то железку, подпрыгнул, встал на одно колено и уже наполовину вылез из шахты, но едва приподнял вторую ногу, как кабина дрогнула и ринулась вниз.

Последнее, что он увидел, были глаза девушки, которая стояла напротив лифта и, прижимая к груди большую кожаную папку, испуганно смотрела на выбирающегося из шахты мужчину. Когда кабина поехала, верхняя половина мужчины выпала к ее ногам, заливая темной кровью вытертый ковролин. Голова и руки его задергались в конвульсиях, словно в кошмарном танце. Девушка выронила папку и молча упала рядом.

Бестолковый неврастеник в лифте начал раздражать женщину-диспетчера. Что он орет, как будто его режут? «Диспетчер! Диспетчер!»

— Я диспетчер!

— Что?.. Диспетчер!

Она повысила голос:

— Это я! Сейчас лифт включат. Слышите? Эй, это я, диспетчер! Эй, алло!

Не получив ответа, она пожала плечами и, опустив глаза, вернулась к недочитанной газете. Судя по звуку из динамика, лифт поехал. Ну и слава богу!

ГЛАВА 1

Далекая Теплая Страна, сентябрь 1998

Алексей Владимирович Кирьянов отдыхал.

Можно было бы написать этот глагол с большой буквы или даже вывести заглавными все слово, ибо оно отражало не просто состояние, в котором когда-нибудь да пребывает каждый смертный.

Алексей Владимирович вообще отдыхал. Ушел на своеобразную пенсию, на покой.

В недавнем прошлом он был, как говорится, на слуху и на виду, вершил судьбы, ворочал миллионами. Он мелькал на телеэкране, его имя появлялось в заголовках газет, на него рисовали карикатуры и подавали в суд. Одни клеймили, другие выдвигали и поддерживали. Потом в него стреляли. Дважды. Один раз четко сработала служба безопасности. Во второй убийца оказался ловчее и вогнал в широкую бочкообразную грудь жертвы шесть пуль. К счастью, бочкообразность кирыновской груди объяснялась отчасти наличием бронежилета, который он носил от греха подальше после первого покушения. Но одна пуля все же добралась до него: пройдя чуть выше брони, она впиалась в плечо и раздробила ключицу.

После этого случая Кирьянов решил исчезнуть. И исчез. Исчезновение его было организовано столь же профессионально, как и все, что он делал. Для начала инсценировали похищение. В течение полугода некие кавказские террористы требовали за Кирьянова выкуп. Возмущалась общественность, велись переговоры, посредники брали деньги и исчезали. Потом было объявлено, что заложник погиб. Аул, где его якобы держали, подвергся жестокому артобстрелу. То, что осталось от заложника, было опознано, оплакано и кремировано с почестями. Так Кирьянов умер для отечества. Впрочем, о сожженных мостах он не горевал, ибо не собирался ими пользоваться в будущем. Слава богу, он не Солженицын, чтобы въезжать в столицу на белой кляче под восторженные повизгивания сумасшедших диссидентов.

Вместо погибшего в далекой Чечне русского финансиста на одном острове с мягким климатом появился, откуда ни возьмись, профессор непонятно каких наук, поляк по национальности, затворник по укладу жизни, человек, судя по всему, не бедный, но не склонный сорить деньгами.

Ян Штуровский, как звали Кирьянова в новой жизни, жил в небольшом особнячке на горе, откуда открывался фантастический вид на море и заодно хорошо просматривались окрестности и подступы к дому. Вопрос безопасности для польского профессора стоял на первом месте. Попасть в усадьбу без приглашения хозяина было непросто. Может, даже невозможно. Правда, никто еще не пытался, так что реально оценить степень ее неприступности не представлялось возможным. Кирьянов заблаговременно напичкал усадьбу всеми мыслимыми и немыслимыми системами безопасности, так

что даже без участия охраны отразил бы пару атак морских пехотинцев.

Сам Кирьянов усадьбы не покидал, ограничив связи с внешним миром окошком Интернета, где имел два адреса: обычный адрес пользователя и специальный адрес для связи с четырьмя людьми, которым он относительно доверял. При этом никто доподлинно не знал, в кого в итоге превратился Кирьянов и где отдыхает теперь от трудов праведных и неправедных. Даже для этих четверых Кирьянов существовал лишь на экране компьютера.

Разумеется, жизнь в полной изоляции имела массу минусов, и если проблема с физиологией решалась достаточно просто за счет местных профи, приглашавшихся время от времени в специально отведенный под эти нужды флигель, то проблема элементарного человеческого общения стояла более остро.

Болтать с абстрактными пользователями глобальной сети, которых компьютер представлял в виде собачьих голов, было неинтересно: ни выпить с ними, ни в баню сходить. Единственной отдушиной оказались шахматы. Когда-то Кирьянов даже имел разряд и теперь, не краснея, мог вызвать на поединок неизвестного абонента. Психологически играть с живым человеком, конечно, приятнее, потому особой радости компьютерные шахматы не приносили: ни подтрунить над противником, ни обсудить ход, ни порадоваться победе, наслаждаясь сконфуженным видом поверженного игрока. Но все равно это было забавно, и пан Штуровский проводил за шахматными партиями по десять часов в день. Преимущество такой игры заключалось в том, что можно было играть с любым количеством людей любое количество партий, а в случае необходимости тайм-аута просто отключаться на нужное время. Правда, подобные тактиче-

ские фортели выкидывали и противники, беспардонно прерывавшие партию, чтобы вернуться к ней через пару дней.

В этот день Кирьянов играл с тремя соперниками. Играли без ограничения во времени, так что в ожидании ответного хода Алексей Владимирович успевал полазить по прочим приложениям и ознакомиться с новостями.

Когда первая из партий неспешно переходила в эндшпиль, на легальный адрес пана Штуровского поступило сообщение. Неизвестный любитель древней игры предлагал пану участие в турнире пользователей сети. Для этого требовалось лишь подтвердить свое желание участвовать и подождать конца недели, когда закончится регистрация участников и пройдет жеребьевка. В качестве приза предлагалась возможность бесплатно пользоваться тремя базами из прилагавшегося списка. Базы, представлявшие собой по большей части коллекции порнографических открыток, Кирьянова не особенно интересовали, но момент состязательности привлек его внимание. В конце концов, так возникало хотя бы подобие азарта. И какая разница, играть просто так или участвовать в турнире? Щелчок клавиши — и подтверждение отправилось в недра компьютерной вселенной господину Хьюго Рону, организатору турнира.

Западная Сибирь, август 1997

Ольга долго мечтала об этом дне. Она часто представляла себе, как выйдет из ворот колонии и зашагает по покрытому месивом грязного снега тротуару. Именно по этому месиву, проеденному солью до самого асфальта, ибо в колонии такого не было. Дороги к клубу,

столовой, к куме тщательно расчищались, остальные маршруты проходили по тропам, и утоптаный, спрессованный сапогами наст поскрипывал, пружиня и отталкивая, словно протестуя против черного сапога, безжалостно попирающего тысячелетнее белоснежное совершенство.

Впрочем, грезам этим не суждено было осуществиться. Навеянные кадрами из иностранных фильмов, которые крутили в клубе раз в неделю, они оказались безнадежно далеки от лишенной романтического флера действительности. Во-первых, до ближайшей деревни было почти семь километров, так что, выйдя из ворот, человек обнаруживал, что стоит, можно сказать, в чистом поле и, напротив, надо благодарить судьбу, если дорога чистая. Во-вторых, и Делон, и Депардьё, и этот поляк из «Ва-банка» прекрасно знали, куда им идти. Ольга же понятия не имела, куда пойдёт, оказавшись на свободе. Окончательно уничтожил все эти снежные фантазии тот радостный на первый взгляд факт, что Ольга Климова была освобождена досрочно — в августе.

Конечно, она радовалась, что откинулась, то есть освободилась, но... Но все ее планы на жизнь после колонии были связаны с Валею Коптевой, Валькой Копец, чей срок истекал в мае. Кантоваться где-то в любом случае пришлось бы, но одно дело три месяца и весной, а другое — восемь месяцев, когда три из них — зима.

Можно, конечно, попробовать сунуться домой или к каким-нибудь родственникам, но тут без мазы. За шесть с половиной лет никто из них не напомнил о себе, не ответил ни строчкой на сотни Олиных писем. Отец держал свое слово: Оля для них умерла. Они не желали выслушать ее, разобраться, понять. Они ей не верили. Решение суда было для них истиной в последней инстанции,

а попытки девушки оправдаться, объяснить, что она ни в чем не виновата,— уловками двуличной мерзавки. Сначала это неверие самых родных на свете людей ранило больше всего. Потом боль притупилась, постепенно уступив место чисто практическим соображениям насчет устройства после ходки. Потом... Потом Оля перестала писать. Колония, поначалу едва не сломав, в итоге закалила ее, выковав в ней стержень, выискивая и взрастив множество незнакомых дотоле качеств и чувств. Одно из них — гордость — запретило ей писать, приказав забыть всех, для кого она умерла. И она забыла. Правда, что без них делать, ни гордость, ни какое другое чувство не могли подсказать ей столь же уверенно, но это было уже делом вторым...

Теперь ей, прошедшей школу колонии строгого режима, предстояло держать экзамен в мире, который подчас оказывался еще более жестоким и суровым, особенно к тем, кто предъявлял его вассалам справку об освобождении вместо паспорта. Единственное, чем смогла помочь ей пока Валька, так это договориться, чтобы ее подбросила до города машина, привозившая в колонию продукты. Так что в каком-то смысле Оля вышла на свободу именно так, как хотела: ступив из тюремной машины сразу на пыльный асфальт вольного города.

Минимум денег, немного еды в сумке и справка об освобождении. Это было все, с чем Ольге предстояло отправиться в мир, где не водили строем на обед и — раз в неделю — в баню, не загоняли на ночь в барак. От всего этого она была точно так же свободна, как и от колючки, шконок и вертухаев. Иногда детей учат плавать, просто бросая в воду, и многие считают, что это негуманно. Для девушки судьба приготовила более сложное испытание. Но она не сомневалась, что выживет,

как-нибудь перезимует и дождется Вальку, а там... А там все пойдет по плану.

Теперь же надо было куда-то идти. Куда-то... Состояние, когда ты предоставлен сам себе, пьянило и пугало одновременно. Давай, девочка, это же то, о чем ты так долго мечтала. Получила — и пользуйся!

Сплюнув на тротуар, Ольга растерла плевков старой, с чужой ноги кроссовкой, взъерошила начавшие отрастать огненно-рыжие волосы и не спеша зашагала по улице, стараясь, чтобы походка ее как можно меньше походила на строевой шаг. Перво-наперво нужно было привыкнуть к этому чувству, этому состоянию — свобода.

Москва, май 1998

— Ну что?

— Все то же. Не отвечает.— Парень за компьютером пожал плечами и, обернувшись к стоявшим у него за спиной двоим мужчинам, вопросительно посмотрел на них.

— А он точно получил сообщение?

— Естественно.— Парень ткнул пальцем в экран, указывая на нечто, подтверждавшее его слова.

Мужчины явно не поняли, на что он показал, но не подали виду. Тот, что постарше, мрачно кивнул.

— А ошибка исключена? Может, он получил, но не прочел?

Парень вздохнул:

— Да не ответит он. Завязал. От него с девяносто первого года ни слуху ни духу.— Он защелкал мышью, вызывая на экран накопившиеся за шесть лет безответные послания.— Вот, смотрите...

— Да чего смотреть?! — неожиданно взорвался тот, что помоложе. — Я что, фраер, в натуре? Если Быков не его работа, то я муравей в подтяжках! Нагреб, козел, бабок — и в кусты...

— Что ты орешь-то? — Первый мужчина повернулся к приятелю. — Спокойнее надо, Котя. Солиднее.

— Солиднее... — проворчал тот. — Чего мы возимся с этим Хароном, Насоныч? Что там за дела такие? Нормальных мужиков, что ли, нет? Без всей этой муры?

— Есть нормальные. Без муры и вообще без мозгов. Только если хоть кто-то унюхает, что Бобра замочили, то его братья будут копать, пока не докопаются. Будешь жить всю жизнь на пороховой бочке и в сортир ходить с миноискателем и в бронежилете.

— А с Хароном, значит, не унюхают?

— С Хароном не унюхают. На то он и Харон. Ладно. — Насоныч решил прекратить диспут и обратился к парню у компьютера: — Если он ответит, сразу мне на мобильный. В любое время.

— И ночью? — уточнил парень.

— В любое время. — Насоныч изобразил на лице неудовольствие по поводу того, что ему пришлось повторять. Подумав немного, добавил тихо, то ли развивая свою мысль для собеседника, то ли просто рассуждая вслух: — Может, этот жук уже на другом полушарии...

— Но если речь идет о ночной работе...

— Сережа, — Насоныч поморщился, — твоя меркантильность перевешивает все твои достоинства. Тебе разве не говорили, что всех денег не заработаешь?

— Говорили, но почему бы не попробовать?

Насоныч покачал головой:

— Ты слишком рьяно пробуешь. Готов работать и на красных, и на белых, лишь бы платили.

— Ну, это уже перегиб. Интересы моих заказчиков никогда не входят в противоречие, а если они пересекаются, то зачем делать работу два раза?

— Умник,— констатировал, запахивая пиджак, Насоныч.— Только не забывай, что я плачу больше всех, так что о результатах должен знать по крайней мере первым.

— Не возражаю,— улыбнулся Сергей.

— Не хами.— Это прозвучало уже строго.— И помни: днем и ночью. Все. Салют!

ГЛАВА 2

Москва, сентябрь 1998

Борис Беленков слыл большим демократом и всячески поддерживал это мнение о себе у своих подчиненных и партнеров. Будучи директором известной торговой компании «Белтех», он нередко появлялся в офисе в джинсах и старом растянутом свитере. Обращение на «ты» в офисе было нормой, и если кто-нибудь говорил Борису «вы» или тем паче величал шефа по имени-отчеству, то не находил у директора понимания. Если оплошность допускала девушка, то Борис делал обиженное лицо: неужели он и впрямь выглядит таким стариком? Если неписаный этикет нарушался мужчиной, то Борис удивленно озирался и спрашивал: не двоится ли у собеседника в глазах? Впрочем, подавляющее большинство сотрудников компании составляли именно девушки, так что шансов удостовериться, как он молодо выглядит, было у Беленкова намного больше, чем возможности услышать растерянное бормотание какого-нибудь олуха в аляповатом галстуке.

Борис вообще предпочитал иметь дело с подчиненными женского пола, причем отношения, как правило, не замыкались исключительно на служебных обязанно-

стях, а общение не всегда прерывалось по окончании рабочего дня. Выражаясь менее туманно и витиевато, Беленков был редкостным бабником. Рано или поздно в этом могли убедиться в той или иной степени все сотрудницы «Белтех». Беленков предпочитал своих подчиненных прочим барышням по ряду соображений. Нет, он не был уродом или занудой, для которого служебное положение — единственная возможность овладеть женщиной. Напротив, Борис был человеком весьма обаятельным и импозантным, а некоторая резкость и жесткость при решении деловых проблем воспринимались окружающими исключительно как проявление мужественности. Нет, Борис предпочитал крутить романы с подчиненными именно потому, что их было легче пресечь, когда страсть к познанной особе иссякала и связь начинала тяготить. Для женатого человека (а Борис Беленков был давно и «безнадежно», как сам он любил говорить, женат) это было обстоятельством немаловажным.

Беленков не опасался гнева супруги. Его куда больше страшил гнев тестя, полковника ФСК, который как-то в сильном подпитии взял зятя за грудки и, обдавая перегаром, торжественно поклялся засадить на недельку в камеру к блатарям, если только его чадо унюхает даже отдаленный запахок супружеской измены. Проверять, сдержит ли особист обещание, Борису не хотелось, и до сего дня он не давал своей благоверной даже повода поводить носом. В обмен на свою осторожность он имел уютный семейный очаг и отсутствие проблем с «крышей», ибо полковник был не меньшим демократом и не делал секрета из своих родственных связей. А какой же браток или патрульный милиционер попрет на контору зятя полковника ФСК? Если только очень сильно отможенный. Так что никто на Бориса не пер, мзды не

требовал, бабки не вымогал. Жил Борис как у Христа за пазухой.

И что бы ему не успокоиться, не перестать бегать за юбками и кожаными шортиками! Так нет. Не мог Борис в свои тридцать два утомиться и стать примерным семьянином, тем более что дела шли хорошо, компания росла, штат увеличивался, пополнялся новыми смазливymi и незакомплексованными карьеристками.

И вот Борис, кажется, допрыгнулся.

Сегодня утром вместе с ворохом рекламных листовок и бесплатных газет он выгреб из почтового ящика плотный конверт без обратного адреса. Небрежным движением разорвав бумагу, он обнаружил в конверте пять фотографий, где были запечатлены он и одна из новеньких сотрудниц. Для порножурнала снимки, конечно, не годились, но понять, чем заняты шеф и его длинноногая подчиненная, не составляло труда. Происходило это очередное Борино грехопадение два дня назад, в его кабинете. Один раз на кожаном английском кресле, один раз — на столе. Были довольно удачно сняты обе ситуации.

К фотографиям прилагалась напечатанная на компьютере записка: *«Отольются кошке мышьи слезки»*.

Подписи, разумеется, не было.

Хорошее начало дня. Борис быстро сунул фотографии обратно в конверт и поехал на работу.

Перво-наперво нужно было успокоиться и обдумать создавшееся положение. Борис любил думать за рулем и сейчас, выезжая со двора на улицу, начал раскладывать факты по полочкам.

Очевидно, что жена пока ничего не знает. Она бы не смогла этого скрыть. Уже хорошо. Но гораздо больше волновал Бориса тесть. Если такой конвертик ляжет ему на стол... Нет, этот вариант развития событий лучше по-

ка отложить. Можно, конечно, звякнуть ему с мобильного, спросить, как дела, и заодно прощупать почву. Но у идеи были два минуса. С одной стороны, тесть мог еще не получить конверта или не успеть его вскрыть, с другой стороны, он мог только сейчас этот самый конверт вскрывать, и Боря угодил бы прямиком под горячую руку. Нет, в этом направлении лучше не дергаться.

Вопрос второй: чья это работа? Из упоминания о «мышкиных» слезках логически вытекал список оставшихся недовольными жертв Бориной любвеобильности. Список-то вытекал, но толку от этого списка никакого уже потому, что был он чересчур длинен. Хотя, скорее всего, дело именно в оскорбленных чувствах какой-нибудь «мышки». Кому же он мог так досадить? Ведь любви до гроба или золотых гор он никому не обещал, и то, что роман будет достаточно лаконичным, подразумевалось с самого начала.

И потом, какая радость от мести, если жертва не знает, что именно ты нанес удар? Конечно, люди разные. Но все равно можно было написать конкретнее. Нет, как-то странно.

А вдруг сработал кто-то посерьезнее? Нет, вряд ли. Серьезный шантажист не стал бы темнить. Он бы выставил требования, получил бы свое и отвалил. И Боря предпочел бы заплатить и забыть об этой истории, чем прокручивать в голове вариант с «обманутой принцессой». Деньги — дело наживное, особенно когда с тестем все ладно, а вот если рассердить тестя...

«Мышкины слезки»... Что, интересно знать, имеется в виду? Кого же он заставил плакать? Что за чертовщина?

Приехав в контору, Беленков прошел в свой кабинет, запер дверь и, усевшись за стол, разложил фотографии.

Вне всякого сомнения, они были сделаны из одной точки. Откуда-то издалека, возможно из окон здания напротив.

Борис поднял глаза и посмотрел на окно. Прикинув угол, с которого велась съемка, он невесело усмехнулся, вспомнив о просьбе этой... кажется, Гали... закрыть шторы. Как же она была права! И как же был прав Майкл, когда предлагал повесить жалюзи!

Да, жалюзи он теперь повесит. Лучше поздно, чем никогда. Но сейчас нужно прикинуть, откуда велась съемка. Был у Бориса спец по таким расчетам. Если он вычислит, откуда шелкал этот долбаный фотокор, то концы сойдутся быстро. Ох, пожалеет фотолюбитель о том дне, когда впервые взялся за камеру...

Телефонный звонок заставил Бориса вздрогнуть.

— Слушаю, Беленков.

— Здравствуй, Беленков.

Боря ощутил вдруг безграничную тоску: голос тестя звучал подчеркнуто, по-садистски ласково. Поскольку иных причин для недовольства Боря ему не давал, не было смысла тешить себя надеждой, что полковник звонит по поводу какого-нибудь пустяка вроде ящика шампанского.

— Как поживаешь, Боренька?

— Здравствуйте, Семен Васильевич. Спасибо, хорошо.— Боря замер, ожидая, что скажет тесть.

— Хорошо — это хорошо. Регулярно, наверное, поживаешь?

Ладони у Бориса вспотели. Он вытер правую о брюки и переложил в нее трубку.

— Чего молчишь?

Боря пожал плечами и закрыл глаза.

— Эй, зятек!

— Да-да, Семен Васильевич. Я слушаю.

— А-а, а то я подумал, что заснул ты.— Елейно-нежные нотки вдруг исчезли, и в следующем вопросе прозвучал рык льва, огорченного поведением газелей на подведомственном царю зверей участке саванны.— А знаешь, на что я сейчас смотрю?

Семен Васильевич был человеком незлым. Чтобы распечь подчиненного, ему требовалось сначала распалить себя, что он сейчас и делал.

Боря решил на контрудар:

— Догадываюсь.

— Вот как? — Семен Васильевич в гневе не учел такой вариант.— И что же это, по-твоему?

— По-моему, это фотографии. Штук пять, я думаю.

Семен Васильевич ответил не сразу, но когда заговорил, голос его звучал спокойно:

— Интересно ты живешь. Но это твои дела. А вот по поводу фотографий... Лялька знает?

— Насколько я понимаю, нет.

— А кто снимал?

— Понятия не имею.

— Бабки просили, а ты пожадничал?

— Нет. Записка была. Это просто подлянка. Месть чья-то.

— Месть?

— Видимо, да.

Семен Васильевич задумался еще на минуту.

— Значит, так, зятек. Могу я тебе башку проломить. Могу «висяк» какой-нибудь на тебя списать. Могу просто магазин отобрать...

От такого многообразия вариантов Борису захотелось превратиться в таракана и слинять в какую-нибудь щель.

— Но Лялька не поймет. Тем более что она еще не в курсе, какой ты есть муженек. Только просто так я тебе

этого тоже не спущу, не надейся. Я подумаю, что с тобой делать, и что-нибудь обязательно придумаю, не изволь беспокоиться. Ты меня знаешь.

— Знаю, Семен Васильевич,— откликнулся Борис, сообразив, что страшный приговор отменили.

В дверь кабинета постучали, но Беленков не обратил на это внимания.

— Но! Если я услышу хоть шорох о том, что ты...

— Я понял, Семен Васильевич. Ни-ни.— Борис не особенно пекся сейчас о своем авторитете, тем более что оба собеседника прекрасно знали, чего стоят по отдельности.

— И еще. Если Лялька узнает сама или твой мститель поможет, то... Могу даже сразу назвать номер камеры, где устрою тебе для разминки каникулы. Назвать?

— Не стоит, Семен Васильевич. Я все понял.

Кто-то снаружи нетерпеливо подергал ручку двери, и Борис бросил на крутящийся шарик полный ненависти взгляд.

— Ну, посмотрим, что ты понял, козел. И помни, дерьмо... — Тесть снова начал заводится, чего нельзя было допустить.

— Я все помню, Семен Васильевич. Повторяю, как молитву, утром и вечером.

В дверь заколотили. Послышались голос секретарши и незнакомый басок, что-то недовольно бубнивший.

— Ну, смотри... — Тесть бросил трубку.

На дверь обрушился целый град ударов.

— Какого хрена?! — заорал Борис, отшвырнув трубку.— Кто там еще?

Он быстро подошел к двери, повернул ключ и распахнул ее. В тесной приемной толпились люди. Кто-то был в форме, кто-то в штатском. Кто они, Борис понял сразу, но один из них счел своим долгом соблюсти фор-

мальности, сообщив Беленкову, что его посетила-таки налоговая полиция.

— Безмерно рад,— пробурчал Борис, пропуская людей в кабинет.— Именно сейчас и именно вас мне и не хватало,— добавил он беззлобно, тут же получив в ответ колючий взгляд человека в форме.

За Женькой Зыковым по прозвищу Жук ходила дурная слава садиста, хотя таковым он на самом деле не был. Он, конечно, старался присутствовать на всех разборках и стрелках, следил с интересом за беседой своих молодчиков с каким-нибудь должником или проштрафившимся коммерсантом, но делал это исключительно из деловых соображений. Вид крови или чьего-то круглого живота со следом от только что снятого утюга вызывал у него совершенно нормальное человеческое отвращение.

Но приходилось следить за порядком, чтобы все было по понятиям, ибо Жук был правильным, то есть придерживался старых воровских законов. Боевики же его не видели особого смысла и, главное, выгоды в соблюдении архаичных ритуалов. Только присутствие Жука могло удержать их от беспредела: прав, не прав — пришьют, ограбят и свалят в кабак, а там между собой перегрызутся из-за добычи.

Так что приходилось Жуку поспевать везде, где требовалось его вмешательство. Приходилось, скрепя сердце, наблюдать, как лупцуют несговорчивых хачиков, как шмонают зарвавшегося барыгу, как учат уму-разуму местную желторотую шпану. Нет, Женька не получал никакого удовольствия от этих мероприятий. А то, что он неотрывно следил за процессом, время от времени давая своим людям указания или советы, объяснялось

исключительно страстью Жука к справедливости. По воровским, разумеется, представлениям.

Узнав от стукача, что некто Яша Коломиец, еще полгода назад поставленный на счетчик и с тех пор успешно скрывавшийся от братвы, замечен в подмосковном Солнечногорске, Жук не раздумывая засобирался в небольшое путешествие за город. Вопрос серьезный, и пускать решение проблемы на самотек, поручив нанесение визита рядовым дуболомам, нельзя.

Накинув легкий пиджак, Жук повесил на ремень трубку сотового телефона, которая тут же запищала.

Жук поднес трубку к уху. Он всегда молчал, дожидаясь, пока звонивший заговорит первым.

— Э! — раздалось в трубке.

Короткого «фирменного» возгласа оказалось достаточно, чтобы опознать Макса Андросова, на протяжении последних десяти лет бывшего одним из лучших друзей Жука. Сколько было вместе выпито, сколько съедено, сколько потрачено денег на девиц!

— Привет! Давай ляпни что-нибудь по-быстрому, а то я тут еду на стрелку.— Подобная нарочитая фамильярность была нормальной формой общения между старыми друзьями.

— Тут базар есть. У Белого засада, просит срочно помощи.

Борис Беленков был неизменным третьим в их разудалой компании и не отставал ни по одному из упомянутых показателей.

— А чего он сам-то не звонит?

— Да он весь в засадах. К нему еще налоговая приперлась. Он тебе звонил, а ты, видать, дрых.

— Слышь,— Жук взглянул на часы,— я правда отваливаю уже. Это терпит?

— Не знаю. Но Белый на измене. Его, короче, сняли, а потом ему и тестю фотки прислали.

— В каком смысле сняли?

— Ну, с телкой какой-то. Секретаршей или что-то в этом роде.

— А! Ну, это понятно. И чего теперь?

— Теперь — дрова. Нужно срочно вычислить фотографа, иначе этот Буденный сотрет Белого в порошок.

— А снимали откуда?

— Да похоже, что с технического этажа напротив.

— Ясно. Слушай, но что можно сделать-то? Брать всех Бориных девок и по очереди совать их пальцы в мясорубку?

— Да ты подъезжай, а тут уже покумекаем.

— Ладно, сейчас сгоняю на стрелку...

— Слышь, ты кончай воду варить. Приезжай давай!

— Да дело у меня!

— У тебя всю жизнь дела были, есть и будут. Давай не гони, приезжай. Я, в натуре, все бросил, а ты, блин, сидишь шлангуешь!

— Ладно, сейчас попробую переиграть. Если получится, то подъеду. Все, капут связи.

Конечно, никто бы не съел его с кашей, отправься он сначала в Солнечногорск, но...

А может, в самом деле послать кого-нибудь? Никто ведь из бригадиров лично на такие дела не ездит. Не пора ли остепениться? Но если остепениться, то кого послать? Вопрос не шуточный. Дело не только в ответственности операции, но и в том, что, назначив кого-то из ребят старшим, он автоматически поднимает его, повышая его статус в бригаде.

Объективно у Жука был всего один кандидат — браток по прозвищу Дятел, единственный человек, кто тратил некоторое время на то, чтобы подумать, прежде чем

начать что-то делать. Его уважали, так что проблем с вопросами субординации возникнуть не должно. Все бы ничего, но следовало учесть соображение политического плана. Дятел был единственным реальным претендентом на место Жука. Негласная, так сказать, оппозиция. Подняв Дятла, Жук автоматически признал бы его авторитет. Это могли истолковать как уступку сильному сопернику. С другой стороны, продвинув Дятла вверх, можно на какое-то время забыть о борьбе за власть: притязания самолюбивого Дятла будут временно удовлетворены. Потом-то он, конечно, как та старуха, захочет быть «столбовою дворянкой»...

Но, если выдвинуть кого-то другого, это может стать катализатором взрыва недовольства как самого Дятла, так и той части братвы, которая спит и видит Дятла во главе бригады. Нет уж, лучше бархатная революция потом, чем путч сейчас. А делить бригаду на рядовых и сержантов все равно придется.

Решено: в Солнечногорск едут Дятел и еще трое боевиков. Первое самостоятельное задание, тем более проваленное, может, кстати, развеять в прах красивую легенду о братке по прозвищу Дятел, которому никак не дают проявить себя. Посмотрим еще, каков он в роли командира.

Жук отдал все необходимые распоряжения и отправился на встречу с дружками-приятелями.

ГЛАВА 3

Москва, 1986 — Западная Сибирь, 1993

Валентина Коптева не была трудным подростком, не состояла на учете в милиции, не прогуливала уроки и не курила в подъездах с подругами. Напротив, Валентина Коптева была девочкой из хорошей семьи. Кстати, дочерью директора школы. Хорошо училась, читала книжки, уважала старших. С шестого класса серьезно увлеклась спортом — академической греблей. Быстро получала разряды, а к концу десятого класса и кандидатские баллы. Большой спорт был в те годы одним из немногих путей повидать мир. Валентине очень хотелось увидеть мир, и она гребла в своей байдарке с утра до вечера. Вечером — уроки, а утром — снова весла и тренажеры.

Потом она вдруг сошла с этой радушно расстилавшейся перед ней широкой дороги к олимпийским медалям. Причин тому было две.

Главная — безответная любовь. Валя вдруг сделала страшное открытие: оказывается, спорт требовал больше жертв, чем казалось сначала. Одна из них — фигура: за пять лет упорных тренировок стройная девочка превратилась чуть ли не в русского богатыря. Конечно, до

«косой сажени» дело пока не дошло, но то, что гордость школы мастер спорта Коптева несколько шире в плечах, чем ее избранник, было очевидно всем. Это обстоятельство сыграло не последнюю роль в том, что сублинный юноша спасовал перед положившей на него глаз одноклассницей.

Примерно в ту же пору отец Валентины, Павел Степанович Коптев, решил попытаться направить корабль вверенной ему школы в русло новых экономических отношений. Начал он с элементарных платных консультаций и факультативов. Дело пошло настолько хорошо, что временами Павлу Степановичу становилось просто страшно от сознания того, каких джиннов он выпустил на свободу и теперь вынужден держать в узде...

Ну, это лишние подробности. Главное лишь то, что к концу восьмидесятых Павел Степанович очень успешно экспериментировал в самых разных областях бизнеса, постоянно расширяя сферу своих экспериментов. Так что Валя получила возможность посмотреть мир — заплатив деньги за путевку и визу.

В общем, из спорта она ушла.

Поступив в институт, Валя очертила для себя новый круг интересов, завела новых друзей. Все было почти хорошо. Почти, ибо спорт успел сделать свое дело: молодые люди влюблялись в Валиных подруг, и никакие прически, макияжи и наряды не могли заставить их признать, что Валя — представительница слабого пола. Хороший человек и интересный собеседник, она оставалась для них существом бесполом. Валя была в отчаянии.

Потом появился Костя Бобров, провинциальный Аполлон, приехавший в Москву, чтобы грызть гранит наук на том же факультете, что и Валя. Уже позднее она

поняла, что шустрый, сообразительный мальчик из общаги увидел в ней отнюдь не красавицу, а лишь плацдарм для покорения столицы.

Разумеется, папа разбирался в людях куда лучше своего чада, но, заметив, как расцвела засидевшаяся в девках Валя, махнул рукой, понадеявшись на русское «авось». Мама же... Мама вообще витала где-то в облаках, спускаясь на грешную землю только для того, чтобы поставить на полку томик стихов и тут же, взяв новый, взмыть обратно. В общем, через четыре месяца Валя и Костя поженились.

А через месяц на фирму «Коптев и компаньоны» обрушился град неудач и неприятностей. Какие-то комиссии из общественных и государственных организаций, а заодно самые обыкновенные бандиты, словно сговорившись, принялись терзать не в меру разросшееся малое предприятие.

Павел Степанович отбивался как мог, отдавая спасению фирмы все силы, но кольцо сжималось все сильнее.

А вскоре Павел Степанович погиб. Его машина, на полной скорости пробив ограждение моста, рухнула в Москву-реку. Милиция выдвинула ни к чему не обязывающую версию — суицид.

Но злоключения семьи на этом не кончились. Через пару недель в квартире Коптевых появились люди в форме и в штатском. Во время обыска в комнате у Вали нашли какие-то кульки из газетной бумаги. Развернув один из кулков, следователь продемонстрировал понятным измельченную сухую травку. Дальше начался какой-то кошмар. Сперва Валю пытали, что это. Девушка пожимала плечами и говорила, что не знает. Потом следователь сам объяснил, что это конопля, наркотик. Но кошмар не закончился и на этом. Напротив, Валю с уд-

военным упорством принялись мучить вопросами о происхождении этих кульков. Валя опять говорила, что ничего не знает. В конце концов терпение профессионалов лопнуло: они объявили, что гражданка Коптева арестована по обвинению в сбыте наркотических веществ, и дали ей десять минут на сборы.

Костя, узнав о случившемся, развил бурную деятельность и через родственников и знакомых нашел адвоката, точнее, адвокатессу. По совету последней было решено попытаться спустить дело на тормозах, сославшись на нервный срыв. Дескать, потеряв отца, девушка попала под тлетворное влияние, поддавалась соблазну... Адвокат была не промах, и вскоре Валю, признав невменяемой, поместили в соответствующее заведение. Косте пришлось взять фирму «Коптев и компаньоны» в свои руки. То ли руки у него оказались золотыми, то ли просто так совпало, но дела снова пошли в гору.

Через несколько месяцев адвокат сочла, что можно попытаться вызволить Валю из психушки. Последовало новое освидетельствование в Институте Сербского. Валю признали абсолютно здоровой, вменяемой и тут же приговорили к шести годам.

Костя молниеносно оформил развод, каким-то ловким маневром подмяв фирму под себя. Вскоре она сменила учредительные документы, офис и название. Теперь это было ТОО «Братья Бобровы»: из родного села прибыли на подмогу младшие братья Константина. Когда Валя начала понимать, что происходит, она уже не в силах была что-то изменить.

В лагере Валентине пришлось сначала туго, но, сорвавшись и дав сдачи, она быстро отвела охотниц проверить ее. Наконец-то широкие плечи и крепкие руки сослужили ей добрую службу.

Там же, в колонии, ее догнала последняя новость из родного дома: от сердечного приступа умерла мама...

Валька Копец, как окрестили ее в лагере, оказалась вне системы. Блатарки предпочитали не связываться с ней в открытую, ограничиваясь попытками воздействовать другими средствами, но подруг у Вали от этого не прибавилось. Несколько девушек предлагали ей дружбу, вернее — себя, рассчитывая на защиту и покровительство, но это было не то. Валя не курила, не пила, не материлась, не умела наезжать. Она была здесь чужой.

А потом она встретила Ольгу. Рыбак рыбака видит издалека. Валя шестым чувством угадала в затравленной девушке родственную душу. К тому моменту одна из блатных уже положила глаз на симпатичную золушку, но, когда в игру вступила Копец, предпочла уступить.

Валя и Ольга стали подругами. Даже больше чем подругами. И это было совсем не то, о чем подумала бы любая обитательница колонии. Большинство зечек считали девушек именно той парочкой. Но не это сблизило Вальку Копец и Ольгу Жмых, как окрестили обитательницы колонии свою хрупкую, худенькую товарку.

Валю и Ольгу сроднили два чувства. Нехороших чувства. Два чувства, которые наполнили их души и, как птенцы кукушки, вытеснили все остальные, жившие там раньше. И хотя многие заключенные испытывают нечто обозначаемое теми же словами, но что может породить мозг недоучившейся в училище хулиганки, или воровки со стажем, родившейся в зоне, или олигофренички, зачатой двумя хрониками в похмельных судорогах? Что он может породить? Уродливых карликов? Недоделанных монстриков?

Валя и Ольга были из другой породы. И их фантазия — пока только фантазия — рождала настоящих чудовищ.

Тоску и жажду. Тоску по несбывшимся надеждам и жажду мести. Тоску по прошлому и будущему, безжалостно скомканному и брошенному в корзину, и жажду крови, теплой крови из руки, сделавшей это.

Далекая Теплая Страна, сентябрь 1998

Откровенно говоря, Алексей Владимирович ожидал от этого глупого турнира большего. На самом же деле назначенные ему жребием соперники играли на уровне... да можно сказать, что ниже всякого уровня. Одного Кирьянов разнес в четырнадцать ходов, на второго понадобилось девятнадцать.

— Что ж,— усмехнулся Кирьянов, набирая Хьюго Рону рапорт о второй победе,— определенный прогресс все-таки есть. Может быть, на следующего соперника я потрачу уже двадцать четыре хода?

Устроитель турнира не заставил себя долго ждать, через две минуты предоставив пану координаты следующего противника.

В своем сообщении Кирьянов не преминул съязвить по поводу уровня участников турнира, но Хьюго ответил, что дилетанты, по-видимому, кончились, и посоветовал впредь относиться к соперникам более внимательно. Он извинился за то, что пану пришлось сыграть две неинтересные партии, и еще раз поблагодарил его за участие.

Уже занеся руку, чтобы закрыть сообщение, Кирьянов обратил внимание на подпись. Под сообщением значилось: «Хьюго Арнольд Рон». На сей раз любитель острых шахматных ощущений подписался полным име-

нем. С чего бы? Возомнил себя знаменитым устройте-
лем шахматных турниров или, наоборот, хочет перейти
к более близкой степени знакомства, убедившись в вы-
соком классе игры пана?

Как бы то ни было, Кирьянов решил: если и третий
игрок окажется новичком, то надо сообщить мистеру
Рону, что пан видел его турнир в гробу в белых тапоч-
ках. А лучше вообще ничего не сообщать. И так уже
потерял кучу времени. Много чести для какого-то
идиота, будь он хоть Хьюго Арнольд Рон, хоть Фрэн-
сис Форд Коппола, хоть поп и работник его Балда в
одном лице.

Москва, сентябрь 1998

Как Жук и предполагал, ничего путного из этой
встречи не вышло. Белый матерился, обещая снять
скальп с головы, придумавшей сделать ему такую па-
кость. Макс то сочувственно поддакивал, то ободряюще
хлопал друга по плечу и призывал Жука вставить ноту
оптимизма в этот реквием.

Через час переливания из пустого в порожнее воз-
никла идея выпить, и троица отправилась в кабак, где
просидела до вечера. Ближе к вечеру набравшегося че-
рез край Бориса сложили в такси и отправили домой.
Макс требовал продолжения банкета и убеждал Жука
отправиться в какое-то казино. Жук же, порядком
уставший и обеспокоенный отсутствием новостей от
Дятла, отнекивался и пытался улизнуть. В конце концов
ему это удалось. Макс подцепил какую-то блондинку с
пышными формами и, потеряв интерес к нудному прия-
телю, отправился с ней на импровизированную экскур-
сию по ночной Москве.

Жук поймал машину и помчался в кафе, где собирались по вечерам ребята из его бригады.

Войдя в небольшой зальчик, Жук окинул столики взглядом. К своему удивлению, он не обнаружил ни одного знакомого лица. Это было по меньшей мере странно. Мелькнула даже мысль: уж не переманил ли Дятел бригаду под свои знамена? Но тогда или Жук уже был бы мертв, или его просто проинформировали бы о прошедшем референдуме. И это не объясняло, почему никого из братвы нет в кафе.

Пройдя через зал, Жук подошел к стойке.

— Здоров! — обратился он к бармену. — А где народ-то?

Бармен бросил быстрый взгляд исподлобья по сторонам и тихо сказал, не поднимая головы:

— Свалили все.

— Как свалили? — Жук уже понял, что произошло нечто чрезвычайное, но пытался изобразить спокойствие.

— Дятла замочили. — Бармен быстро исчез где-то под стойкой, сосредоточенно гремя там бутылками.

Остатки хмеля, еще витавшие в голове после гулянки, исчезли в один миг.

— Кто? — Жук подался вперед, навалившись на стойку.

— Откуда я знаю? — пробубнил из-под стойки бармен. — Мне не докладывают. Я случайно услышал...

Жук схватил бармена за выглядывавший из-под стойки ворот рубахи и рывком вытащил. Бледное лицо халдея оказалось прямо перед налившимися кровью глазами бандита.

— Ты мне фуфел не пихай, — процедил Жук сквозь зубы. — Что значит «случайно услышал»?

Бармен был уже не рад, что попытался услужить авторитетному братку.

— Жук, я... я не слышал ничего... правда...

Жук почувствовал, как парня колотит от страха, но продолжал держать его за ворот, буравя взглядом и ожидая ответа, правдивого ответа.

— Короче, вбежал Гога и чуть ли не заорал, что... ну... Дятла и еще кого-то замочили... Ну, все снялись и рванули на выход...

— Рванули, говоришь? — задумчиво повторил Жук, ослабляя хватку. Он по-прежнему смотрел в перекошенное от страха лицо бармена. Смотрел, но не видел, камнем уходя в омут своих мыслей.

— Рванули,— подтвердил бармен, аккуратно высвобождаясь.— Не заплатил никто даже.

Жук пошел к выходу.

Дятел и еще кто-то из братков убиты. Кем? Когда? Выяснить это нужно немедленно. А у кого? Куда все рванули? Есть два варианта. Обуреваемые жадой места, братаны помчались разбираться. Неизвестно, чем это кончится. Если Дятла завалил сам Коломиец, то дело кончится зверской мокрухой. Это ничего, можно считать, что ребята поехали на охоту. Только не был похож Яша Коломиец на человека, способного уложить нескольких боевиков. Небось этот очкарик и оружия-то в руках никогда не держал. А кто грохнул? Менты? Тогда уж началась бы облава, и об этом стало бы известно каждому таракану. Неужели за Коломийца вписалась другая бригада? Черт, это был бы самый скверный вариант. Война, да еще начатая вот так, стенка на стенку... Что могло быть хуже?

Один-единственный раз он не проконтролировал все до конца, не пролез самолично во все дыры, и вот резуль-

тат: трупы, беготня и паника. Нужно срочно разобраться, что происходит, взять командование на себя. Как?

Жук развернулся уже возле двери кафе и в два прыжка вновь добрался до стойки.

— Телефон! — рявкнул он бармену.

Жук позвонил Дание, подруге Гоги. Вдруг она что-нибудь знает: вопреки неписаным правилам Гога не стеснялся при ней обсуждать дела и, отправляясь на стрелку, мог запросто объяснить, куда едет и зачем.

После шестого или седьмого гудка трубку наконец сняли.

— Алло! — Не дождавшись ответа, Жук дунул в трубку и повторил: — Алло!

— Жень? — Голос Дании звучал едва слышно.

— Да. Слушай, не знаешь, где Гога? — спросил Жук как можно небрежной.

— Здесь.

В трубке стукнуло, очевидно, Дания положила ее на тумбочку и пошла звать Гогу.

Вот те раз! Жук думал, что все ушли на фронт, а этот фраер сидит себе дома и в ус не дует. Может, сегодня какой-нибудь футбол, бармен обкурился до одурения и вообще ничего не произошло? Может, Дятел сидит себе...

— Алло! — ожила трубка.

— Здоров, Гога.— Тон Жука был чисто деловым.— Слушай, что за лажу мне тут трут? Дятла пришили, война...

— А кто трет-то? — Судя по тону, вопрос был не праздным.

— Да в кафе тут наркот один...

— Наркот?

— Слушай, не грузи. Куда все смылись? В кабаке никого из наших..

Гога ответил не сразу.

— Смылись кто куда. А про Дятла, Мару и Зада — правда. Можем сейчас встретиться. Базар есть. Под деревом через час.

Они встретились «под деревом» — в сквере, в условленном месте. Появилось оно три года назад, когда под этим самым деревом был зарезан Леха Жгут, известный в столице катала. С тех пор бригада Жука использовала сквер для встреч, о которых договаривались по телефону.

Гога припоздал, и Жук уже начал нервничать. Увидев в сгущающихся сумерках знакомую фигуру, он пошел навстречу.

— Привет еще раз. Так что там?

— Там? — Гога огляделся по сторонам. — Там три жмурика.

— В Солнечногорске?

Гога кивнул.

— А четвертый? Ведь ездили четверо?

— Четверо, — эхом откликнулся Гога. — Дикий с ними ездил. Ему две пули в бок засадили, лежит весь крест-накрест в бинтах и памперсах.

— А...

— Уже перетерли с ним, — опередил Жука Гога. — Говорит, что ждали их там. Трое со стволами в квартире и двое — этажом выше. Взяли в капкан и положили пленницей.

— Ну, Яша... — Жук побледнел и сжал кулаки.

— А вот Яши там как раз не было.

— Не важно.

— Да как сказать...

— То есть?

Гога помолчал.

— Понимаешь, Жук, между нами говоря, странно все это. И что ждали нас, и с наколкой твоей.

— Ты что гонишь? — Глаза бригадира сузились.

— Да ты не парься, послушай лучше. — Гога успокаивающе тронул его за плечо. — Стукач — твой, так?

— Ну.

— Вот. Никто, кроме тебя, его никогда не видел. Так что наколка на эту хазу, считай, твоя. Дальше — больше. Когда ехать, ты сам решил. Так?

— Ну.

— А потом сам же соскочил, поехал к корешам своим. А наших встретили как дорогих гостей. Шаришь?

— Ты что, — лицо Жука перекосило от ярости, — козлить меня решил?

— Я... — Гога сделал внушительную паузу, — тебя предупредил. Между нами. По старой дружбе. А вот среди братвы давно был базар, что зуб у тебя на Дятла. Чуешь? А в Солнечногорске Коломийцем и не пахло. Что он, совсем с ума сбежал, чтобы у нас под носом лежать?

— Так... — чуть слышно прошипел Жук. — Значит, решили меня закозлить?

— Жук, никто еще ничего не решил. — Гога легонько хлопнул его по руке. — Я, если честно, думаю, что это чурки. Хотели подставить тебя, купили стукачка твоего. Не обижайся, братан, но расклады есть разные. Очень уж все ловко срослось. Так что будь готов. А я тебе ничего не говорил. Просто рассказал, как все у Дятла сложилось, и спать пошел. Лады?

— Спасибо.— Жук кивнул, повернулся и побрел к своей машине.

Гога еще раз стрельнул глазами по сторонам и быстрым шагом ретировался в сторону метро.

Таксист не довез Бориса до подъезда, как обещал, высадил его, плохо соображающего, что происходит, возле угла дома и укатил.

Длинный, многоподъездный дом, где жил Борис, начинался от станции метро и уходил в глубь квартала. Борису был нужен самый дальний подъезд, и он стоял теперь, собираясь с силами, чтобы преодолеть этот путь.

За спиной шумела улица, гудел небольшой, из матерчатых будочек, рынок у выхода из подземки.

— Сосиски в тесте! Га-арячие сосиски в тесте! — надрывалась торговка, будоража воображение возвращавшихся с работы людей.— Сосиски в тесте!

С минуту Борис вслушивался в эти зазывные крики, словно то была знакомая и некогда любимая, но порядком подзабытая мелодия. Потом щеки его начали собираться к ушам, растягивая рот в подобие улыбки.

— Сосиски в тесте,— повторил он за торговкой, глупо ухмыляясь.— Сосиски в тесте.— Он вдруг расхохотался, запрокинув голову так, что чуть не потерял равновесие.— Сосиска в тесте! Ха-ха-ха! Сосиска в тесте! Сосиска, которая в тесте! Сосиска, которую тесть уже съел!

Продолжая хохотать, Борис медленно двинулся к своему подъезду, стараясь свести к минимуму амплитуду колебаний из стороны в сторону. Навстречу ему попался знакомый. Сообразительный мужик хотел обойти поддатого соседа, но Борис, предприняв неожиданный маневр, ухватил его за руку.

— Привет, Михалыч,— выдохнул Беленков, обдав соседа перегаром.— Ты представляешь, что творится? Она там продает *сосиску в тесте*. Представляешь? Тесть сосиску съел, а она ее продает! Во народ! Изо всего бабки давит!

— Да,— закивал Михалыч, вымученно улыбаясь и пытаясь освободить руку из тисков Бориных пальцев,— забавный каламбурчик...

— Какой на хрен каламбурчик? — возмутился Борис.— Я сам слышал! Стоит и орет... Надо узнать: тесть продается вместе с сосиской или нужно подождать, пока сосиска из него... Михалыч!

Соседу удалось-таки вывернуться, и он тут же пустился наутек.

— Михалыч! Ты куда, в натуре?!

— Извини, тороплюсь, в гараже ждут...

Борис остался в одиночестве. Свежий воздух и приступ веселья несколько взбодрили его, и он зашагал дальше уже более твердым шагом.

— Сосиска в тесте,— бормотал он на ходу.— Еще чего! Хватит мне и одного тестя. Такой тесть — одному не съесть. И так, глядишь, не останется от меня ни сосиски, ни того, что выйдет потом...

Макс, единственный из троицы, возвращался домой в хорошем настроении. Еще бы! Его не тяготила проблема с тестем-спецушником. Он не изнывал в ожидании новостей от подручных. Макс с ветерком катил в машине домой. Хмель наполнял окружающий мир сочными красками и чарующими звуками, а девица, сидевшая рядом с ним, казалась верхом красоты и просто эпицентром сексапильности.

В отличие от горемыки Беленкова, Макс вышел у самых ступеней родного крыльца. Бросив водиле полтинник, он подождал, пока его знакомая тоже выберется наружу. Откинув со лба светлые волосы и одернув закатывшуюся на живот кожаную мини, она без лишних вопросов двинулась к подъезду.

Он был достаточно галантен, чтобы, открыв парадную дверь, пропустить даму вперед, но, едва они вошли в полумрак подъезда, рука его как бы сама собой накрыла и сжала ягодицу блондинки. Пальцы тут же соскользнули с качественной мягкой кожи юбки, и он был удостоен брошенного через голое плечо блудливо-укоризненного взгляда. От этого взгляда, от вида этих округлостей, соблазнительно колыхавшихся при каждом шаге девицы, в Максе проснулся настоящий Везувий.

Буквально втолкнув свою новую подругу в лифт, Макс нажал кнопку нужного этажа и, зажав блондинку в углу, принялся жадно шарить по ней руками.

— Не, ну ты же подожди! — На сей раз в голосе девицы прозвучало довольно натуральное возмущение. — Что ты сразу лапать-то? Я ж не шалава какая-нибудь.

— Ну да, — Макс отстранился и с ухмылкой взглянул спутнице в лицо, — конечно.

Они вошли в квартиру.

Не тратя времени на разувание и изучение географии квартиры, гостья сразу проследовала в комнату. Макс метнулся на кухню, хлопнул дверцей бара и через мгновение предстал перед предметом своего вожделения с бутылкой коньяка и двумя рюмашками.

Девушка поморщилась, хотя в этой гримасе было больше кокетства, чем недовольства.

— Ну, ты хоть закусить чего принеси. Лимончик порежь...

— Ага,— с готовностью кивнул Макс, ставя бутылку и рюмки на журнальный столик. Он опять бросился на кухню и загремел, забренчал там, что-то нарезая и сервируя.

Гостя его тем временем быстро открыла коньяк и наполнила рюмки. Поспешность, с которой она проделала это, была довольно подозрительной. Еще более подозрительно девица повела себя дальше. Она извлекла из кармашка юбки маленькую капсулу и, быстро вытряхнув ее содержимое в одну из рюмок, убрала капсулу обратно.

Затем взяла другую рюмку и уселась поудобнее на широком диване, небрежно скинув туфли и подобрав ноги под себя. В этой позе томящейся куртизанки и обнаружил ее вернувшийся с тарелками Макс.

Девица лишь пригубила коньяк, Макс опрокинул свою порцию залпом.

— А ты... это...— начал он, пытаясь изобразить светскую беседу.— Тебя... это... как зовут?

— Здравствуйте, приехали! Сто лет знакомы, и такие вопросы! — Блондинка поджала губки.— Карина меня зовут.

Макс понял, что допустил оплошность, но пятьдесят грамм коньяка, посланные вдогон литру «Смирнова», выпитому в ресторане, напроць лишили его возможности соображать. А ведь лицо девицы и впрямь было знакомо. Может, в прошлую встречу она еще не была блондинкой? Все может быть...

Он понимал, что нужно сказать какой-никакой комплимент, чтобы компенсировать бестактность, но мозг злобно саботировал команды Макса и ничего не выдавал. За неимением лучшего сценария, Макс налил себе еще коньяка, но пить не стал. Вместо этого он плюхнулся на диван рядом с Катей. Обвив ее талию руками, он

приник к ней, ощущая, что вулкан внутри раскопчегарился уже до критической точки.

Бормоча что-то бессвязное, он принялся стаскивать со своей дамы ее довольно символический прикид. Получалось это не слишком изящно, напоминая скорее процедуру снятия кожуры с апельсина. Катя явно не была в восторге от подобного обхождения, но не сопротивлялась.

Даже не сняв, а сдвинув одежды с наиболее притягательных частей тела девушки, Макс стал раздеваться сам. Проворно скинув все, что было, он набросился на гостью, опрокинув ее на спину. После минутной возни на диване Макс поднялся, опершись на руки.

Он растерянно крикнул, и девица с любопытством подняла голову.

Происходило нечто невероятное. Вулкан внутри Макса бушевал и бесновался, но туда, где это должно было быть заметно более всего, его энергия почему-то не передавалась. Такой конфуз случился с Максом впервые. Он ошалело рассматривал дезертировавшую с поля боя часть тела и не знал, что сказать.

— М-да. — Девица, протянув длинную загорелую руку, коснулась его и, поняв, что дело плохо, просто выбралась из-под партнера, возвратила детали одежды на прежние места и легко встала.

Макс удивленно посмотрел на нее снизу вверх.

— Ты куда? — спросил он, пытаясь поймать ее руку.

— Пойду я, пожалуй, — ответила Катя, всовывая ноги в туфли. — Коньяку тяпнуть я и одна могу.

На губах ее играла улыбочка. Она смеялась над его неудачей.

— А ну, стоять, сука! — Макс попытался схватить ее, но Карина ловко отступила на шаг и, развернувшись, бросилась к двери.

Макс, промахнувшись, потерял равновесие и рухнул с дивана на пол. Исход погони был, таким образом, предопределен.

Карина уже открыла дверь и, стоя в проеме, обернулась в сторону комнаты:

— Ты бы медку покушал. С орешками грецкими. Иногда помогает. Не в твоём, конечно, случае...

Макс с рычанием кинулся из комнаты, и девушка поспешила унести ноги, успев выскочить за дверь перед самым носом у своего преследователя. Дотащившись до постели, Макс рухнул навзничь и через минуту уже храпел, точно былинный богатырь. Он не слышал, как вернулась Карина, отперев дверь предусмотрительно прихваченным ключом...

ГЛАВА 4

Западная Сибирь, май 1998

— Ольга!

— Валька!

Они бросились друг к другу, сцепившись намертво в объятиях.

— Валька...

— Ольга... Приехала все-таки!

Ольга чуть отстранилась:

— Как понять «все-таки»?

Валька вместо ответа снова сгребла подругу своими ручищами, и Ольгин голос теперь доносился откуда-то из подмышки:

— Нет, подожди, ты за кого меня принимаешь, а?

— Да не бузи ты! — Валя поймала широкими ладонями Ольгино лицо и чмокнула подругу в щеку.

— О! — раздался у них за спиной радостный возглас. — Вальку жена встречает.

Валя обернулась на голос и смерила шутницу выразительным взглядом.

— Засунь язык себе в задницу, а то я тебя встречу! — Она снова повернулась к Ольге. — Ну что? Куда мы сейчас лопанемся?

— Поедем ко мне.— Ольга хитро усмехнулась.

— Ого! — вскинула брови Валя.— Полгода на воле, а уже «ко мне». Ты, случайно, без меня не скакнула?

— Нет,— улыбнулась Ольга,— все гораздо проще и не так красиво. Но по крайней мере будет где переждать несколько дней. И знаешь что? Давай без фени. Тошнит уже.

— Давай. Я не против.— Валя закинула на плечо сумку.

Они вышли из проходной и зашагали по дороге к городу. На сей раз, к сожалению, с попуткой не повезло, да и держать мазу, то бишь замолвить словечко за бывшую заключенную, было некому.

— Так что у нас с...— Валя запнулась на секунду, вспоминая подходящее слово из нормативной лексики,— ночлегом?

— Я работаю в одной организации. Иностранная организация. Я там вроде ночного сторожа.

— Что?! — Валины глаза стали почти круглыми.— Ты гонишь! С такой статьей — и ты сторож в инофирме? Тебя что там, по совместительству?..

— Дура! Я действительно сторож. Просто сторож. А организация эта баптистская. Они занимаются благотворительностью, спасают наши заблудшие души. И мою решили спасти. У меня там комнатка, еда бесплатно и чуток денег приплачивают. Кстати, я с ними договорилась: на несколько дней они и твою заблудшую душу готовы приютить и попытаться спасти.

Метров тридцать подруги прошли молча. Валя переваривала информацию, Ольга ей не мешала.

— Так,— произнесла Валя, когда процесс переваривания завершился.— Теперь понятно, откуда любовь к литературному русскому.

— Да не в этом дело.

— Шучу. Мне тоже обрыдли эти рожи, колючка и бушлаты. Я тебя поняла. Кстати, у меня есть немного денег. Я, правда, в толк не возьму, это немного или вообще ничего?

— А можно в цифрах?

— Почти два лимона.

Ольга улыбнулась.

— Что, совсем плохо? — насторожилась Валя.

— Да нет, для провинции не так уж мало.

Еще сотню метров они прошли молча. Путь был неблизкий, приходилось беречь силы.

— Для провинции, может, и неплохо, — жестко сказала Валя. — Но мы ведь не собираемся засиживаться в провинции? Так ведь?

— Так, — кивнула Ольга. — Вот только...

— Что?

— Только я чем больше думаю, тем лучше понимаю, что нам самим этого не сделать.

— Ты так считаешь? — Валя остановилась, сурово глядя на подругу.

Ольга прошла несколько шагов, тоже остановилась и посмотрела на нее через плечо.

— Я все помню. И ничего не изменилось. Только нам нужен специалист. Настоящий убийца.

Далекая Теплая Страна, сентябрь 1998

В самом деле, следующий игрок оказался на порядок сильнее. Алексей Владимирович начал партию довольно небрежно и едва не поплатился за свою самоуверенность. Спасло только то, что противник его, похоже, допустил ту же ошибку. Выиграв на двенадцатом ходу пешку, неизвестный соперник под псевдонимом Сфинкс, решив, что играет с очередным дилетантом, за-

варил красивую, но не до конца просчитанную комбинацию, обернувшуюся для него разгромом. Потеряв преимущество и фигуру, Сфинкс без лишних комментариев отключился.

Хьюго Арнольд Рон поздравил пана с победой и сообщил, что, в связи с отказом одного из игроков продолжать чемпионат, в четвертьфинал пан проходит без игры. Со своим соперником пан может начать игру в любой момент. Но этот новый соперник, мсье Битл, действительно сильный игрок, так что не стоит торопиться.

Накал второй половины только что выигранной партии взбодрил Кирьянова, впрыснув некоторое количество адреналина в кровь. Будучи гурманом, Алексей Владимирович решил не спешить со следующим блюдом в виде мсье Битла. Он сообщил господину Рону, что намерен сразиться с соперником завтра.

Кстати, внимание Кирьянова снова привлекла подпись. На сей раз под сообщением значилось: «Хьюго Артур Рон».

Любопытно, что за метаморфозы? Господин Рон просто выпендривается, примеряя аристократические имена? Пытается заинтриговать или просто рассчитывает именно на тот эффект, которого уже добился, — пробудить интерес к своей персоне? Неплохой рекламный трюк. Да, очень неплохой!

По старой привычке Алексей Владимирович начал импровизировать на тему использования опечатки в рекламной акции. Тема была крайне любопытной. Алексей Владимирович даже взял карандаш и набросал несколько эскизов. Жаль, очень жаль, что он отошел от дел. Можно было бы привлечь этого загадочного Рона. Интересный получился бы проектик...

Москва, сентябрь 1998

— Ну что? — Борис нервно загасил сигарету.

Он буравил взглядом лицо парня, которого ему рекомендовали как специалиста по компьютерным сетям, а главное, по методам проникновения в них. Многое, ох многое зависело от ответа этого плюгавого гения.

Проблема состояла в том, что, придя утром на работу, Борис, как обычно, включил компьютер. После вчерашнего возлияния было такое ощущение, будто в голове сидит маленький мерзавец и скребет вилкой по мозгам. Ни желания, ни возможности работать у Бориса Беленкова не было. Было желание принять контрастный душ, улечься в койку и поспать до обеда. Дурацкие шипучие таблетки, якобы снимавшие похмелье, не оказывали абсолютно никакого эффекта, зато выпитая вместе с ними вода стояла где-то чуть ниже кадыка, упреждая желание наклониться вперед.

Минут пять Борис неподвижно сидел в кресле и тупо смотрел на экран монитора.

Прошло три минуты, и таблица с ценами на обогреватели исчезла, уступив место заставке. В качестве заставки Борис установил себе программу, демонстрирующую фотографии из коллекции журнала «Плейбой». Тридцать фотографий сменяли друг друга, задерживаясь на экране по десять секунд.

Сначала Борис даже не обратил внимания на то, что в ряду примелькавшихся уже картинок появилась новая. Лишь когда серия пошла по второму кругу, он встрепенулся, но не успел рассмотреть кадр. Единственное, что он успел понять, — такой фотографии раньше не было.

Встряхнувшись, Борис с интересом ожидал, пока новая картинка появится снова.

Так, вот она. Девушка лежит на широкой кровати в весьма откровенной даже для «Плейбоя» позе...

— Эй! — Борис подпрыгнул, словно пытаясь схватить исчезающую картинку.— Это же Танька! — От волнения он заговорил вслух.— Танька у меня дома...

То был предыдущий служебный роман господина Беленкова с очередной соискательницей на должность оператора. Лялька тогда каталась по Скандинавии, и пару раз Борис приводил пассию домой. Кадр был сделан во время одного из таких визитов.

Первым делом Беленков рванул домой. Он не нашел камеры, но понял, где она была установлена — под карнизом штор. В стенке коробочки даже осталась дырочка, через которую велась съемка.

Это открытие и огорчило и успокоило Бориса. Самым правдоподобным объяснением появления камеры в их доме было то, что фотосъемки организовала Лялька. Факт почти очевидный, хотя пока недоказуемый. Если так, то, судя по всему, она знала о Бориных похождениях гораздо больше, чем он думал. Но был в этой истории и положительный момент: она не просто отнесла фотографии папе, а играет в какие-то дурацкие игры, из чего вытекает, что она отнюдь не жаждет Бориной кровушки, а лишь мечтает проучить потерявшего совесть муженька. Не исключено, кстати, что тесть ей просто подыгрывает.

Разобравшись с происхождением фотографии, Борис решил выяснить, как она попала в его компьютер, для чего и вызвал этого замухрышку.

— Ну что я вам скажу...— Компьютерный божок с утыканными оспинами щеками закончил наконец трещать клавишами, запуская какие-то программки.— Файл загнали вчера в четырнадцать ноль шесть. А вот кто загнал, установить не удастся. Скажу только, что машина была в это время включена и кто-то на ней работал. Файл мог записать только этот человек.

Такой вывод не слишком обрадовал Беленкова. Дело в том, что в указанное время за компьютером сидели главный бухгалтер и два инспектора. Получалось, что его главбух как-то замешан в этой авантюре. Жаль главного бухгалтера...

— А больше никак нельзя? — разочарованно спросил он.

— Еще... — Паренек поморщился, словно ему предлагали сжевать целиком головку чеснока. — Можно влезть в машину через Интернет. У вас ведь постоянный канал. Но это не так просто, и дураков заниматься такими делами... Дорогое удовольствие, словом.

— А что, это так сложно?

— Ну, не просто. И если не знать пароля...

Вундеркинд еще что-то бормотал, но Борис уже по уши провалился в свои мысли. Пароль! Неизвестно, знала ли Лялька, что пароль на их домашнем компьютере совпадает с паролем на машине в офисе, но догадаться проверить могла даже она. Тем более если эта стерва подключила какого-нибудь спеца-компьютерщика. Но где она могла его найти? Ха-ха! Где? Да у папули в конторе и нашла. Все сходится. Но вот что теперь делать? Это вопрос, и вопрос не праздный.

Жуку удалось собрать костяк бригады на стрелку. Он популярно объяснил браткам, что устраивать бузу нехорошо и небезопасно. А если у них есть идеи о смене главаря, то лучше оставить их при себе, ибо главарь был утвержден вором в законе, а значит, только этот вор и может изменить положение вещей. Если кто-то недоволен, пусть высказывает свои претензии напрямую.

Желающих сходить на разбор к вору Шале с обвинением его любимца в том, что тот организовал или спрово-

воцировал убийство своих корешей, понятное дело, не нашлось. Еще бы! С такого разбора не было выхода иначе чем вперед ногами. Если не удастся убедить Шалу в том, что Жук подставил Дятла, то участь того, кто выступит с подобным необоснованным обвинением, будет предрешена. А если даже логические, не подкрепленные никакими доказательствами умозаключения братков показались бы вору достойными внимания, то опять-таки «первый кнут — доносчику»: ходоков бы ликвидировали, чтобы не выносить сор из избы и не сеять опасные семена вольнодумства в рядах простых боевиков. Нехорошо, коли все начнут ходить с жалобами на руководство, ни к чему в криминале такой плюрализм. При этом судьба самого Жука могла сложиться по-разному. По воровскому закону Шала как вор, скажем так, допустивший просчет при подборе кадров, должен был держать ответ перед сходом. А оно ему надо? Шала или ликвидировал бы Жука вместе с донесшими на него братками, или, что более вероятно, просто по克罗шил бы всех, кто считает Жука виноватым. В итоге Жук был бы повязан и обязан вору по гроб жизни, что неплохо с точки зрения той самой кадровой политики.

В общем, братки прикусили языки. Те, кто накануне вечером клялись своими руками придушить Жука, сегодня громче всех ратовали за необходимость найти и покарать настоящих убийц и нанявшего их Яшу Коломийца.

Таким образом, Жук даже укрепил свои позиции. С одной стороны, исчез единственный претендент на его место в бригаде. С другой, братки небезосновательно опасались, что рано или поздно Жук вздумает выяснить, в чьей голове родилась крамольная мысль, будто славный бригадир решил подставить своих людей, и кому эта ренегатская мысль пришла более всех по душе. Те-

перь главные смутьяны начнут рваться в бой, чтобы доказать свою преданность.

Все сложилось для Жука весьма удачно. В преддверии славных дел, порученных его бригаде Шалой, навести порядок в своих рядах было необходимо.

Шала прикрывал известную в России фирму «Братья Бобровы». Пару лет назад Шала пожелал, чтобы фирма в числе прочего занялась еще и рекламой. Безусловно, речь шла о больших деньгах и ожидавшихся прибылях. Но пока только об ожидавшихся, ибо мелкие рекламные агентства, которые предстояло подмять под себя, оказались гораздо менее сговорчивыми, чем предполагал Константин Бобров, президент фирмы. Обычная конкурентная борьба с ними приняла, как говорится, затяжной, оборонительный характер. Бобровские деньги и связи не слишком помогали. Нужно было решать вопрос кардинально. И Шала посчитал, что Жук со своей бригадой — подходящий аргумент в этом споре.

На сегодняшний день бандиты уже начали перекраивать рынок, но ничем особенным похвастать не могли. Два агентства, не имевшие серьезного прикрытия, согласились работать на «Братьев Бобровых», но остальные ошетинились статьями и стволами, так что взять их голыми руками не представлялось возможным.

Основным бизнесом «Бобровых» было изготовление мебели и строительство домов в Подмоскowie, что породило массу шуток и каламбуров относительно того, что «Бобры» нашли себе дело по зубам и по вкусу. Теперь же характер шуток резко изменился. Говорили, что рекламный бизнес им не по зубам. Но гораздо хуже этих каламбуров было то, что хозяева интересовавших фирму рекламных агентств недвусмысленно дали понять, что предпримут весьма решительные контрмеры.

На сегодняшний день ситуация напоминала стояние на реке Угре, когда обе стороны были готовы вступить в бой, но никто не чувствовал себя сильнее настолько, чтобы первым нанести удар. Если продолжить эту аналогию, то Жук со своей бригадой выступал в роли монголов. Разница была в том, что обе стороны понимали: в данном случае супостат просто так не уйдет — и пользовались тайм-аутом, дабы укрепить свои позиции.

Самым логичным ходом занявших оборону рекламщиков было бы устранение Бобра, то есть Константина Боброва. Преимущество такого хода заключалось в том, что его братья не смогли бы точно указать, кто из десятка крупных компаний нанял киллера, а воевать сразу со всеми было невозможно. Обезглавленной же фирме потребовались бы месяцы, чтобы оправиться от удара.

Дабы упредить такой поворот, Шала велел Жуку выделить людей в помощь бобровской службе безопасности, а сам по своим каналам пытался установить, с кем из киллеров обсуждался вопрос о ликвидации Бобра. Выходило, что пока ни с кем. Это бездействие беспокоило вора: раз противник не делает того, что должен сделать, значит, он готовит нечто оригинальное. А сюрпризов Шала не любил.

На сегодняшний день у Жука был приказ держать бригаду в состоянии готовности номер один, и он собирался держать ее в этом состоянии любой ценой, любыми средствами.

ГЛАВА 5

Москва, июнь 1998

Валя и Ольга прибыли в столицу, чтобы свести счеты.

Вале нужна была голова бывшего супруга, Константина Боброва. В меньшей степени интересовали ее упоминавшийся уже ловкий адвокат, вернее адвокатесса, сначала засадившая ее в желтый дом, а после, когда муженек прибрал к рукам отцовскую фирму, отправившая Валью за решетку. Ольга должна была помочь подруге в обмен на такую же услугу с ее стороны.

Обе они попали в зону с чужой подачи, обе были преданы людьми, которым доверяли. Но сейчас отчаянная злоба, раздиравшая их изнутри в первый год заключения, сменилась спокойным убеждением в необходимости отомстить. Убеждение это шло уже не от сердца, оно просто заполнило каждую клеточку мозга, мышц, крови. Для прощения, жалости, сомнения места не осталось.

Ольгин случай, конечно, был сложнее: во-первых, список ее должников несколько длиннее, во-вторых, найти их не столь просто. Отчасти поэтому, а отчасти потому, что реализация Валиного плана обещала прине-

сти криминальному дуэту определенные наличные средства, с которыми можно браться за любой список, подруги сошлись на том, что начнут они с господина Боброва. С Константина Андреевича Боброва, президента фирмы «Братья Бобровы». С Кости Бобра.

Итак, Валя и Ольга прибыли в столицу.

Прямо на вокзале они нашли бабульку, у которой сняли комнату за пятьсот рублей новыми, но вперед заплатили только половину. Поскольку время было позднее, то решили, не мудрствуя лукаво, купить хлеба и десяток яиц и отправиться почивать. На следующий день Валя собиралась навестить своего бывшего мужа.

Валин план, довольно наивный даже для конца восьмидесятых, совершенно не годился для конца девяностых. Собственно, и планом этот фортель назвать было трудно. Валя рассчитывала, что ее появление повергнет бывшего супруга в ужас. Он должен ее бояться. Конечно же Константин попытается откупиться от Вали, предложит деньги. И Валя примет их. На них она наймет киллера. Дальше все просто: она пригрозит братьям Бобровым и вернет себе фирму. А с такими деньгами можно будет без труда разыскать и примерно наказать и тех четверых, которых наметила Ольга.

Такой план мог прийти в голову человеку не вполне здоровому или не вполне сознающему, что происходит вокруг. Что ж, в какой-то мере так оно и было. Годы, проведенные за забором, и те перемены, которые произошли по другую сторону этого увенчанного колючей проволокой забора, и впрямь способствовали появлению такого безумного наполеоновского плана. К тому же перед тем, как отправиться в казенный дом шить синие ватники, девчонки едва успели шагнуть во взрослый

мир, и просто не было времени познакомиться с ним поближе.

Этим вечером они ели яичницу, рассказывая любопытной бабушке какие-то сказки о своей жизни, а утром Вале предстояло ехать в центральный офис «Братьев Бобровых». Появление перед негодеем мужем в присутствии его служащих и клиентов должно было, по мнению подруг, усилить эффект.

Пельмени и яичница за последние дни стали у девушек самыми популярными блюдами. Во-первых, положение с финансами было довольно напряженное. Денег осталось около полутора миллионов, а когда Костик Бобров раскошелится и они разбогатеют — неизвестно. И до той поры нужно как-то жить. Во-вторых, готовить ни Ольга, ни Валя толком не умели. Да и откуда? В школе были какие-то кулинарные эксперименты, но только с умной книгой наперевес и... когда это было!

Впрочем, они не останавливались на достигнутом. Блюда постепенно усложнялись, и сегодня у Вали вышли замечательная яичница и аппетитно хрустящие тосты.

— Как тебе? — поинтересовалась Валя, осторожно поднимая над тарелкой опасно трепещущий желтый «глаз».

— Вкусно, пальчики проглотить, — с готовностью выдала заслуженный комплимент Ольга.

— Да нет, я не про это. — Валя хотела кивком показать на вилку и едва не уронила желток, но в последний миг успела слизнуть его.

— А про что?

— Ну, — Валя, почти не жуя, проглотила, — про город, про Москву.

— А-а...— Ольга перевела взгляд на окно, словно не выучивший урок школьник, использующий последний миг, чтобы оттянуть выход к доске. Впрочем, из окна бабушкиной кухни были видны лишь окна соседней пятиэтажки.

— Как в другой мир попали.— Валя, не дождавшись ответа, сама начала делиться впечатлениями: — Прямо Америка...

— Какая, к чертям, Америка! Совдепия, она и в Африке совдепия.— Ольга с саркастической усмешкой обвела взглядом обшарпанную кухню с закопченным потолком и медленно, но верно превращающейся в прах мебелью образца начала семидесятых.

— Да все равно.— Валя тоже взглянула по сторонам, неприязненно пожившись.— Улицы другие стали, люди...

— Люди,— хмыкнула Ольга.— Люди все те же.

Они доели ужин, и Ольга взяла тарелки, чтобы вымыть.

— Слушай, а что ты будешь делать потом? — спросила Валя задумчиво.

— Ты меня спрашиваешь,— Ольга взглянула через плечо,— или саму себя?

— Тебя.

— Ну, тогда я отвечаю: понятия не имею. А ты?

— Не знаю. Надо на работу устраиваться. После мамы осталась квартира. Этот козел ее, конечно, уже продал-перепродал, но все равно можно же что-то сделать.

— Тебе проще, у тебя все умерли,— огрызнулась вдруг Ольга и тут же, бросив тарелки, кинулась к остолбеневшей Вале.

— Да,— сказала та,— если честно, то в чем-то ты права. Мне проще.

Они еще какое-то время посидели молча, пряча друг от друга глаза. Ольга корила себя за жестокий выпад, Валя жалела, что первой затронула тему.

— Так что,— сказала Валя, желая подтвердить, что инцидент исчерпан и обиды на подругу нет,— значит, не знаешь еще?

— Да я пока больше ни о чем и думать не могу, как об этих...

— Слушай, а ты...— Валя замялась, подбирая слово.

— Что?

— Ну, не боишься?

— Кого?

— Убивать.

— Ты что? — Лицо у Ольги вытянулось.— На попятный?

— Нет, но живые же люди...

— Око за око! — Ольга хлопнула по столу ладонью.— Ты что, Копец, воздуха свежего потянула и на попятный?

— Да я не про то.

— А про что ты? Про христианское милосердие? Так это я, а не ты полгода у баптистов кантовалась! Ходят там эти блаженные, тонуть будешь — руки не подадут: дескать, на все воля Божья!

— Ну, а...

— Пошла ты в пень со своими мыслями! Мы пять лет ждали, и я доберусь до них, слышишь? Одна или с тобой, но доберусь!

Привлеченная громкими голосами, в кухню сунула свой нос бабуля:

— Чтой-то вы? Никак уже ссоритесь? — Маленькие, укутанные морщинами глазки испуганно забегали.

— Да нет, бабушка,— улыбнулась Ольга,— мы репетируем. Мы ведь в театральный поступать приехали. Экзамены скоро вступительные.

Москва, сентябрь 1998

У Макса были причины для скверного настроения. Причина. Хотя какая, собственно, разница, одна крупная неприятность или полдюжины мелких заставляют повесить нос. Есть, конечно, философы-теоретики, любящие разводить антимонии на сей счет. Одни говорят, что лучше, когда много мелочей портят вам жизнь. Почему? А потому, что устранение одной-двух из них, уже само по себе являясь удачей, способно поднять тонус. Противники этой теории, наоборот, полагают, что разрешение одной проблемы более вероятно, а стало быть, шанс вообще избавиться от неприятностей не в пример выше, когда неприятность всего одна.

У Макса была всего одна причина. Но самому Максиму она казалась не то что достойной внимания, а просто убийственной.

Дело в том, что, потерпев накануне вечером фиаско с наглой девицей, которую он подцепил после попойки с Жуком и Белым, Макс проспался и решил взять реванш с другой дамой. Ничего удивительного в случившемся конфузе он не видел: сколько выпили-то! Макс позвонил одной своей знакомой, столь же безотказной по части подобных приключений, сколь и свободной в дневное время.

Пока Макс дожидался подругу, утихший вулкан снова ожил, закипел, забуллил, только что не задымился. И что же? Как только дошло до дела, главный в этом деле орган опять предал! Знакомая Макса, в отличие от давешней нахалки, повела себя достаточно тактично, но не смогла скрыть разочарования. Макс же был не просто огорчен или взволнован, он был нокаутирован. После ухода знакомой он пытался заняться чем-нибудь полезным, но тщетно: мысли его возвращались все к тому же.

Что за черт? Макс периодически оттягивал резинку тренировочных штанов и принимался изучать забарахливший вдруг столь важный и ценный механизм. С виду все было в порядке, хотя Максу то и дело начинала мерещиться сыпь или казалось, что где-то в том районе ощущаются непонятное жжение и покалывание.

— Нужно отвлечься! — уверенно сказал себе Макс, стоя перед зеркалом в прихожей. — Просто отвлечься, отдохнуть немного, и все пройдет.

Он ободряюще подмигнул своему отражению и получил тот же знак поддержки от Макса, стоявшего в зеркале. Чего он, в самом деле, задержался? Что может так вдруг, с бухты-барахты, случиться со здоровым тридцатилетним мужиком? К тому же еще два дня назад все было даже более чем нормально. Эге! Та девица была уже сама не рада, что приехала к нему, — дал он ей прикурить прошлой ночью.

— Все о'кей, братан! — Макс кивнул на прощание своему отражению и отправился на встречу с партнером.

Сегодня предстояло подписать договор. Выгодный клиент: пожелал, чтобы агентство Макса разработало для него фирменный стиль и подготовило публикации в четырех журналах. Тысяч десять — пятнадцать гринов были обречены упасть в карман Макса Андросова, владельца рекламного агентства «Макс'С». Неплохо?

Рассчитавшись с прыщавым сетевиком, Борис еще какое-то время сидел в кресле, созерцая остановленную на экране картинку со смазливой потаскушкой, запечатленной фотографом в этой развратной позе на краю беленковского супружеского ложа. Странное дело, он не испытывал угрызений совести, не злился на жену. Ему почему-то очень хотелось придушить девушку со сним-

ка, словно именно она была каким-то образом виновата в том, что Борис попал в такой переплет.

Разумеется, он не будет никого душить. У него теперь совсем иные планы. Нужно решать, что же делать с супругой. Борис больше не сомневался, что фотографии — ее рук дело.

Пока что Лялька крепко держит его в руках. Только зачем? Как долго она собирается трепать ему нервы, чем этот марафон закончится и сколько еще козырей у нее в запасе? Все эти вопросы требовали ответа.

Единственным козырем, который на сегодняшний день имелся у самого Бориса, было то, что он уже знал, откуда ветер дует. Он уже знал, кто та кошка, которая играет с ним в свое удовольствие. Пока играет. Пусть. Он найдет выход, он выпутается. Иначе и быть не может, у него просто нет выбора.

Борис отправился домой. Поехал к своей драгоценной женушке. Ринулся в логово зверя, ибо не без оснований считал, что лучшая защита — это нападение.

По дороге он уже продумал пару сценариев, по которым можно начать действовать, выработал генеральный план и продумал пути отступления. Своими талантами стратега он был доволен вполне.

Остановившись у супермаркета, Борис основательно затарился: «Бейлис», фрукты, креветки, нарезка, оливки, шоколад и так, по мелочи. Прикупил несколько видеокассет. Загрузив все это в машину, он прошелся вдоль ряда цветочников и выбрал семь метровых роз. На этом подготовительный этап закончился. Теперь в бой!

Борис буквально ворвался в квартиру, словно внесенный порывом ветра.

— Лялька! — весело крикнул он в направлении комнаты, откуда доносились всхлипы героини очередной мелодрамы. — Принимай добычу!

Лялька выплыла из комнаты, на ходу затягивая пояс халата.

— Чего ты? — спросила она, недоуменно глядя на мужа, который никогда не страдал такими приступами хозяйственности, а веселым и притом трезвым приходил домой последний раз... Когда? Да никогда.

— Как чего? Погода-то какая! — Борис продолжал удерживать на лице счастливую улыбку, что стоило ему титанических усилий.— День какой!

Протянув жене пакеты с провиантом, Борис подался вперед и чмокнул ее в мягкую круглую щеку, перечеркнутую красными полосами от подушки.

— Чего стряслось-то? — Лялька взяла протянутые ей пакеты, и глаза ее сделались испуганными, когда она ощутила их вес, а вдобавок в одном из них что-то звякнуло.

— Настроение хорошее. И потом...— Борис хитро подмигнул.— Появилась тема для серьезного разговора.

Это был первый ход задуманной им комбинации. Он внимательно следил за реакцией жены. Та пристально посмотрела на него, но не выказала ни удивления, ни растерянности, на которые рассчитывал Борис. Или в этой провинциальной дуре пропадает гениальная актриса, или она не допускает даже мысли о том, что он, Борис Беленков, может ее раскусить.

— Какого разговора? — Не дожидаясь ответа, Лялька потащила пакеты на кухню.— Чего ты тут накопил-то?

Борис быстро скинул ботинки, открыл входную дверь и взял оставленный на лестнице букет. Бережно подняв закутанные в расписанный целлофан розы, он снова сконструировал на лице счастливую улыбку и отправился на кухню.

Лялька недоверчиво изучала этикетку ликера, словно видела его впервые. Подняв глаза и заметив в руках мужа розы, она совсем растерялась.

— Что случилось-то? Кому цветы? Придет кто-нибудь? — Эта последняя догадка, судя по всему, показалась ей наиболее правдоподобным объяснением происходящих с благоверным метаморфоз и не слишком обрадовала.

— Цветы тебе. Никто не придет, мы будем только вдвоем.

Борис вложил ей в руки букет и снова приложился к ее щеке, заметив, как шевельнулся, втягивая воздух, маленький курносый носик, — Лялька, очевидно, рассчитывала уловить запах алкоголя.

Убедившись, что муж трезв, а розы действительно предназначены ей, Лялька неуверенно улыбнулась уголком рта.

— Спасибо, — пробормотала она, растерянно разглядывая длинноногий букет.

Борис с удовлетворением любовался произведенным эффектом.

Держа в руке цветы, Лялька заметалась по кухне в поисках вазы, одновременно пытаясь другой рукой разобрать содержимое пакетов.

Борис довольно усмехнулся и, насвистывая что-то оптимистичное, двинулся в ванную мыть руки. Первый раунд был за ним.

Второй раунд разворачивался за столом, в центре которого стояли горящие свечи. Идиллическая картина: муж и жена ужинают при свечах. Ликер, закуски, салфетки, нежная музыка.

Лялька сияла, как кофейник миссис Хадсон, лопала креветки, закусывая бельгийским шоколадом. Борис кривил лицо, изображая счастье и покой.

— Так что все-таки случилось? — спросила Лялька, кокетливо глядя на мужа поверх края бокала, из которого прихлебывала вязкий ликер.

— Почему ты решила, будто что-то случилось? — Борис обольстительно улыбался, чувствуя, как начинает сводить скулы.

— Ну... — Лялька показала на сервированное на столе великолепие.

Борис ответил не сразу. Он был поражен, почти очарован устроенным спектаклем. Подумать только, он прожил с этой женщиной почти шесть лет и, казалось, заслуженно считал ее непроходимой деревенщиной. Ну а что он должен был думать? Папашу ее перевели в конце восьмидесятых аж из-за Урала — гонять кооператоров и нахлынувшее в столицу жулье. Единственным достоинством таких лейтенантов была пропечатанная на лбу дремучесть: переодетые в штатское, они магнитом притягивали к себе катал, кидал, ломщиков, фарцовщиков и прочий криминальный элемент. Опять же вверенный их заботам контингент не знал этих лапотников в лицо. Вот и бродил такой олух по Москве в качестве подсадной утки или дрессированного медведя, бродил до эпохального августа. А там начались перестановки, перетасовки, его увидели случайно, выхватили за шиворот из грязи Казанского вокзала и усадили в кожаное кресло. Так что кем этих мужиков неотесанных должен был считать Борис Беленков, бывший секретарь райкома ВЛКСМ?

И вот теперь сидела перед ним эта размалеванная наспех дорогой косметикой девица-красавица и ломала комедию, продолжая строить из себя наивную девочку.

Да ты подумай, Боря, подумай, дорогой, так ли проста была история твоей женитьбы на залетевшей от тебя после очередной попойки дурнушке с коровьими глазищами? Ты, Боря, до сих пор веришь, будто эта сибирячка была настолько глупа, чтобы за три месяца не понять, что беременна? И до сих пор считаешь, что тот ребенок, которого она не смогла выносить, был твоим? Ох, Боря, влип же ты! И не вчера влип, и не тогда, когда притащил ту девицу домой. Ты влип шесть лет назад, когда развешил уши, слушая насевших на тебя ловких хантов, разгневанного папашу и пускающую горькую соплю из носа-картофелинки брюхатую дочку.

Да, было четыре счастливых года, когда тесть, карабкающийся с обезьяньим проворством по служебной лестнице, прикрывал тебя ото всех и вся и ты жил как у Христа за пазухой, был недосягаем, словно Хусейн в своем бункере. Было. И есть. И не забудь, Боря, что главная твоя задача — сохранить ключи от этого гребаного бункера, умаслить стерву и успокоить тестя. Вернуть все на свои места. Любой ценой.

— Да я подумал,— произнес Борис наконец,— что, может быть...

Он так искренне смутился, так трогательно потупился, что ему захотелось заплодировать себе, а потом послать все к черту. Но он сдержался и даже усилил сцену, принявшись застенчиво гонять вилкой по тарелке маслины.

Лялька задержала дыхание, и рука ее со стиснутой между пальцами долькой ананаса замерла в воздухе в сантиметре от приоткрывшегося рта.

— Мы...— Борис разогнал одну маслину до предельной скорости, и она сошла с трассы, вылетев на скатерть.— Мы как-то говорили с тобой о том, чтобы... ну...

Рот у жены открылся шире, нижняя губа по-рыбьи оттопырилась. Лялька чуть наклонилась вперед, поедая мужа глазами.

Борис бросил на нее быстрый взгляд исподлобья. Нет, она что, действительно гениальная актриса или просто отключилась от своих козней и ей вправду интересно, что же такого сообщит муж?

— ...чтобы попробовать завести ребенка,— выдохнул Борис и замер, точно старик, закинувший невод.

— Ч-что?..— еле вытолкнула из себя чуть слышный звук Лялька.

— Ну, я подумал...— Борис продолжал играть роль, мысленно уже поздравив себя с блестящей победой.

— Боря, Боренька! — Чуть не опрокинув стол, Лялька бросилась к нему.

Порыв этот был столь внезапным и стремительным, что Борис не успел даже опомниться и потому, когда Лялька обрушилась на него, обвив его шею и присосавшись куда-то между носом и ухом, не сумел удержать равновесие. Они рухнули на пол вместе со стулом. Слава богу, спинка стула была мягкая.

Какой парадокс: лежа на лопатках на ковре, Борис чувствовал себя победителем!

ГЛАВА 6

Москва, июнь 1998

Найти офис «Братьев Бобровых» оказалось проще пареной репы. Гораздо сложнее было проникнуть внутрь. Современник наш, точнее, человек, не следивший семь лет за событиями в стране исключительно на голубом экране, прошел бы сквозь кордон охраны, как сквозь масло. Представился бы курьером, клиентом, рекламным агентом, работником ДЭЗа и пер бы танком. Скорее всего, его даже не попытались бы остановить. В самом пиковом случае вызвали бы начальника охраны и попросили повторить легенду, после чего можно проходить, как к себе домой.

Валя такими фокусами не владела, но не сообщать, кто она на самом деле, ума ей хватило. Когда ее растерянное лицо было выхвачено из потока людей скучающим, но бдительным взглядом секьюрити, он тотчас преградил ей дорогу.

— Вы к кому?

Вопрос не застал Валю врасплох. Была у нее парочка домашних заготовок.

— Я к господину Боброву.

— К которому? — подозрительно прищурился охранник.

— К Константину Боброву. Отчества у них, насколько мне известно, одинаковые.

— А-а...— Охранник изучающе посмотрел на девушку.— Вам назначено?

— Разумеется. Мне всегда назначено.— Валя поджала губы: ни дать ни взять важная персона, начавшая терять терпение.

— А вы, простите, кто?

— Алла Валерьевна Ястребова, адвокат.

Финт был рискованным, но эффективным. Елена Валерьевна Ястребова — та самая адвокатесса, которая защищала Валю семь лет назад. Вряд ли она, специалист по уголовным делам, работает в торговой фирме бывшего мужа. Но даже если и работает, то Валя ведь представлялась Аллой, а не Еленой. Никакого обмана, если не считать, что она не была ни Аллой, ни вообще Ястребовой, ни адвокатом. Да и не похожа она на адвоката, и одета не так. Однако Валя рассудила, что демократичный полухипповый стиль лучше, чем дешевый костюмчик из комиссионки, а дорого одеться Вале было не на что. Пока не на что.

Охранник тяжело вздохнул, извинившись, попросил подождать минуту и, отвернувшись, забубнил что-то в трубку радиотелефона. Валя не знала, что Елена Валерьевна давно уже носит фамилию Боброва, но, к счастью, охранник этого не знал тем более.

Валю не особенно волновал данный этап ее плана. Имя адвокатессы должно было обеспечить ей встречу с Бобровым. Даже если Ястребова не работает здесь, Константин не мог не помнить фамилию человека, оказавшего ему подобную услугу, пусть даже столько лет назад. Валя волновалась бы значительно больше, знай она о том, что маленькая коробочка под потолком здания —

глазок камеры, позволяющей видеть происходящее в вестибюле прямо из кабинета самого босса.

Пока бдительный охранник уточнял что-то, Валя обернулась. Сквозь стеклянные двери за потоком идущих людей и мелькающими автомобилями ей удалось на долю секунды разглядеть знакомый силуэт: Ольга ждала ее на противоположной стороне улицы. Помочь она в любом случае не могла ничем, но морально поддержать — сколько угодно.

Охранник водрузил трубку обратно на ремень и провозгласил:

— Сейчас вас встретят.

Прошло чуть больше минуты, и из лифта вышел молодой крепкий парень в недорогом, но хорошо сидящем костюме. Стрельнув глазами по сторонам, парень уверенно подошел к Вале.

— Алла Валерьевна?

— Да,— ответила Валя и мысленно дала себе подзатыльник: ответ прозвучал не слишком уверенно.

— Я провожу вас.— Парень сделал приглашающий жест, предлагая Вале пройти первой. Глаза его буквально ощупывали посетительницу с ног до головы. Однако Вале не особенно льстило подобное внимание, она понимала, что он проверяет, не оттопыривается ли у нее карман, не сборит ли одежда. Так, значит, теперь обыскивают непрошенных гостей. Ладно, будь по-вашему. Жаль, что ее обман, кажется, уже раскрыли, но главное ведь — добраться до Константина.

Они поднялись на второй этаж. Валя подивилась тому, что на второй этаж нужно подниматься на лифте. Наверное, это новое правило этикета. Надо будет запомнить.

Коридор привел их в приемную с двумя обшитыми дорогой кожей дверями. Вывесок на дверях не было.

Валин провожатый довольно бесцеремонно, как ей показалось, открыл одну дверь и, даже не заглянув в кабинет, кивнул:

— Проходите, пожалуйста.

Валя вошла. Стильный интерьер не восхитил, а скорее разочаровал ее. Помпезность апартаментов больших начальников конца восьмидесятых сформировала у нее иное представление о том, каким должен быть кабинет большого босса. Впрочем, кабинет Валию не очень интересовал. Ей нужен был сам босс. И она увидела его, сразу узнав.

Константин сидел во главе длинного стола, в массивном кресле, между огромным, размером с хороший телевизор, монитором компьютера и непонятной конструкцией, напоминающей катафалк. Костя мало изменился. Располнел немного. Однако из шустрого сутуловатого паренька в потертой кожанке он превратился в человека солидного и степенного. Костюм, галстук, даже манера сидеть — все это было для Вали внове.

Увидев бывшую жену, Бобров не встал, даже не шелохнулся.

Дверь за Валией неслышно закрылась.

— Уже? — спокойно спросил Константин.

До Вали не сразу дошел смысл вопроса.

— Уже, — кивнула она, сообразив, о чем речь. — В мае.

Бобров продолжал сидеть неподвижно, глядя на бывшую супругу скорее с досадой, а вовсе не со страхом. Это не входило в Валины планы. Константин чувствовал себя спокойно, а вот боевой настрой Вали становился все менее боевым. Нет, она не собиралась отступить, но уверенность в быстрой победе таяла.

— Мои поздравления, — произнес Константин.

— Спасибо.— Валя почувствовала, что, если разговор будет продолжаться в том же духе еще хотя бы пару минут, она из грозного кредитора превратится в жалкую попрошайку.— А я смотрю, ты неплохо живешь.— Она сделала шаг вперед и тут заметила, что рука хозяина кабинета шевельнулась. Не суть важно, к чему он дернулся — к пистолету ли, к кнопке звонка. Главное, что нервы у Бобра были натянуты. Значит, не такой уж он непробиваемый, этот бывший мальчик Костя.

Открытие настолько обрадовало Валю, что она не смогла сдержать улыбки.

— Да ты не дергайся, Костик,— сказала она, сделав еще шаг и усевшись на один из стульев, стоявших возле стола.— Я не собираюсь бросаться на тебя и душить голыми руками.

— Не сомневаюсь, что у тебя хватит ума этого не делать,— по-прежнему невозмутимо ответил Константин.

— Ну и прекрасно.— Валя закинула ногу на ногу.

— Итак? — Хозяин кабинета наклонился вперед, этим движением демонстрируя готовность узнать о цели визита.

— Итак,— жестко ответила Валя,— ты неплохо нажился на чужой беде.

— Не буду спорить. И что из этого следует?

— Для начала я хочу напомнить тебе, чья это была беда...

— Я помню. И не собираюсь отрицать... м-м... степень своего участия...

— Степень участия? — Валя вспыхнула.— Ты засадил меня...

— Стоп! — Бобров судейским жестом вскинул руки.— Вот этого уже не нужно. Тебя никто не засаживал. Я сделал все...

— Не морочь мне голову! Откуда же в нашем доме взялась та травка? — Валя с трудом сдерживала себя.— Сначала ты отправил меня в психушку, а потом...

— С чего ты решила, что это я? — вполне искренне удивился Костя.— Мне было бы куда проще... Словом, я пытался сделать все, что мог. Нанял адвоката, поднял связи. Да, пришлось положить тебя в клинику. Для твоей же пользы, заметь!

— Для моей же пользы? — Валя сжала в кулак лежавшую на столе руку и заметила, что жест не остался без внимания собеседника.— А фирму ты забрал тоже для моей пользы?

— Ну, не заberi я фирму, ее растащили бы и разво-
ровали по частям. Верно ведь?

— Так ты, значит, спас ее от разорения?

— В общем, да. Но,— Бобров снова сделал арбитра-
ский жест,— это все разговоры в пользу бедных. Давай
лучше опустимся на землю. Чего ты хочешь?

— Мне нужны деньги.— Валя не собиралась коммен-
тировать свое требование.

— Логично.— Бобров вскинул брови.— Человек вы-
шел из... м-м... мест лишения свободы и собирается на-
чать новую жизнь. Что ж, я готов помочь, тем более что
человек этот, как-никак, моя бывшая жена.

— Хватит паясничать! Мне не нужна милостыня. Я
хочу получить свои деньги! Тогда я забуду про фокус с
травкой.— Валя не сказала, что за смерть отца откупных
быть не может.

— Свои-и? — Бобров откинулся на спинку кресла, и
оно услужливо качнулось под ним, меняя положение.—
Откуда же они взялись, эти твои деньги? И если они в
самом деле существуют, то непонятно, почему ты требу-
ешь их у меня.

Валя с трудом удержала себя от соблазна броситься через стол и разорвать мерзавца на клочки. Она сидела, белая от гнева, и буравила бывшего мужа ненавидящим взглядом.

Какое-то время Бобров тоже смотрел ей в глаза, потом перевел взгляд на экран монитора.

— Да,— усмехнулся он,— ты сильно изменилась.

— У меня была хорошая школа,— сквозь зубы процедила Валя.

— Очень хорошая.— Костя несколько раз качнулся в кресле, потом снова посмотрел на бывшую жену, теперь натянуто улыбнувшись, словно говоря: «Ничего не поделаешь».— Сколько ты хочешь?

Вопрос, как ни странно, застал Валию врасплох. Готовясь к встрече, она продумала массу мелочей, но ключевой вопрос, ради которого все и затевалось, как-то выпал. Сколько же? Валя слышала, что хороший киллер берет около десяти тысяч. Если считать самого Боброва да еще четверых Ольгиных, плюс непредвиденные расходы...

— Сто тысяч.

— Сто тысяч? — По лицу Бобра поползла было улыбка, но в следующий момент исчезла.— Сто тысяч чего?

— Долларов,— пояснила Валя с таким видом, словно всю жизнь имела дело исключительно с американской валютой.

— Сто тысяч долларов? — Константин даже позабыл о своей роли невозмутимого и непробиваемого хозяина жизни.

— Сто тысяч долларов.

— Да у тебя чердак на месте? Сто тысяч! Ни хрена себе! — Он всплеснул руками.

— А что ты ожидал услышать? Сто тысяч рублей?

— У тебя все дома?!

— Если ты забыл, то у меня никого дома нет. И самого дома тоже уже нет.

— Да, но...— Бобров быстро возвращался к прежнему своему состоянию непоколебимости.— Наверное, не стоит цифры с потолка слизывать.

— Почему же с потолка?

— А потому, что фирмочка твоего папы не стоила и десяти штук! Даже старыми.

— Тогда были другие цены.

— Да я смотрю, ты на редкость подкованная зечка. Но должен заметить, что состояние дел было не лучшее и пришлось ой как попотеть, чтобы спасти фирму и вывести на сегодняшний уровень. Знаешь, как это называется?

— Знаю. Ты шесть лет крутил мои бабки. И на них теперь набежали еще проценты. Счетчик это называется.

— Ого! Передовая терминология с самого острия современной экономической мысли! Поздравляю. Только...— Он вдруг замолчал.

Пауза затягивалась.

— Что «только»? — не выдержала наконец Валя.

— Ладно,— помрачнев, махнул рукой Бобров.— Но только давай договоримся, что, получив эти бабки, ты исчезаешь из моей жизни.

— А ты из моей,— кивнула Валя и улыбнулась своей мрачной шутке.

— Обязательно. Получаешь свою капусту, и разбегаемся. Только нужно сделать кое-что, чтобы спать нам с тобой спокойно. Ты — отдельно, я — отдельно.— Бобру, как и Вале, понравилась собственная шутка, он тоже улыбнулся.

Два человека улыбнулись друг другу. Каждый вроде бы своей шутке, а на самом деле оба ощущали у себя за пазухой припасенный камень.

— Значит, так.— Бобров извлек из ящика стола прямоугольный сверток и бережно положил его перед собой.

Валя опасливо покосилась на сверток.

— Здесь,— Костя бережно, словно котенка, погладил сверток,— почти двадцать штук. В рублях. Думаю, что, учитывая твою биографию, путаться тебе с валютой нецелесообразно. Я, честно говоря, думал, что этого хватит, но ты, как я погляжу...

— Двадцать тысяч? — Валя выхватила из его речи главное.

— Да, двадцать тысяч. Остальное я соберу и обналичу в течение недели. Тебе, кстати, тоже не с руки таскать все деньги в одном мешке.

— Я сама разберусь,— отрезала Валя.

— Верю,— с готовностью закивал Костя.— И еще. Мы напишем по бумажке.

Валя насторожилась.

— Ты напишешь, что не имеешь ко мне никаких претензий и что получила от меня...— Он щелкнул пальцами по свертку.— Я напишу расписку, что обязуюсь вернуть тебе восемьдесят штук зелени в качестве погашения долга твоему отцу. К концу недели. Потом ты забираешь первый взнос, мы меняемся бумажками и в следующий раз встречаемся здесь же в субботу. Тогда я передам тебе остальные бабки, а ты мне — расписку. И мы квиты. Идет?

Пару минут Валя думала. Бобров ей не мешал. Он извлек из коробки на столе тонкую сигару, закурил и принялся спокойно пускать в потолок колечки.

— Откуда я знаю, что в свертке деньги? — наконец спросила Валя, прищурившись.

Бобров пожал плечами, ловким движением сорвал бумагу со свертка и толкнул по глади стола запаянные в целлофан пачки стотысячных банкнот.

Валя остановила скользящий к ней увесистый кирпичик и зачарованно уставилась на уголки просвечивающих сквозь мутноватую пленку купюр. Она пыталась перевести сумму в доллары, но от волнения ничего не получалось.

— Рисуй.— Бобров тем же путем послал ей небольшую стопку писчей бумаги и бросил ручку.

Валя медленно взяла ручку и подняла глаза на человека, только что оплатившего собственное убийство.

— Что писать? — спросила она.

— Ну, пиши... как там у вас?.. маляву, что претензий ко мне лично и фирме «Братья Бобровы» не имеешь... тыры-пыры, подпись, дата.

Валя начала писать. Бобров тоже склонился над столом.

— На! — Закончив писать, Валя протянула Боброву листок.

Тот схватил его и жадно прочел. Потом взял со стола свою расписку и протянул Вале.

— Тут несколько больше, потому что курс не ровно шесть. Я округлил в твою пользу,— пояснил он.

Валя тоже прочла написанное на фирменном бланке. Расписка как расписка. Сумма, дата, подпись. Валя сложила листок пополам и хотела сложить еще раз, но Костя кашлянул, привлекая ее внимание.

— Проверь деньги,— сказал он укоризненно.— Убедись, что не кукла, чтоб потом не было проблем.

Какая же она дура! Валя взяла упаковку в руки и попыталась разорвать целлофан. Пленка покоровилась, но выдержала первый натиск.

— На, не майся.— Бобров протянул ей охотничий нож в кожаном чехле.— Разрежь аккуратно, чтобы самой же не мучиться потом.

Валя вытащила нож. Острое широкое лезвие блеснуло, отразив луч яркого летнего солнца. Настоящий нож, тяжелый и прочный, с канавкой для оттока крови, с клеймом мастера возле удобной наборной ручки. Девушка невольно залюбовалась оружием. Она видела, какие шедевры появлялись время от времени у блатных в лагере — подарки из мужских зон, передававшиеся с этапами. Но разве можно сравнить сделанную, пусть и филигранно, заточку из напильника или рессоры с настоящим кованым клинком?

Пока Валя рассматривала нож, Костя снова завел руку под стол, и через мгновение в кабинет ворвались двое в камуфляже. Валя услышала за спиной треск распахивающейся двери, но не успела даже обернуться на звук.

Четыре стальных клешни схватили ее, завели руки за спину, вцепились в только-только начавшие отрастать и виться волосы, запрокинули голову назад так, что потемнело в глазах. Щелкнули наручники, упавший на ковер нож был заботливо поднят за лезвие и упрятан в целлофановый пакет. Через несколько минут в кабинете появились люди в милицейской форме, о чем-то спрашивали, что-то говорили... Смысл слов смутно доходил до Вали, но и так было ясно, что ее взяли с поличным, с оружием в одной руке и деньгами — в другой.

Москва, сентябрь 1998

Сегодня Жук нарушил свое золотое правило не марать рук в разборках с фраерами. Когда этот пижонистый ботаник в канареечном галстуке при синей рубахе, получив очередную затрешину, вдруг попер на него, на

бригадира, с кулаками и какими-то глупостями о тамбовской «крыше», нервы у Жука сдали. Конечно же этот штымп до него не дотянулся — братки уложили козла на паркет и принялись пинать, прежде чем тот понял, что упал. Но разозлить Жука он успел.

Жук бросился вперед и с размаху заехал носком ботинка в обрамленную жиденькими бакенбардами физиономию. Хрустнуло. Кровь брызнула в разные стороны. Серп и Киря, флегматично пинавшие рекламщика под ребра, аж замерли от такого поворота дела. Вывел их из ступора второй удар Жука, явно сломавший фраеру ключицу.

— Жук, ты че? — Они оттеснили озверевшего ни с того ни с сего бригадира. — Убьешь ведь на хрен!

Жук сделал попытку прорваться между ними к затихшему на полу рекламщику, но, поняв, что это не удастся, сразу успокоился.

— Козел! — Жук сплюнул себе под ноги. — И убил бы! Ненавижу таких.

Серп и Киря недоуменно переглянулись, искренне удивляясь, что уж такого сделал этот несчастный парень, если огреб от их бригадира тумачков. Вслух они не сказали ничего, но каждый отложил среди своих немногочисленных извилин собственный вариант ответа на этот вопрос. Более прямолинейный Серп объяснил вспышку ярости своего бригадира просто: Жук сорвал на борзом парне злость после убийства Дятла. Киря, у которого извилин было столько же, сколько у напарника, но были они чуть длинней и слегка извилистей, выхватил из выкрика рекламщика слово «тамбовские». Ага! Уж не тамбовские ли завалили Дятла и ребят? Скверное дело! С этими отморозками, говорят, лучше не связываться...

— Поднимите его.— Жук был уже спокоен и невозмутим.

Парни подхватили распростертого на полу пижона за плечи и стали поднимать. Боль в сломанной ключице привела того в чувство, и он взвыл, запрокинув голову. Серп и Киря вопросительно посмотрели на главаря.

— Посадите его у стены,— брезгливо махнул рукой Жук.

Когда команда была выполнена, он присел на корточки возле окровавленного рекламщика. Убедившись, что тот смотрит на него, Жук пожевал губами и сказал чуть слышно:

— Запомни, козлиная морда: или ты будешь делать что тебе говорят, или мы тебе рога пообломаем и сделаем из тебя, козла, петуха. Понял меня?

Губы у парня дрогнули. Ответ, который он пытался протолкнуть сквозь кровавую пену, был очевиден, но этого мало. Фраера нужно доломать психологически, заставить его сделать все, что ты ему приказал. Это закон. Уступишь в чем-то, пожалеешь, и он не будет бояться так, как должен бояться. В нем появится червоточинка надежды, будто его могут снова пожалеть. Этого нельзя допускать. Никогда.

— Не слышу.— Крылья носа у Жука угрожающе шевельнулись.

— По... ял,— всхлипнул рекламщик.

— Молодец.— Жук поднялся.— Надеюсь, нам больше не придется встречаться, потому что в следующий раз ты уже не сможешь сказать, что понял.

Бригада покинула первый из трех офисов, навестить которые им дал команду Шала. Начались боевые действия, и, хотя трупов пока еще не было, не приходилось сомневаться, что в войне за передел столь богатого рын-

ка, как реклама, кровь будет литься не только из носов несговорчивых рекламщиков.

Война сама по себе штука крайне неприятная и опасная, но зато любая военная кампания предоставляет ее участникам массу возможностей сделать головокружительную карьеру, заработать авторитет, нажить состояние. Можно включить в этот список также шанс получить пулю в лоб, сесть лет на пятнадцать, потерять все, что имел, но кто же из солдат фортуны думает о таких пустяках?

Для Жука начавшийся передел также имел исключительно позитивное значение. За месяц активных действий он мог чужими руками и чужой кровью заработать столько регалий, сколько за пятилетку не наживешь, просто собирая дань с подшефных фраеров.

Кроме того, должность бригадира в гангстерской войне — наименее опасная. Бригадир руководит своими боевиками. В ходе перестрелки или драки кто-то из простых солдат может быть убит. Жаль. Бригадир проследит, чтобы были организованы похороны и сбор денег для родных. С другой стороны, бригадиров почти никогда не заказывают. Убийц подсылают к ключевым фигурам, авторитетам или крупным деловым, которые финансируют войну и обеспечивают легализацию отошедших победителю территорий. Убивать бригадира, тратить на это деньги — бессмысленно. Он ничего не решает и не меняет. Бывает, однако, что пулю получает и бригадир. Но здесь почти всегда личные счеты. Скажем, невеста кастрированного барыги, не разбираясь в иерархии криминального мира, просто покупает у копателей парабеллум времен Отечественной войны и палит в руководившего операцией бригадира, пока ржавый раритет не развалится в руках. Бывает такое. Но редко. Опять-таки со стороны ментов все довольно безопасно.

Прямого криминала в действиях бригадира нет — он рук не марал, а по мелочи трогать продвинутого братка никто не спешит.

Короче говоря, Жук радовался началу войны. Он не сомневался, что выйдет из нее вором со всеми прилагающимися привилегиями и благами. Был только один момент, омрачавший радость. Объявляя первых трех кандидатов на разнос, Шала назвал в их числе агентство «Макс'С» — фирму Макса Андросова.

Разумеется, услышав название фирмы, Жук и бровью не повел, словно знал об этом агентстве постольку-поскольку. Дружба дружбой, а денежки врозь, и наезд бригады Жука на «Макс'С» не имел, разумеется, никакого отношения к дружбе Женьки и Макса. Бизнес есть бизнес. И Жук не задумываясь разнес бы контору приятеля в пух и прах, но его смущало одно обстоятельство.

Когда Шала произнес название андросовской фирмы, Жук не просто не подал виду, что его это как-то касается. Странность была в том, что Жук на самом деле отнесся к необходимости нанести подобный визит к другу совершенно равнодушно. Это-то и задело за живое. За то живое, маленькое и съездившееся где-то внутри, что еще осталось, уцелело каким-то чудом.

С детства Женька Зыков мечтал быть крутым. Хотя тогда в это слово и не вкладывали того смысла, которым наделили сейчас. Женька просто любил фильмы и книги о пиратах, авантюристах, анархистах и борцах за свободу. Он хотел быть сильным и независимым. Таким, как Волк Ларсен, таким, как Монте-Кристо, Дон Хосе Морено, принц Даккар. Он раз десять перечитывал «Овода» и «Игру», а некоторые фильмы с Бронсоном и Челентано смотрел неделями, тратя на билеты в кинотеатр все карманные деньги. Он хотел быть сильнее и

выше окружающего его мира, никого не бояться и поступать всегда так, как считал правильным. Он хотел принимать решения сам.

Разумеется, с такими устремлениями Женька мог реализоваться только в криминальной среде, куда и стал органично вписываться, начиная аж с седьмого класса. Сперва он шестерил, помогая фарцовщикам, потом подстраховывал кидал и домушников...

Ну да биография Жука особого значения не имеет. Главное, что он вдруг осознал: поднимаясь по служебной лестнице, ты отнюдь не обретаешь самостоятельность, напротив, тебя все глубже и глубже затягивает в огромный механизм преступного мира. Да, он становился большой шестеренкой, все более важной частью машины. Но чем глубже он увязает, чем больше другие шестерни цепляются за него, тем меньше возможность выбора. За него все решают те, кто приводит эту махину в движение. Зазевайся он или попробуй что-то изменить, его или вернут в прежний ритм другие детали, или найдут ему замену.

Ему только что отдали приказ расправиться с другом детства, а он воспринял это с равнодушием автомата. Где же, черт возьми, его вожденная свобода? Его право принимать решения? Его утрамбовали, подровняли, перекроили, а он даже не пикнул!

Открытие это привело Жука в ярость, которую он частично выплеснул на ни в чем не повинного с точки зрения криминальных законов рекламщика.

Жук не собирался вставать вдруг на дыбы и идти против воров, против системы. Нет, он должен был что-то изменить, двигаясь в прежнем направлении, подныться на гребень волны, но так, чтобы не потерять ни авторитета, ни головы. Что? Как? Жук не знал. Но он решил начать с малого: просто поговорить с Максом,

убедить его добровольно перейти под знамена Бобра. В конце концов, это не являлось нарушением приказа Шалы. Вор приказал «привести их в чувство». Жук приведет Макса в чувство без мордобоя и погрома в конторе.

А сейчас он с двумя подручными ехал по следующему адресу. Ехал приводить в чувство рекламное агентство «Альмира-плюс». Эта работенка может оказаться посложнее предыдущей. В «Альмире» работали три девчонки, так что вариант с битьем лица здесь не проходил. В большинстве случаев дамочек достаточно было просто припугнуть, но попадались такие железные леди, что сами могли съездить в челюсть или вытянуть из какого-нибудь потрепанного тубуса помповое ружье.

Лучше бы девчонки из «Альмиры» оказались пугливыми, а то настроение у Жука было не приведи господи...

Москва, июнь 1998

Убедившись, что Валя благополучно миновала проходную, Ольга решила, что неплохо бы выбрать более удобный наблюдательный пункт, чтобы не маячить здесь, на узком тротуаре, а заодно не топтаться среди спешащих мимо прохожих, раздраженных духотой и толчеей.

Обернувшись, она тут же обнаружила этот самый НП в виде небольшого кафе, двери которого находились прямо напротив входа в здание, где сидели «Бобры», а огромные витрины были исключительно удобны для наблюдения.

Ольга вошла в кафе. Народу немного, а столики у окон вообще пусты: кому охота сидеть на солнце?

Она присела за столик и, подперев щеку, стала ждать.

Через пару минут ее наблюдение было довольно бесцеремонно прервано окриком — иного слова не подберешь — женщины за стойкой:

— Девушка у окна, вы заказывать что-нибудь будете?

Ольга вздрогнула. Примерно таким тоном покрикивали на нее в лагере, когда она отставала от товарок. Никак не ожидала она найти такой же «теплый» прием в московском кафе во времена наступающего капитализма.

— Нет, спасибо.— Ольга натянуто улыбнулась и снова уставилась в окно.

— Тогда не занимайте столик! — рявкнула барменша.

Ольге предлагали выметаться. Оставлять такое удобное место не хотелось. Она обернулась и красноречивым, но вежливым жестом указала на пустующие вокруг столики, надеясь этим аргументом высечь из барменши искру здравого смысла. Тщетно. Тетка продолжала стоять, уперев руки в крутые бока, игнорируя двух страждущих, смиренно протягивающих ей купюры, и терпеливо ожидала восстановления порядка, то бишь выдворения не приносящей дохода посетительницы вон.

Ольга вздохнула и извлекла из кармана джинсов несколько смятых купюр. Показав их барменше, она поднялась из-за столика и направилась к стойке:

— Кофе можно мне?

Шумно втянув носом воздух, барменша поставила в кофеварку чашку и нажала кнопку.

— Это все? — презрительно спросила она, взглядом давая понять, что такое чисто формальное соблюдение правил ее не вполне устраивает.

— Все,— невозмутимо кивнула Ольга.

Получив свой кофе, она вернулась за столик и продолжила наблюдение.

Минут десять она спокойно сидела, наблюдая за двумя. Неожиданно мужская фигура заслонила ей обзор. Мужчина остановился лицом к витрине и не собирался двигаться дальше.

До этого момента Ольга старалась смотреть словно бы сквозь проходивших мимо людей, как всматриваются в телевизионный экран сквозь полосы помех. Теперь Ольга с раздражением пригляделась к помешавшему ей человеку и с удивлением обнаружила, что он смотрит именно на нее.

Первым делом она скорчила кислую мину и отвела взгляд, давая тем самым понять, что совершенно не желает играть в гляделки. Однако этот простой прием не подействовал, и все могло кончиться тем, что они с Валей разминутся.

Ольга снова повернулась к окну и жестом попросила мужчину отойти. Тот, очевидно, истолковал жест по-своему и, быстро войдя в кафе, остановился перед Олиным столиком. Лет тридцати, высокий, приятной внешности. Ольга не могла не оценить его мимоходом, но в данный момент это не имело никакого значения. Она демонстративно продолжала смотреть в окно.

Мужчина тем временем присел за столик.

— Здравствуйте, прекрасная незнакомка.

Довольно банальное вступление, так начинали еще семь лет назад. Ольгу это откровенно разочаровало, хотя все равно ей было не до кавалеров. Она не ответила.

— Меня зовут Сергей.

Ольга повернулась к нему:

— Сергей, вы меня неправильно поняли. Я просто попросила вас отойти в сторону.

— Это я как раз понял, — улыбнулся он. — Я даже понял, зачем вам это нужно.

Его реплика вновь отвлекла Ольгу от наблюдения.

— Вы следите за подъездом здания напротив. Ожидаете появления возлюбленного под руку с длинноногой коллегой...

— Вы очень наблюдательны, — с ноткой сарказма ответила Ольга.

— Спасибо за комплимент.

— Хотите еще один?

— Безусловно.

— Я согласилась бы признать, что вы очень воспитанны и добры, если бы вы оставили меня.

— Ну... — Сергей трагически сдвинул брови. — Боюсь, что получить эти два комплимента мне не удастся, но я надеюсь, что заслужу какие-нибудь другие.

— За что, например?

— Ну, например, я мог бы помочь вам в вашем расследовании и с удовольствием доказал бы, что ваш возлюбленный просто жлоб, раз заставляет вас ревновать и...

— А почему ты решил, что это возлюбленный? — Активность Сергея начинала действовать Ольге на нервы, но пара, беседующая за столиком, обращала на себя меньше внимания, чем одинокая девушка, не сводящая взгляда с дома напротив.

— Ого! Уже на «ты»! — Сергей поднял указательный палец. — Отвечу. Отличить замужнюю женщину от незамужней очень легко. Во-первых...

— Молодой человек! — Теперь барменша обрушила свой гнев на нового знакомого Ольги. — Вы что будете заказывать?

— Я? Э... — Он озадаченно огляделся по сторонам, изучая, что стоит на соседних столиках, но, не получив достаточно полного представления о меню кафе, обратился к барменше за помощью: — А что у вас есть?

— Пить или из еды?

— Извините, а вы что будете? — спросил он Ольгу.

— Ничего.

— Ага.— Сергей заглянул в ее пустую чашку и вновь обратился к барменше: — Два кофе, два мороженных и легкий «Давыдофф». Подойдет «Давыдофф»? — спросил он у Ольги.

Она посмотрела на него с недоумением. Что такое «Давыдофф», она понятия не имела. Сергей истолковал ее замешательство по-своему.

— Определить, курит ли человек, очень просто,— с легкой улыбкой пояснил он.— У вас рука все время «ищет» сигарету: вы то шевелите пальцами, то подносите руку ко рту...

— Слушай,— Ольга не выдержала этого поучительного тона,— ты, случайно, не мент?

— Нет. Я частный детектив.

— Очень романтично.

— Правда, я на самом деле частный детектив. Могу методом дедукции определить что угодно. Прошрое, настоящее и будущее...

— Попробуй тогда угадать, как меня зовут.

— Тут незачем угадывать. Такие вещи нужно определять сразу, влет.

— Ну, и...?

— Вас зовут Ольга.

— Неплохо.— Она взглянула на Сергея с интересом.— И что, это написано у меня на лбу большими буквами?

— Увы, все гораздо проще и тривиальнее.

— Как же?

— Ну...— Сергей развел руками.— Это уже профессиональные секреты.

— А поделиться ими не хочешь?

Сергей, все время слегка улыбаясь, смотрел ей в глаза. Неожиданно взгляд его как-то изменился — похоже, он следил за чем-то поверх Олиной головы. А может, просто смотрел в пустоту, погрузившись в собственные мысли.

Ольга повернулась, чтобы понять, куда же он смотрит, и обнаружила, что к столику подходят двое. Судя по реакции Сергея, он их знал.

— Позвольте? — Один из мужчин — пожилой, солидный — присел за столик, второй, помоложе, остался стоять.

— А вы... — Ольга машинально убрала со стола руки и бросила тревожный взгляд в сторону дверей.

— Мы не причиним вам вреда, — сказал тот, что постарше. — Скорее всего, мы даже можем оказаться вам полезны.

— А вы кто? — Слова незнакомца не развеяли Ольгиной тревоги.

— Мы, Оля, еще не друзья, но нам есть о чем поговорить.

Девушка посмотрела на Сергея. Так этот детектив просто сторожил ее до подхода основных сил! Но что им надо?

— Давайте поговорим в машине. — Мужчина кивнул ей и поднялся. Следом за ним встал и Сергей.

— Я... — Ольга откинулась на спинку стула, приготовившись ударить того, кто попытается ее схватить. — Я не могу уйти.

— Теперь уже можете, — сказал мужчина с сожалением в голосе и покачал головой. — Вашу подругу взяли с поличным, так что сегодня вы ее уже не дождетесь.

ГЛАВА 7

Лиепая, Латвия

Хильда была девочкой впечатлительной и эмоциональной. Пожалуй, это мешало ей дружить со сверстниками. Вспылив из-за какой-то ерунды, она могла наговорить столько гадкого и обидного, сколько некоторым не слишком дружным семьям с лихвой хватило бы на годы. Столь же быстро остыв, Хильда страшно переживала, извинялась и предлагала дружить по-прежнему, но что-то надламывалось в отношениях с окружавшими ее людьми. Почему-то сказанное в запале грубое слово без труда перевешивает сотни извинений и заверений в любви и дружбе, сказанных вдогонку. Так и получалось. Все знали, что Хильда — добрая, отзывчивая, честная, все относились к ней хорошо. Но никто не хотел с ней дружить. Никто, кроме Инги.

Но, по правде говоря, дружбой с Ингой гордиться не стоило. Не стоило, потому что свойственные ей патологические сострадание и любовь к ближнему формировали круг ее лучших друзей исключительно из тех, кто по разным причинам был обделен общим вниманием. Инга жалела все живое, начиная от раздавленного велосипедной шиной дождевого червя и заканчивая Отто Броза-

ускасом, который во втором классе сломал на горке позвоночник. Инга навещала Отто каждый день, приносила яблоки и помогала делать уроки. Но как только Отто поправился, интерес Инги к нему заметно остыл, дружба их вскоре сошла на нет и они ограничивались обычными «привет — пока», принятыми среди одноклассников.

Хильда привлекла внимание Инги именно тем, что была всегда либо одна, либо со всеми. Промежуточное состояние отсутствовало, ибо никто не возражал против участия Хильды в общих мероприятиях, но никто и не горел желанием побродить с ней вдвоем, поделиться чем-то или выслушать ее.

Или этот русский мальчик, Толик Быков. Он вообще был вне игры. Уже потому, что русский, тем более — сын советских военных. В последнее время Хильда начала даже ревновать к нему Ингу, поскольку та все больше времени проводила с этим тихоней. Интересно ей было с ним или просто он казался Инге более обделенным, ущербным, а значит, нуждающимся в ее внимании? Хильда даже всерьез подумывала, не сломать ли ей что-нибудь, чтобы перетянуть Ингу на свою сторону, и только расцветавшее лето удерживало ее от этого отчаянного шага.

Уже тогда, когда Инга сама вызвалась поздравлять русского с Двадцать третьим февраля, Хильда поняла, что дело неладно, и с каждым новым днем весны все больше и больше убеждалась в том, что их дружба с Ингой заканчивается, уступая натиску дружбы с этим уродом Толиком.

А потом Инга исчезла. Она не попала под машину, не утонула в море, не убежала в Африку, не была, наконец, убита...

Сначала этим занимался участковый, затем приехала следственная бригада из Риги. Через трое суток на уши была поставлена воинская часть. Искали тело. Солдаты прочесывали побережье вдоль и поперек. Милиционеры

в форме и в штатском опрашивали всех, кто мог хоть что-то знать. Все было тщетно. Инга словно растворилась в воздухе.

Одни считали, что она утонула и тело ее унесло в море. Другие предполагали, что Инга отправилась путешествовать, как поступали тогда многие подростки, и в дороге с ней случилось несчастье. Третьи думали, что она стала жертвой изворотливого маньяка.

В Лиепаве остались только два человека, которые не верили ни в одну из принятых к рассмотрению версий.

Одним из них была мать Инги, считавшая, что ее дочь достаточно разумна, чтобы не отправиться самостоятельно путешествовать, слишком теплолюбива и прихотлива, чтобы полезть в еще холодную балтийскую воду, и слишком общительна, чтобы бродить в одиночестве на радость маньякам и прочей мрази. Своей версии женщина выдвинуть не могла. А подобные доводы, как сказал следователь, к делу не приложишь.

Вторым человеком была сама Хильда. У нее как раз была своя версия. Странная и диковатая, по мнению взрослых, и, несмотря на уверенность Хильды в собственной правоте, еще менее интересная для профессионалов, занимавшихся этим делом.

Хильда не знала наверняка, но была уверена, что исчезновение подружки как-то связано с этим русским, Толиком Быковым.

Доводы, которые она приводила, не вызывали ничего, кроме грустной усмешки.

В последние несколько недель Инга и Толик много времени проводили вместе. Почти каждый день. С началом каникул Хильда вообще потеряла их из виду. В тот день, когда Инга исчезла, она тоже, скорее всего, встречалась с ним. Проверить это было невозможно, поскольку их действительно видели вместе, но Инга, целая

и невредимая, приходила домой обедать. Родители же русского мальчика были в то время в части. После исчезновения Инги Толик не проявил к этому событию никакого интереса. Он даже не прислушивался к разговорам сверстников о том, как идут поиски. Это казалось более чем странным, если учесть, что Инга была единственным его другом и ее исчезновение не могло парня не беспокоить.

С этими аргументами Хильда и явилась к следователю. Женщина-капитан МВД республики выслушала ее, сделала какие-то пометки в блокноте, поблагодарила за помощь и пообещала разобраться. Она действительно честно отработала версию, хотя и была уверена, что это ничего не даст. Толик Быков — тихий, скромный мальчик — показал, что в тот день действительно встречался с Ингой. До обеда. Вторую половину дня он провел дома за книгой Джека Лондона. Объяснение тому, что он не проявлял видимого интереса к новостям и слухам, лежало на поверхности: русский, сын военных. Кроме того, многие местные предпочитали родной язык, которого Быков почти не знал. Так что какой смысл ему прислушиваться к их разговорам?

Хильда тоже прекрасно понимала, что ее умозаключения не помогут вывести Толика на чистую воду. И она готова была завуть от бессилия, ибо не просто чувствовала, но именно знала, что русский врет. Это знание складывалось из каких-то штрихов, почти неуловимых, но Хильда не могла выразить свое знание словами; чтобы объяснить этим взрослым, донести до них то, что видела и понимала сама.

Отчаявшись, Хильда рассказала все отцу. Тот пожалел дочь, вытер ее слезы, погладил по голове и, когда та успокоилась, дал ей почитать книгу — «Записки о Шерлоке Холмсе».

Сначала Хильда не поняла, почему именно эту книгу дал ей отец, но постепенно, шаг за шагом, страница за страницей, ей открывался сложный и увлекательный мир логики. Открывался способ мышления, позволявший связать воедино мельчайшие, незначительнейшие детали, чтобы по ним осмыслить и воссоздать целое, постичь его смысл, найти единственно возможное объяснение вещам вроде бы необъяснимым.

Хильда поняла, что существует оружие, способное вытащить на свет и покарать зло, оружие, недостижимое для большинства людей, и она, Хильда, тоже может этим оружием овладеть.

И были новые книги, и детективы сменились литературой по математике, психологии, криминалистике. Хильда словно шла по волшебной стране, где каждый поворот, каждый подъем открывал все новые горизонты, все новые непознанные пажити, звавшие и манившие. Она росла, время зарубцевало рану от потери Инги. Хильда научилась управлять своими эмоциями, у нее появились друзья и подруги. Годы шли, и увлечение Хильды психоанализом выросло в нечто большее.

Она получила в руки вожделенное некогда оружие и теперь совершенствовалась в обращении с ним.

Обретенное знание имело лишь один недостаток. Самая стройная логическая цепочка не являлась для суда аргументом, если не было доказательств. Но этот недостаток распространялся лишь на суд человеческий.

Москва, июнь 1998

— Подписывай, дура! — Лейтенант перешел на доверительный шепот: — Оформим явку с повинной, получишь три вместо пяти.

Валя сидела неподвижно, подсунув под себя руки. Да, она дура. Дура, что пошла к Константину, дура, что пошла к нему одна, дура, что поверила в его искренность. Дура, ох, какая дура, что взяла нож! И вот результат: она сидит на табуретке в дежурке, и этот молокосос вешает ей лапшу на уши, думая, очевидно, что перед ним совсем безнадежная идиотка. Какая явка с повинной, если ее взяли на месте «преступления»!

— Слушай, мы ведь передадим тебя в РУОП, а там тебе припаяют вымогательство в особо крупных...— продолжал свои фокусы лейтенант.

Бессонная ночь в клетке отделения милиции с двумя бомжами, пьяной в дым проституткой и кавказцем со свежесломанным носом подорвала Валины силы, но не лишила еще способности соображать. А соображения ее сводились к тому, что действия ментов незаконны и, скорее всего, она до сих пор торчит в отделении именно потому, что без ее «чистосердечного признания» дело не стоит выведенного яйца. Вот лейтенанту и поручили выжать признание.

Лейтенант порядком устал трепать языком. Он поднялся из-за стола, подошел к шкафчику, достал бутылку минералки, отхлебнул и убрал обратно.

— Не хочешь попить? — повернувшись к Вале, спросил он, словно спохватившись.

Та кивнула. На всякий случай кивнула, хотя знала и этот фокус.

Лейтенант вытащил из шкафа бутылку и стакан. Наливая воду, медленно двинулся к столу.

— Ну ладно,— заговорил он примирительным тоном,— давай эту бодягу заканчивать. Подписывай протокол и можешь отправляться спать. В клетке сейчас нет никого...

Он уже почти обошел стол и был в двух шагах от Вали. Вода смачно булькала, низвергаясь из пластиковой бутылки. Сотни пузырьков, отрываясь от стенок стакана, радостно устремлялись к поверхности. Запах минералки дразняще щекотал ноздри.

— Давай.— Милиционер остановился возле Вали со стаканом в руке.— Подмахни по-быстрому и...

— Пошел ты! — утрюмо выдохнула Валя, ощутив, насколько запеклись губы.

— Как знаешь.— Лейтенант пожал плечами и стал пить воду сам. Не торопясь, смакуя, звонкими глотками. Острый кадык его плавно гулял по шее, сопровождая каждую новую порцию живительной влаги, которая лилась в милицейскую пасть.

Валя отвернулась.

Лейтенант допил воду и поставил стакан на стол.

— Ну-с, продолжим разговоры.— Он снова уселся за стол и взял ручку.

— Борщов! — Дверь распахнулась, и в дежурку ввалился майор.

Лейтенант вскочил и вытянулся в струнку. Майор смерил Валью раздраженным взглядом и снова обратился к коллеге:

— Борщов, она подписала что-нибудь? — Взгляд его упал на протокол.

— Никак нет,— понуро вздохнул лейтенант.

— Плохо, Борщов. Очень плохо.— Майор взял со стола протокол и, быстро сложив пополам, убрал во внутренний карман.— Все. Забирают ее, уже приехали.

Борщов вздохнул и взял со стола фуражку.

— Ладно,— махнул рукой майор.— Я сам проведу. Мне еще с ними потереть надо. Пошли! — кивнул он Вале.

Девушка медленно поднялась.

— Ну, давай маршируй бодрее! Что ж ты как вареная!

Валя неторопливо вышла из комнаты. Куда ей теперь торопиться? Все равно предварительное заключение учитывается, а сидеть в КПЗ все веселей, чем батрачить в зоне.

Выйдя на улицу, Валя с удивлением обнаружила, что встречают ее не облаченные в форму грозные оперативники, а два человека в штатском, похожие скорее не на родных сыскарей, а на детективов из американских сериалов.

Майор слегка подтолкнул Валью к этой парочке.

— Во, забирайте свою красотку. И не забудьте!

Майор сделал какой-то непонятный жест и, развернувшись, скрылся за дверью.

Валя недоуменно смотрела на приехавших за ней людей. Один — пожилой, довольно полный, — очевидно, был главным. Другой — молодой крепкий мужик — стоял, как говорится, при хозяине.

— Давайте сядем в машину, — предложил пожилой, показывая на серебристо-синий «ситроен». — А то торчим тут на глазах у всего честного и лихого люда...

— А вы, собственно, кто? — Валя машинально сделала шаг, но остановилась, подозрительно глядя на этих двоих.

— Мы, собственно... — Пожилой потерял кончик носа. — Думаю, что если мы подойдем к машине, то многие вопросы тут же отпадут.

— Мы люди хорошие, — вставил, усмехнувшись, молодой.

Терять Вале было особенно нечего. А странность происходящего заинтриговала ее. Она пошла к машине. Когда до блестящей дверцы «ситроена» оставалось метров пять, тонированное стекло плавно опустилось и Ва-

ля увидела Ольгу. Подруга не улыбалась, но выглядела довольной и никак не походила на человека, которого запихнули в машину насильно.

Москва, сентябрь 1998

Борис включил компьютер и набрал пароль. Как только программа загрузилась, он щелкнул «мышью» и включил заставку. Девицы из «Плейбоя» замелькали во всем своем великолепии. Коллекция фотографий закончилась и пошла по новой. Кадра со злополучным снимком не было.

Борис щелкнул «пробелом». Заставка исчезла, иконки программ услужливо выстроились на голубом фоне.

— Вот и все,— произнес Борис вслух.— Мы победили.

Наверное, он был вправе сказать это. Вчерашний вечер он провел на высшем уровне, черт бы его побрал! И в доказательство того, что Боря вернул себе прежние позиции в семье и в этой жизни, проклятая фотография из заставки исчезла. Кстати, теперь-то можно не сомневаться, что это была Лялькина работа. Вот актриса! Вот сучка...

Все хорошо, все по-прежнему. Только с этим чертовым ребенком... Как же быть? Конечно, это случится не завтра и даже не через месяц. Минимум до конца года можно жить припеваючи и припиваючи, ни в чем себе не отказывая. И потом, после Лялькиного выкидыша врач сказал, что вероятность новой беременности крайне мала, примерно процентов пять. Боря очень надеялся на оставшиеся девяносто пять процентов.

С другой стороны, может, получив ребенка, Лялька утешится и прекратит свою шпионско-террористическую деятельность? Будет нянчиться с дитем. А что? Ка-

кая бы она ни была продвинутая интриганка, но природу не обманешь: деревенская баба должна иметь ребенка, вытирать ему сопли, шлепать по заднице, штопать ползунки. Ляльке даже не придется штопать. Чем-чем, а ползунками-то Борис ее обеспечит.

Телефонный звонок прервал его раздумья. Звонил один из сбытовиков.

— Белый, есть солидный заказ на водонагреватели.

— А конкретно?

Сбытовик этот был, пожалуй, самым толковым парнем из всех, кто работал в «Белтехе». Если он обращался напрямую к генеральному и с порога выдавал такой текст, то дело, скорее всего, было стоящим. Но узнать детали, само собой, необходимо.

— Если конкретно, то человек готов взять три контейнера «Арок».

— Сколько?!

— Три контейнера.

— Зайди-ка.— Борис положил трубку. Такие заказы не стоило обсуждать по телефону, даже (тем более) по внутреннему. Три контейнера водонагревателей «Арок»! Бешеные бабки! По меньшей мере половина актива «Белтеха». Зачем кому-то понадобилась такая уйма этих машинок?

— Можно? — Сбытовик заглянул в кабинет.

— Давай заходи.— Борис указал парню на стул.— Что там интересного?

— Пришел человек. Региональщик из Ставрополя, из администрации. Они строят гостиничный комплекс. По госзаказу. В общем, все нормально, с контрактами никаких проблем, готовы платить...

— А почему они не могут просто связаться с Италией, напрямую с «Ароком», и заказать что нужно? —

Борис не сомневался, что этот вопрос парень уже проработал. Если нет, то Борис его сильно переоценивает.

— Я уже спрашивал,— с довольным видом кивнул сбытовик.— Во-первых, процесс распределения денег на контроле у мэра. Никаких авансов, тем более за бугор, он не подпишет. Но что касается России, они готовы подписать любой договор, предоставить любые гарантии, даже загнать деньги на счет. Понимаешь? Как только транспорт приходит в Новороссийск, они сразу платят.

— Понятно. А во-вторых? — Борис железной рукой удерживал в себе гейзер эйфории. Госзаказ на такой объем! Чума! А за ним наверняка последуют другие.

— Что? А, во-вторых... Во-вторых, они хотят, чтобы мы гарантировали качество продукции. То есть поставили на гарантийное обслуживание...— На лице сбытовика проступило легкое беспокойство, когда он начал перечислять требования чиновника из Ставрополя.

Бориса этот пункт не особенно волновал. За два года работы с итальянцами Борису не попалось ни одного дефектного обогревателя. И при наценке в тридцать процентов, которые «Белтех» накручивал на импортное оборудование, можно было и починить то, что вдруг окажется неисправным. Этот аргумент, видимо, оказался для ставропольцев гораздо более важным, чем вопросы оплаты. Дело в том, что на импортируемое оптом оборудование итальянцы, как и любая другая фирма, гарантии не давали. Заплатить побольше чужих денег и иметь поменьше головной боли было для чиновников оптимальным вариантом.

Борис принял решение:

— Где он сейчас?

— Сидит внизу, Кэт его кофейком поит.

— Пошли.— Борис встал, но тут же опустился обратно в кресло.— Хотя что это я? Давай тащи его сюда. И пусть Катька метнется, купит чего-нибудь покрепче кофе.

Москва, июнь 1998

— Ну, наверное, для начала я представляюсь.— Пожилой мужчина попытался, насколько это позволял салон машины, галантно поклониться.— Сразу предупрежу, что названное имя будет иметь одно преимущество и один недостаток. Преимущество состоит в том, что легко запомнить. Меня зовут Александр Сергеевич, как Пушкина. А недостаток и вовсе пустяковый: имя это вымышленное.

Валя встрепенулась и посмотрела на Ольгу — та ободряюще улыбнулась в ответ.

— Понимаю, что подобное инкогнито будет воспринято как признак недоверия,— продолжал мнимый тезка солнца русской поэзии.— В какой-то мере так оно и есть. Но с другой стороны, я делаю это и для вашей безопасности. Нельзя выдать или выболтать то, чего не знаешь. Вдруг жизнь так повернется, что мы начнем друг другу мешать? Если я останусь темной лошадкой, мне не придется... м-м... замечать следы, убирая свидетелей. Ясно?

Вступление Вале не понравилось, но Ольга осторожно взяла ее за руку, давая таким образом понять, что все в порядке.

Подруги продолжали молча слушать. Телохранитель Александра Сергеевича тем временем завел двигатель, и машина плавно тронулась с места.

— Ну, некоторое ваше доверие я уже заслужил, так как вытащил вас из цепких лап правосудия... Теперь,

сказав все самое неприятное, я хотел бы перейти к делу.— Александр Сергеевич выдержал небольшую паузу, чтобы поправить ремень безопасности и, видимо, перевести дух.— Наш интерес к вам, девушки, вызван тем, что у нас общий враг.

Валя вздрогнула, и мужчина заметил это.

— Не волнуйтесь.— Он успокаивающе поднял руку.— Пока я не собираюсь идти дальше простого разговора. Если мы не найдем общего языка на данном этапе, то сможем расстаться и забыть друг о друге. При этом продолжать искать пути достижения заветной цели. Я уже кое-что объяснил Ольге, и она в ответ рассказала мне некоторые подробности ваших планов относительно господина Боброва...

Валя снова посмотрела на подругу, на сей раз с укором.

— Итак, я подхожу к сути.— Александр Сергеевич подбадривающе улыбнулся.— Валентина, я знаю, что вы не виновны в покушении на Бобра... господина Боброва. Знаю я также, что убийство его все же входило в ваши планы. Не дергайтесь! Открываю несколько своих карт. Я тоже мечтаю увидеть Костю Бобра в гробу в белых тапочках, а еще лучше — в печи крематория. Не курите такие? — без всякого перехода спросил он, открыл портсигар и продемонстрировал притянутые стильной резинкой папиросы.

— Я курю все, что дымит.— Валя вытащила одну папиросу.

— Ах да,— махнул рукой Александр Сергеевич,— я и забыл...

Он тоже вытащил папиросу. Ольга отказалась: она так и не стала настоящим курильщиком. Она курила изредка, чтобы привести в порядок нервы. Валя и Александр Сергеевич задымили.

— Проблема, созданная братьями, не оставляет иного решения. Поэтому я и несколько моих... друзей хотели бы избавиться от старшего брата. У вас проблема совершенно иного рода. Я бы сказал, у вас совершенно иной счет к Бобру. Это меня и заинтересовало.

— Что вы хотите? — Валя выпустила струйку густого дыма себе под ноги.

— Я вижу, вы предпочитаете сразу брать быка за рога.— Александр Сергеевич сделался серьезным.— Что ж, к делу. Вы действительно хотите убить Боброва?

— Допустим.

— Нет, дорогая моя, это слово меня в качестве ответа никак не устраивает. Да или нет?

— Да.

— Хорошо. Почему вы решили искать киллера?

— То есть?

— Вы боитесь крови, не уверены в своих силах, не хотите попасться? Почему киллер? Ведь можно сделать это самой.

— А почему Бобров до сих пор жив?

— Теперь я, извините, не понял вопроса.— Александр Сергеевич загасил папиросу и снова поднял глаза на собеседницу.

— Ну, вы ведь хотите его убить. У вас есть возможность, время и деньги, а Бобров до сих пор жив.

— Ясно. Но дело в том, что у меня нет такой возможности. Я ищу ее, и вы можете оказаться мне полезны. Вы полтора месяца как откинулись и уже готовите убийство. Значит, других важных дел у вас на воле нет? Что вы собирались делать после убийства?

— Не знаю. Сначала я хочу увидеть его мертвым.

— Объяснимое желание. Кстати, наняв киллера, вы можете и не увидеть труп.

— Куда вы клоните? Нельзя ли конкретнее? — Валю начинало злить, что Александр Сергеевич никак не доберется до сути.

— Можно и конкретнее. Я хочу, чтобы вы убили Бобра.

— Что?!

— Я хочу, чтобы именно вы убили Константина Боброва, вашего бывшего мужа, главу фирмы «Братья Бобровы».

— Я?!

— Именно вы.

— Почему именно я?

— Вот почему. Ситуация такова, что любое покушение на эту мразь будет расценено определенными людьми как выпад с нашей стороны. Бобров при поддержке этих людей решил подмять нас. Если те люди начнут на нас охоту, мы не выстоим. А не будет Боброва, и процесс несколько замедлится. Так что ни в какое случайное покушение, ни в какое убийство по ошибке в пьяной драке и тому подобное никто не поверит. Ваш случай особенный. Вы — обманутая жена, и если вы застрелите его прилюдно, то...

— Ты что, псих? — Валя попыталась на ходу открыть дверцу, но ничего не вышло. Двери были заблокированы, но Валя о таких технических изысках не слышала, поэтому продолжала дергать ручку. — Выпустите меня!

— Да подождите, Валя. Давайте поговорим еще пять минут, а там будет ясно.

Валя откинулась на спинку сиденья и скрестила руки на груди, давая понять, что позволяет Александру Сергеевичу договорить.

— Я предлагаю вам вот что. Вы получаете от меня оружие и деньги. Скажем, десять тысяч. Это ставка профессионального убийцы. Мои люди научат вас стрелять

и все подготовят. Вы убьете Боброва и скроетесь. Рас-
творитесь. Милиция вас искать не будет, поскольку ни-
кто из сопровождающих Бобра не даст показаний. Его
людям мы сообщим о причинах убийства. Им вас искать
тоже не будет интереса. Таким образом, вы убираете
Константина Боброва, получаете свободу и деньги.
Приличные деньги, особенно для провинции, где вам
предстоит прожить хотя бы несколько лет...

— Я все же не понимаю, почему именно я?

— Я же объясняю вам, что вы — идеальный вариант,
при котором мы... мы с вами сможем убить сразу не-
скольких зайцев, извините за каламбур. Устраняется
Бобров, я и мои друзья остаемся чистыми...

— Но почему я?! Я не умею стрелять, я даже в шко-
ле...— Валя всплеснула руками, демонстрируя, что это
предложение кажется ей абсурдом.

— Стрелять мы вас научим. А выбрали мы именно
вас,— терпеливо начал объяснять Александр Сергеевич
снова,— потому что тогда...

— ...на вас не подумают! Я поняла. Но неужели нель-
зя сделать все так, чтобы это выглядело как несчастный
случай, самоубийство... ну, я не знаю...

— Это непросто.— Александр Сергеевич покачал го-
ловой.— Говоря по совести, и киллера хорошего непросто
найти. Сейчас народ пошел сволочной. Ни стыда, ни
совести. Ему заказываешь клиента, а он претя к нему и
продает тебя со всеми потрохами. Каково? А есть идиоты
малохольные, что шагают на Петровку или в храм и
каются там, что возжелали смерти ближнего своего.
Апофеоз мерзости!

— Сочувствую. Но с вашими возможностями...— Ва-
ля выразительно покрутила головой, осматривая салон
«ситроена».

— Девочка моя,— перехватив ее взгляд, грустно улыбнулся Александр Сергеевич,— иномарка была символом власти в те годы, когда вы еще бегали на воле. Сейчас это — ничто.

— Но если вы платите мне, то, наверное, можете найти...— Валя сделала такой жест, словно втыкала вилку в розетку.

— Так ведь сразу поймут, что...— Александр Сергеевич приложил указательный палец к груди.

— Но если вы наймете профессионала, то он все сделает, как будто это самоубийство!

— Ха! Такие, как наш Бобр, самоубийством не кончают. Да и речь тут идет уже не просто о профессионале, нужен такой класс, что... ух!

— И что же, нет таких?

Александр Сергеевич задумался.

— Если честно, то я знаю только одного такого. Правда, этот парень не просто киллер. Он может заставить человека убить себя.

— Как это?

— Никто не знает как. Это мастер высочайшего класса. Дьявол во плоти.

— Но ведь известно, что он убивает?

— Известно, что люди, которых ему заказывают, довольно скоро или погибают при странных обстоятельствах, или кончают жизнь самоубийством, или сходят с ума.

— А это не байки? Уж очень похоже на Дюма-праправнука...

— Да нет, не байки. Фамилия Кириянов вам говорит о чем-нибудь?

— Кириянов? — Валя наморщила лоб.— Это...

— Да, именно. Так вот, он заключил с этим виртуозом нечто вроде контракта. Два года он шел вверх со

скоростью воздушного пузырька. Все, кто мешал ему и не желал отойти в сторону, быстро и плохо кончили. Есть еще несколько примеров. В общем, это не легенда. Однажды и мой компаньон обращался к нему за помощью. Так что это правда. Но он такой один. Один на всех на сто лет вперед и на сто лет назад.

— Так почему же вы не обратитесь к нему? — Валя слушала Александра Сергеевича, широко открыв глаза.

— Он положил свое весло.

— Что? Какое весло?

— Свое весло. Так он последний раз сообщил по Интернету. Прозвище у него было Харон. Никто его никогда не видел, а связь держали сначала через пейджер, потом через компьютер. Шесть лет назад Харон сообщил, что кладет свое весло. Больше он не отвечал на обращения.

— А... — прохрипела Валя: от волнения у нее пересохло в горле.

— А кто такой Харон? — поспешил ей на помощь Александр Сергеевич.

— Нет. Что такое Интернет?

— Интернет? — Брови у Александра Сергеевича встали домиком, даже шалашиком от удивления. — Вы не знаете, что такое Интернет?

Он перевел изумленный взгляд на Ольгу. Но ту больше интересовал совсем другой вопрос, и, как только Александр Сергеевич взглянул на нее, она спросила:

— А Кириянов... Как его звали?

— Кириянова? Не помню. Алексей... Нет, не помню. Таких редко называют по имени, еще реже — по имени-отчеству.

— Алексей Владимирович? Невысокий, нос клювиком, бородавки на левой руке?

— Да, нос у него того...— согласился Александр Сергеевич.— Про бородавки не знаю, но это такое дело... Половина народа не знает, что у президента пальцев на руке не хватает! А тут бородавки...

— А где он сейчас?

— Кто?

— Кириянов.

— О-о! Его, пожалуй, найти не легче, чем Харона, хотя фотографий его масса. Особенно после похорон.

— Так он умер?

— Да, погиб. Случайно.

— Тоже Харон?

— Харон? — На секунду Александр Сергеевич задумался.— Нет. Тут — нет. Кириянов попал под обстрел где-то в Осетии. Хотя кто знает...

ГЛАВА 8

Москва, сентябрь 1998

Макс был убит горем. Нет, это уже не шутки. Какие тут шутки, когда в один миг стал импотентом!

Он получил очередное доказательство, что дела плохи.

Собственно, Макс решил несколько дней выждать, отдохнуть, попить минералки, чтобы алкоголь и шлаки вышли из организма. А там, глядишь, дело само наладится. Но настроение после подписания договора было приподнятое, шампанское, открытое в честь этой сделки, неожиданно резво забродило в голове, а та грудастая татарочка так смотрела на него своими черными глазами, что Макс не устоял.

И главное, там, в баре, и потом, в такси, все было нормально. А приехали на квартиру, хлопнули для порядка по рюмашке, и все, как отрубил! Может, у него аллергия на алкоголь? Нет, так жить нельзя, надо сходить к какому-нибудь докторишке, что ли, дать ему денег, пусть пилюлю пропишет или капель.

Макс пытался заняться эскизами, но все мысли кружились вокруг одного и того же. Кончилось тем, что на

эскизе фирменный знак получился в виде какого-то фаллического символа.

Макс бросил карандаш. Какой, к черту, эскиз в двенадцатом часу ночи, после шампанского, коньяка и такой встряски! Нужно просто лечь спать. А завтра все будет нормально. Завтра, прямо с утра, он отправится к докторишке, покажет ему свое пришедшее в упадок хозяйство, докторишка скатает пилюлю, сделает массаж и укол, и жизнь вернется.

Макс почистил зубы и лег, исполненный веры в светлое завтра.

Он уже успел задремать, когда затарахтел телефон. Дурацкий определитель сначала тренькал, потом гнуса-вил по цифрам определенный им номер, потом принимался пищать, как обычный кнопочный аппарат. Сейчас он сообщал, что номер не определен.

Проклиная все на свете, Макс поднял трубку:

— Слушаю.

— Здорово, Макс. Узнал? — Жук говорил быстро, приглушенным шепотом, немного нараспев, и узнать его было не так просто. — Не называй вслух. Нужно увидеться. Срочно.

— Слышь, давай завтра, а? — взмолился Макс, уже пригревшийся под одеялом.

— Завтра будет поздно! Спускайся вниз и шагай к углу дома. Я подойду. — Жук повесил трубку.

Макс сел на кровати и стал одеваться. У него мелькнула мысль послать все подальше, но он устоял. Жук поднимал его вот так впервые — наверное, в самом деле что-то важное. Обычно сам Макс срывал всех по любому поводу и без повода.

Макс оделся, вышел из дома и направился, поживаясь от сырости вечернего воздуха, к углу дома.

Жук догнал его по пути.

- Привет,— протянул он руку для приветствия.
- Здорово.— Подавив безжалостно рвавшую пасть зевоту, Макс пожал руку.
- Дело срочное.
- Это я понял.
- К тебе от Бобра приходили?
- Ну, приходили. Разводили, что, мол, давай на них работай, то-се...
- То-се...— Жук хмыкнул.— И что ты?
- Я? А я как все,— пожал плечами Макс.— У нас профсоюз. Собрались, перетерли. Решили не платить и вообще...
- Кто решил?
- Ну, мы все решили — Насоныч там, Захаров. Если мы все вместе встанем, то Бобрам нас не сожрать.
- Ты прямо как на митинге. Все вместе, партия — это ураган, из голосов спрессованный... Давно из пионеров вышел?
- Слышь,— обиделся Макс,— ты не грузи! Объясни лучше толком, что стряслось.
- Еще не стряслось, но уже начинает трястись. Завтра может и тебя потряснуть.
- То есть? — Макс насторожился.
- То есть вашу партию будут рвать на куски. Пару кусков сегодня уже оторвали. Завтра — твоя очередь.
- Как?
- Ты что, маленький? Это вы на своем профсоюзном собрании все скопом и единым рот-фронтом. А бить вас будут по одному. И никуда вы не денетесь, поверь мне. Подомнут вас и так и эдак. А кто будет умничать без нужды, просто получит больше всех тумачков. Кто поумнее, вроде баб из «Альмиры», сдается без боя, а у других будут проблемы. Завтра к тебе приедут. Понимаешь, нет?

Макс остановился и потер лицо, собираясь с мыслями.

— Значит, начали долбить по одному.— Он покачал головой.— А ты не можешь меня прикрыть?

— Увы. Как раз моя бригада и занимается нанесением визитов и телесных повреждений средней тяжести. Единственное, что я могу для тебя сделать, это предложить самому позвонить Бобрам и дать согласие. Иначе я смогу только оттянуть наезд на пару часов.

— Пару часов...— повторил за ним Макс.

— Пару часов,— кивнул Жук.— Часов в десять ребята будут в «Пелло», а в полдень — у тебя.

— И «Пелло» тоже?

— «Тоже»! «Пелло» — один из первых кандидатов.

— Да... И что же делать?

— Звони, Макс. Завтра в десять звони Бобрам. Все равно тебя поставят в строй, а уж со своими зубами или со вставными — решай сам. Если договоришься с ними до одиннадцати, я тормозну ребят.

— Да,— убитым голосом произнес Макс,— навалилось все кулем...

— Что — все?

— Так...— Макс безнадежно махнул рукой.— Лучше и не спрашивай.

Москва, июль 1998

Валя согласилась. Согласилась попробовать. Согласилась попробовать освоить азы киллерского искусства. Если инструктор сочтет, что шансы на успех есть, то она попробует убить Боброва. Если шансы на успех будут хотя бы пятьдесят один на сорок девять.

Но сумму она потребовала увеличить. Как-никак, обычный убийца с места преступления скрывается, и

никто никогда не узнает, кто он. А Валина задача была, напротив, продемонстрировать всем, кто она. После этого судьба ее была predetermined: вечное подполье. Кроме того, Валя была раритетом. Только она подходила для исполнения этого убийства. Только она. Она была для этих людей кем-то вроде Аладдина для волшебника из Магриба, кем-то вроде Буратино для Карабаса Барабаса. А раритеты всегда стоили дороже. Так что в итоге Валин гонорар утроили.

Комнатку у пугливой бабушки пришлось сменить на загородный домик — дачу со всеми удобствами. Человек, занявшийся подготовкой начинающей террористки, поставил жесткое условие: или подруги расстаются до завершения операции, или обе сидят в домике, не показывая носа на улицу. Разумеется, Ольга выбрала добровольное заточение.

Вадим, как звали инструктора, был настоящим профессионалом. Он не отличался разговорчивостью, пропускал личные вопросы мимо ушей, никак не реагировал на присутствие двух молодых женщин. Кстати сказать, Ольга, оклемавшись после лагеря, расцвела буйным цветом. Отросшие густые волосы обрамляли лицо, созданное точными, правильными мазками, живые глубокие глаза... Ну да что расписывать. Вадима это все равно не волновало, а если и волновало, то он безупречно скрывал это.

Волновало же этого замкнутого человека со стальными мышцами и военной выправкой совсем другое: его подопечная никогда в жизни не держала в руках боевого оружия. Курок, затворная рама, предохранитель обозначались ею исключительно как «штучка» или «железка».

В первый же день, безошибочно оценив по широким Валиным плечам степень ее физической подготовки,

Вадим решил, что перед ним если не профессионал, то по крайней мере не такой профан, как утверждал Александр Сергеевич. За ошибку свою Вадим в первый день едва не поплатился жизнью.

Он вывел Валю в лесок и вручил ей маленький автомат с длинным магазином.

— Ну-ка, покажи, что ты умеешь. — Он отошел в сторону.

Валя растерянно посмотрела на оружие в своих руках и нажала на спуск. Ничего не произошло. Девушка вспомнила, что у оружия есть какой-то предохранитель. Она взглянула на корпус, дернула одну железку, другую. Какой-то рычажок двинулся и щелкнул. Все это время Валя продолжала жать на спуск, и стоило предохранителя освободить раму, как автомат выдал очередь. Смертоносная машинка запрыгала в руках девушки и развернулась на девяносто градусов.

Вадим, понявший, что переоценил подопечную, когда та замешкалась с предохранителем, вздохнул и двинулся к ней, чтобы забрать автомат. Как раз в этот момент Валя начала палить во все стороны, сжимая беснующуюся железяку и машинально продолжая жать на спуск.

Вадим прыгнул в сторону, бросился на землю и покатился по земле, уходя от брызгающих щепками стволов деревьев. Это не спасло бы его, если бы у Вали не кончились патроны.

Когда в лесочке наступила тишина, Валя разжала пальцы, позволив автомату упасть в траву, повернулась к Вадиму, который в тот момент поднимался с земли, и, пожав плечами, молвила с виноватой улыбкой:

— Я же говорила, что не умею.

Вадим хотел что-то сказать, но лишь махнул рукой: ладно!

Валя, поняв, что ругать ее не будут, повеселела:
— Видели? Он как запрыгал, запрыгал!

Москва, сентябрь 1998

Макс не перезвонил. Жук ждал до четверти двенадцатого, но он так и не перезвонил. Струсил? Понадеялся на дружбу с Жуком и на авось? Пропал?

Братки дергали бригадира, ворча, что не успеют к полудню, Жук огрызался и говорил, что хочет дожидаться сообщения от тех, кто поехал трясти «Пелло». По правде сказать, они уже должны были закончить и позвонить. Но не звонили.

11.18. Больше тянуть нельзя. Жук дал команду и поднялся, когда телефон все-таки ожил.

— Слушаю.— Жук взял трубку, приложил к уху и отпрянул, ибо человек на том конце провода кричал так, что не сразу можно было понять, кто это и что именно он кричит.

А ничего хорошего этот человек — водитель, отвозивший братков в «Пелло», — не кричал. Заговариваясь и заикаясь от волнения, он сообщил, что в офисе «Пелло» их встретили люди в штатском, оказавшиеся руоповцами.

— Я понял,— кивнул Жук.— Давай подгребай в кабак.— Он повернулся к замершим в ожидании новостей браткам.— Их замели. Всех. Сидите пока в кабаке, я сметаюсь к Шале и тоже подъеду.— Отдав команду, Жук вышел.

Он отправился к Шале, в офис на Садовом, где вор изображал законопослушного бизнесмена, что не мешало ему принимать в специально оборудованном кабинете особых гостей.

Назвать предстоящий с вором разговор неприятным было бы столь же беспардонно мягко, как и назвать,

скажем, Ватерлоо оплошностью Бонапарта. Нет, разговор предстоял интересный и волнительный. После такого разговора можно исчезнуть раз и навсегда, и Жук прекрасно понимал это. Но не доложить об очередном проколе было еще хуже. Узнай Шала о проколе своего бригадира от кого-то другого, и у Жука не осталось бы никаких шансов спасти свою шкуру.

Единственным козырем бригадира было то, что он нужен вору. И, как ни странно, нужен тем более, что уже однажды крупно прокололся. После убийства Дятла Шала держал Жука в руках так, как не держал никого. Вору было бы обидно терять такого преданного и подконтрольного человека. Следовательно, если Жук сообщит Шале ужасную новость первым, тот, скорее всего, сообразит, на что списать потери. Конечно, совсем с рук это Жуку не сойдет, но что все эти неприятности по сравнению с пулей в башке? Главное, остаться в живых, остаться на посту, а там... он с лихвой наверстает все, наворует, награбит... и все что хочешь!

Жук утешал себя такими раскладами, но восемнадцать ступеней, ведущих на второй этаж, в офис Шалы, дались ему нелегко. Он преодолел их, преодолевая дрожь в коленях и тянущую вниз слабость во всем теле, увидел вора, сидящего на широком диване мягкой светлой кожи, и стало как-то легче. Не ощущение, но вид, запах опасности вернули молодого хищника в привычную колею, придали уверенности, и, когда он перешагивал порог кабинета, никто уже не узнал бы в нем прилипающего от страха к мрамору ступеней бледного парня, которым он был всего минуту назад.

— Жень? — Шала шевельнул рукой, державшей миниатюрный пульт японской видеодвойки, и выключил звук.— Заходи, дорогой!

Радужие было достаточно условным, поскольку толстяк даже не сделал попытки приподняться, как принято в больших компаниях, не говоря уж о том, чтобы встать и поприветствовать гостя, как принято на Кавказе. Ну да этим Жука было не удивить.

— Здравствуй, Шала.— Жук вышел на середину кабинета и замер, как встревоженный посторонним шорохом суслик.

— Что-нибудь случилось?

Риторический вопрос. Если Жук без предварительной договоренности является в штаб-квартиру в тот самый час, когда должен вламываться в кабинет директора «Макс'С», то дураку понятно: да, случилось.

— В «Пелло» псы сидели. Помели всех,— коротко прокомментировал ситуацию Жук.

Шала не стал тратить время на пустые вопросы. Он погрузился в раздумье немедленно. Лицо его окаменело, маленькие черные глазки замерли, словно пришитые на морду плюшевого медведя пуговки. Зато внутри большой круглой головы с бешеной скоростью завращались те самые шарики и катушки, которые в просторечии олицетворяют мозг. Покрутятся, повертятся, пожужжат, словно валики кассового аппарата, и выдадут вместо чека кому — приговор, кому — приятную весть о продвижении вверх.

— Кто сообщил? — Какой-то ролик в районе темечка прокрутился несколько раз вхолостую, не найдя опоры.

— Водила, который их отвозил. Но он до утра ничего не знал.

Жук сразу пресек версию о причастности парня как никуда не годную. Незачем воровским шарикам-катушкам гонять не в ту степь.

— Но самого водилу не взяли?

Нет, кажется, зацепило парня. Сейчас, слово за слово, засосет, затащит в механизм, а что выйдет? Никто пока не знает. Жук покачал головой.

— Ясно. Ты сам говорил кому-нибудь?

На этот вопрос Жук даже не стал качать головой. Ответ был очевиден, ибо случись утечка по его вине, то не сносить ему головы. А в следующую секунду шею сковало судорогой так, что бригадир уже не смог бы качать головой при всем желании. В эту самую секунду Жук вспомнил, что говорил о предстоящем визите в «Пелло» и кому говорил. Он упомянул об этом в разговоре с Максом. Упомянул для убедительности, чтобы не сделал друг ошибки, не махнул на угрозу рукой. Неужели Макс? Что ж, это было бы логично. Но тогда получается, что Макс хотел не просто защититься, не просто спастись, но спастись ценой его, Женькиной, шкуры. Вот гад! А может, не он? Но тогда кто? Неужели сам Шала на себя донес? Эта засада не похожа на случайность. Не могли менты сидеть во всех агентствах день и ночь и караулить рэкетиоров. Можно было, конечно, вычислить с десятков наиболее вероятных, но...

— А откуда известно, что это РУОП?

— Что? В каком смысле? — Жук, окунувшись в прорубь своих страхов, едва расслышал вопрос.

— Откуда известно, что это именно РУОП?

— Ну, так этот водила сказал... по телефону.

— А он что, заходил в контору?

— Не должен был...

— Тогда непонятно. Откуда он узнал про засаду, про то, что это РУОП, а не менты, не спецпура, не другая бригада. Непонятно. — Шала покачал головой. — Совсем непонятно.

Жук хотел возразить, но прикусил язык. Засада была не просто так. Кто-то настучал. Это очевидно. Стукача надо найти и покарать. И Шала нашел его. Не важно, виноват парень или нет. Вор сказал, что парень виноват,— значит, так оно и есть. Пусть даже все это и шито крестиком и белыми нитками.

Теперь Жук чист, и это главное. Но Макс!.. Такого Жук от друга не ожидал. Хотя почему бы и нет? Ведь и сам Жук предупредил приятеля не от полноты теплых чувств и не из-за укола проснувшейся совести. Нет, он предупредил его назло и вопреки. Что ж, все логично. И по этой же логике Макс должен быть наказан и будет наказан.

Москва, сентябрь 1998

Такое бывает раз в жизни. Причем не в каждой жизни. Большинство олухов и неолугов так и сидят всю жизнь, раскрыв варежку в ожидании своего шанса, своего звездного часа, а он так и не приходит. Это только у Челентано с Куинном большая игра начиналась с ноля в любой момент, а у реальных людей все сложнее и безнадежнее.

Впрочем, плевать хотел Борис на всех остальных. Ему в руки буквально вложили золотой ключик, подвели к волшебной двери и ткнули носом: отпирай!

Такое бывает раз в жизни. Сначала приходит человек, готовый под госзаказ положить на счет полмиллиона долларов, из которых двести с небольшим хвостиком — прибыль. Потом Борис связывается с Италией и три раза переспрашивает переводчицу, не ослышался ли он. И девочка терпеливо повторяет, что да, итальянцы готовы отгрузить всю партию хоть зав-

тра, причем дадут под такой объем еще пять процентов скидки.

Остается последний вопрос. Где взять двести семьдесят штук на неделю? Борис звонит нужным людям, и те, подумав немного, соглашаются дать кредит. Всю сумму на десять дней!

И что делает Борис? Борис просто протягивает руку... Нет! Он даже не протягивает руку, чтобы взять за пышный хвост свою синюю птицу. Он просто сжимает руку, ибо заветный хвост уже лежит на его ладони. И все!

Ставропольский чиновник испрашивает позволения позвонить в родные пенаты и сообщить радостное известие. Позвонив, он сообщает, что завтра деньги будут переведены на указанный счет и Борис уже к вечеру получит копию платежки, а если будет угодно, то и оригинал. С итальянцами два часа разницы, так что завтра же Борис скинет им предоплату из кредитных денег, а счастливые макаронники завтра же начнут погрузку. Просто фантастика!

Такое бывает раз в жизни! Двести тысяч баксов одним изящным жестом. За пять лет успешной работы он заработал меньше половины этой суммы. А что он делает теперь!.. Да в гробу он видел Ляльку с ее отмороженным папашей. Тоже мне, понимаешь, Семен Васильевич Буденный!

Борис лениво положил ноги на стол.

Пыльноваты ботиночки, подумал он, глядя на носы туфель. И фасон не тот. Не стильно. Надо будет прокатиться по Европе на пароходике: отдохнуть от трудов праведных, а заодно приодеться, как должно состоятельному человеку.

Взгляд его упал на светящийся экран компьютера. Девушки в который раз радовали глаз своими прелестями.

Борис подмигнул одной из них, как раз той, что уступала свою очередь Лялькиной шпионской фотке. Весело подмигнул, с уверенностью в завтрашнем дне.

— Хрен вы меня теперь достанете! — гаркнул Борис так, что садануло в горле.

Москва, сентябрь 1998

— За что?! — Макс сплел пальцы и сжал их до боли в суставах. — Этого еще не хватало... Импотент в тридцать лет! И медицина, как обычно, бессильна.

Он качался на стуле взад-вперед и резко встал, услышав шаги возвращающегося врача.

— Вот направления. — Маленький человечек в белом халате протянул несколько бумажек с уродливыми синими штампами во главе. — Это все, конечно, больше для очистки совести, но таков порядок. Сдадите и приходите снова, продолжим разговор...

Макс принял листки и сунул в карман, кивнув в знак благодарности за внимание.

— И когда? — спросил он глухо.

— Что — когда? — У врача была манера все время заглядывать снизу вверх в глаза собеседнику. Макс показалось, что для врача такого профиля это не лучшая привычка: как-никак, проблема деликатная и большинство посетителей, напротив, должны стараться отвести глаза.

— Когда прийти? — Максу надоело играть в эти гляделки наоборот, и он поднял голову, встретившись с доктором взглядом.

— Как только сдадите. Милости прошу, хотя...—
Врач лукаво улыбнулся.

— Что — хотя? — Макса насторожила эта улыбочка.

— Я думаю, вы уже не придете.

— Почему?

— Просто потому, что отпадет необходимость. Поверьте мне, молодой человек.— Врач взял пациента за локоть и стал медленно разворачивать к выходу, то ли выказывая желание проводить до дверей, то ли намекая, что прием затянулся.— Поверьте мне. Сто к одному, что стоит вам забыть о своей так называемой проблеме, и все само собой наладится. Вы молодой здоровый мужчина. Если все работало до недавнего времени, то будет работать и дальше.— Врач распахнул дверь кабинета.— Прощайте. Говорю так потому, что уверен в своей правоте.

— До свидания,— буркнул Макс.

— Прощайте, прощайте! Но анализы все-таки сдайте!

ГЛАВА 9

Москва, сентябрь 1998

— Вот и вся молитва.— Вадим скрестил руки на груди.— Теперь, если компьютер у него включен, он прочтет сообщение прямо сейчас и может тут же ответить. Если выключен, то прочтет, как только включит. Вот такая система.

— И можно кому угодно написать? — Ольга с интересом рассматривала многочисленные значки на панели компьютера.

— Разумеется. Но только тому, кто подключен к сети,— объяснил Вадим.

— И Харону тоже?

Валя бросила на подругу уничтожающий взгляд: как можно так переть напролом?!

— Ах вот оно что...— усмехнулся Вадим.

— Именно,— кивнула Ольга, не обращая внимания на Валины взгляды.

— Можно и Харону. Только он не ответит. Он молчит уже шесть лет... Ну да вы и сами это уже знаете, потому и сидите здесь.— Вадим посмотрел через плечо на Валью.

— А давайте попробуем.

Вадим пожал плечами. Пальцы его пробежались по клавишам.

— Что будем посылать? Привет с родины?

— А можно я? — Ольга подалась вперед.

— Пожалуйста.— Вадим с готовностью посторонился.— Просто набирай текст, как на машинке. Только без глупостей, а то я прекращу эти курсы.

— Каких глупостей?

Вадим пожал плечами, и Ольга стала медленно набирать сообщение. По мере того как она набивала букву за буквой, лицо у инструктора все больше вытягивалось от удивления.

— Ну и штуки! — выдохнул он, когда Ольга закончила.— Чем же они тебе не угодили?

— Не годится?

— Чтоб отослать? Да ради бога! Только своего адреса у вас нет, так что если он сейчас не ответит, то, извините, караулить я его не буду.

И Вадим отправил сообщение:

«Харон, мне нужна жизнь четырех человек. Андросов, Кирьянов, Беленков, Зыков. Я готова отдать все, что у меня есть, если ты мне поможешь. Заранее благодарна. Ольга».

— Вообще, ты не обижайся,— Вадим потербил мочку уха,— но такой заказ выглядит несколько... по-детски. Кстати, а много ли у тебя есть? — Вадим повернулся вполоборота и оценивающе посмотрел на Ольгу.

— Валя ведь получит деньги.— Она сделала вид, что не замечает этого взгляда.

— А! — Вадим еще больше развеселился.— Деньги!.. Этих денег хватит, чтобы прожить, но вот на четверых по ценам господина Харона...

— Какие же у него цены?

— Забубенные,— лаконично ответил инструктор.— Впрочем, мне все равно. Кстати, этот Кирьянов не имеет отношения к тому Кирьянову?

— А что такого детского в моем письме? — Ольга проигнорировала вопрос.

— Во-первых, зачем ты лепишь сразу фамилии? На фиг они ему? Что он, ведет учет всех...

— Ой! Что-то выскочило! — Валя ткнула пальцем в угол экрана.

— Это пришло сообщение,— менторским тоном произнес Вадим.— Поглядим, от кого...— Несколько секунд он смотрел в экран, и этого времени хватило, чтобы на высоком лбу инструктора выступили крохотные бисеринки пота.— Черт! — выдохнул он.

Сообщение было от Харона.

«Интересный квартет. А имена?»

Ольга потянулась к клавиатуре, но Вадим отвел ее руку:

— Диктуй! Ты будешь до утра набирать.

— Максим Андросов, Борис Беленков, Алексей Кирьянов, Евгений Зыков.

Вадим отправил сообщение и вытащил трубку мобильного:

— Алло. Я. Слушай, мистер Х ответил. Ну, какой-какой! Подумай немного. Да, именно. Постараюсь. Давай.— Он бросил трубку на стол.

— Что случилось? — Валя подозрительно взглянула на Вадима.

— Что случилось?! А ты сама не видишь? Харон ответил! Сейчас подъедет человек, мы попробуем с ним пообщаться.

— Но ведь он ответил Ольге.

— Что? Да вы обалдели слегка! Без меня...

— Есть! — Ольга так ткнула пальцем в экран, что портативный компьютер едва не полетел на пол.

— Экран руками не трогают,— буркнул Вадим, но ему было не до нотаций: переписка с Хароном занимала его куда больше.

«А ты что за Ольга?»

Оля решила, что для начала хватит фамилии. Неожиданно для всех этого действительно хватило, а вот следующий вопрос поверг всех троих в шоковое состояние:

«Давно откинулась?»

Ольга испуганно посмотрела на Валю, та — вопросительно — на Вадима.

— Так вы заочно знакомы,— хмыкнул инструктор.

— Я...— Ольга хлопала глазами, словно ей предъявили какое-то обвинение.

— Когда вышла? — Вадим поднял руку над клавишами.

— Осенью.

«В следующий раз, если будешь работать одна, то напишешь размер своей шапки в лагере. Конеч».

— Какой у тебя размер шапки? — обернулся к девушке Вадим.

— Пятьдесят шестой,— ответила Ольга, не моргнув глазом. В принципе она и не солгала. Если говорить о шапке. Но она прекрасно поняла хитрость этого неведомого Харона, бог знает почему пожелавшего говорить именно с ней и только с ней. Там она ходила в платке.

Вопросов набегало сразу если не море, то ведро. Оставшись вдвоем, подружки рухнули на кровать, и Валя, обхватив Ольгину голову своими ручищами, зашептала

в самое ухо. Сначала она не преминула попенять на то, что подруга пошла напролом и открыла все карты. Но не признать, что результат этого прорыва превзошел все ожидания, она не могла. Да, они планировали вывести окольными путями, как можно послать восточку Харону или найти выходы на других киллеров-профессионалов, но чтобы вот так, с бухты-барахты, ляпнуть и попасть в точку!...

— Ольга, а ведь этот Харон тебя знает!

Та лишь кивнула в ответ.

— Кто бы это мог быть?

Ольга лежала неподвижно.

— Правда не знаешь или не хочешь говорить?

— Честно.

— Да... Но все равно нам нужно с ним связаться. Если он знает, о ком идет речь, то это облегчает дело. А уж если у него и у самого зуб на них...

— Или наоборот.

— Что — наоборот?

— Может, этот Харон в курсе, но за них?

— Да ты что!

— А почему нет?

Судя по выражению Валиного лица, следующие полминуты ушли у нее на безуспешные поиски ответа.

— Потому что тогда, я думаю, мы пропали,— произнесла она наконец.

— Значит, будем считать, что у него на них зуб?

— Не против. Теперь основная задача — разобраться, как самим связаться с этим...

Ольга молча оттянула рукав блузки, продемонстрировав строку из букв, цифр и каких-то значков.

— Все здесь,— с гордостью прокомментировала она.— Теперь главное — найти компьютер.

Пока Валя и Ольга гадали, отчего легендарный Харон предпочел их всем остальным, этажом выше тоже происходил интересный разговор. Инструктор Вадим делился впечатлениями об общении со знатным киллером с мнимым Александром Сергеевичем и еще одним заинтересованным человеком, которые примчались по его звонку. Сперва для наглядности он просто продемонстрировал гостям всю переписку. Те внимательно прочли.

— Ну вот. Теперь мы, по крайней мере, знаем, что он еще в строю,— удовлетворенно кивнул Александр Сергеевич.

— А если это не он? — Приехавший с ним парень был настроен более скептически.

— Это легко выяснить. Но я думаю, что он.

— И что будем делать?

— Нужно подумать, навести справочки, какая связь между нашей Оленькой и этой четверкой. Может быть, она даже сама нам расскажет. Например, в обмен на помощь с двумя из списка.

— Почему с двумя?

— Потому что если мы пообещаем всех, то это будет и много, и слишком явное вранье. Кроме того, у меня уже есть на прицеле один Женька Зыков. Бригадир, прикрывающий бобровскую семейку. А еще есть Максим Андросов, его приятель, сдавший его на днях со всеми потрохами. Думаю, что долго он теперь все равно не проживет.

— Да, Насоныч, ловко! Так, может, тогда завязывать с этой девкой?

— Не кипятись, Котя. Пусть Вадим ее готовит.— Насоныч посмотрел на инструктора.— Лучшего варианта и сам Харон не придумает, а если бы мы ей и заплатили, то все равно меньше, чем содрал бы этот козел. Да и вре-

мени уже не осталось. После «Пелло» дадут нам ребята прикурить.

— Так на фига он нам нужен?

— Он нам нужен затем, Котя, что, как только завалится Бобр, сразу всплывет тот, кто за ним стоит. А стоит за ним или какой-нибудь вор, или какой-нибудь силовик в вышитых погонах. Вот тут нам уже девочкой-психопаткой не обойтись. Так что нужно подумать, как же через нашу Оленьку разговорить Харона.— Насоныч расплылся в улыбке.— Девочки-то у нас какие замечательные! Одна просто родилась, чтобы хлопнуть Бобра, другая — медиум, с богами общается. Прелесть!

— Так, может,— Вадим кивнул на компьютер,— самим выйти на Харона? Подпишемся этим размером и...

— Вадим,— покачал головой Насоныч,— ты меня порой просто поражаешь. Ты, конечно, большой специалист в своей области, но, бывает, садишься на такой лаже, что просто больно смотреть.

— То есть? — Инструктор нахмурился.

— То есть нет шапок у зечек. Платки им выдают. Полушерстяные. На три года. Я узнаю, вдруг размер платка — это новый приколы, но, скорее всего, Харон будет проверять, кто с ним болтает покруче. Кстати, как ты себе представляешь разговор? Это опять я, ваша Оля, только теперь мне нужны совсем другие люди? Не звучит. Тем более что сама девка ему не нужна. Его заинтересовали те четверо. И вполне вероятно, что, потянув за эту ниточку, мы узнаем, кто же такой наш греческий бог-перевозчик.

— Значит, сейчас ничего не будем делать? — Котя поднялся со стула.

— Будем готовить свой «вариант Омега». Смотрел? — спросил Насоныч Вадима.— Хороший фильм, хоть и про войну. Ладно, еще вопросы есть?

— Я хотел спросить. У вас промелькнуло: «Если бы мы заплатили...»

— Вывод правильный,— кивнул Котя.— Ее «случайно» примочат на месте.

— А...? — Вадим посмотрел на дверь.

— А Олю мы пока бережем и сдуваем пылинки. Она теперь наша радистка. Без нее нам никак.— Насоныч погрозил инструктору пальцем.— Бди!

— Понял.

— А что касается бабок, то тут несколько проще. Бабки мы платим вперед. Она ведь, по нашему договору, сразу рвет когти. Так что денежки будут лежать здесь, у нашей радистки. А потом мы их заберем обратно. Это ведь неплохо?

— Да уж,— согласился Вадим.

Лиепая, Латвия — Москва

Никто не удивился, когда Хильда решила ехать в Москву и поступать на факультет психологии. Никто не удивился, но никто не одобрил. Ни родители, ни друзья. Дело даже не в том, что конкурс был немислимым. Что ж вы хотите — Москва! В армию Хильде не идти — можно съездить, попытать счастья, а на следующий год поступить в Риге. А чего бы и не попытать счастья с двумя-то четверками? Шансы неплохие.

Нет, никто не удивился. Но никто не пришел в восторг. Во-первых, было вполне естественное нежелание расставаться с дочерью, внучкой, подругой. Уедет черт-те куда и будет залетать в родные края только на летние каникулы в перерывах между трудовыми отрядами и картошкой. Во-вторых, Хильда собиралась ехать не куда-нибудь, но в Москву, к русским. Она будет жить среди них, говорить на их языке, делить с ними их пустой,

пористый хлеб и магазинную колбасу, сваренную из неведомых зверей и подсобных материалов.

Но вслух никто ничего такого особенного не говорил, тем более что и так всем было все ясно. Но даже если бы на дверь им прибили какую-нибудь красную бляку с красноречивой подписью, то Хильду это не остановило бы.

Она не хуже других знала, где и как живет и что ее ждет здесь лет через десять — двадцать. Она не собиралась проверять точность своего прогноза. Хороший немецкий, неплохой английский и диплом психиатра — вот три кита, на которых она уплывет туда, где улицы моют с мылом, а за майку с портретом Сталлоне не исключают из комсомола. Которого там нет. Хочешь — слушаешь Кобзона, хочешь — Озборна, и никто не строчит на тебя по этому поводу доносов.

Так что в смысле планов на жизнь Хильда не сильно отличалась от своих сверстников-соотечественников, мечтавших о некоей свободе, расписанной по Би-би-си Новгородцевым со товарищи, но никем не виденной, не шупанной. В общем, нормальные, заурядные даже планы.

Хильда поехала в столицу и поступила в университет.

Годы учебы промчались в угаре постижения накопленной человечеством мудрости, густо сдобренном вольницей студенческой жизни. Потом экзамены, госэкзамены, мандраж перед распределением и — хлоп! — распределение в Москву! И не куда-нибудь, а в Институт имени Сербского!

Справедливости ради нужно отметить, что Хильда была, как говорят, на корпус впереди всех на потоке, и то, что компетентные органы положили на молодого специалиста свой недремлющий глаз, казалось вполне закономерным.

Хильда была рада. Что ж, отработав лишних три года в Союзе, она получила бы в руки такой козырь, на который не закроет глаза ни один западный работодатель: богатейший материал и самая настоящая практика.

Как-то на исходе второго года работы Хильда участвовала в проведении одной экспертизы: подследственный обвинялся в убийстве милиционера. Редкий случай, когда человек под такой статьей не пытается закосить под душевнобольного. Однако человек этот без конца всем доказывал, что невиновен, что стал жертвой стечения обстоятельств. Хильда сочла его доводы вполне логичными и предложила дописать к заключению о состоянии здоровья мнение о том, что человек невиновен. Понимания она не встретила.

— Наша задача какая? — отчитывала ее за излишнее рвение пожилая психиатрша. — Наша задача — ответить на вопрос о дееспособности. Виновен, невиновен — будет решать суд.

— Но ведь смотрите, что получается... Это же очевидно! — защищалась Хильда.

— И замечательно, что очевидно. Значит, суд решит правильно. Там ведь люди не глупее нас, верно? Знаешь, какой у нас суд? — Последний вопрос прозвучал достаточно строго.

— Самый гуманный в мире.

Психиатрша испытующе посмотрела в глаза девушке и больше ничего не сказала. Уже спустя несколько лет Хильда случайно узнала, что закаленная в классовой борьбе врачаха отметила этот сомнительный разговор должным образом. Того, что пожилая женщина сама приняла Хильду за сексота, провокатора, она не узнает уже никогда.

Еще не раз Хильда пыталась применить свои знания, чтобы восполнить пробелы в системе доказательств, со-

зданной следователями, а несколько раз даже дерзнула опровергнуть обвинительное заключение, указав на нестыковки тех или иных фактов. Ее всякий раз тактично ставили на место, но Хильда не унималась. Десять лет она постигала науку, впитывая, капля за каплей, все доступные ей знания. Десять лет она училась, мечтая в один прекрасный день сделать самостоятельный шаг, сказать свое слово, которое прозвучит и будет принято как мнение специалиста. Каждая новая страница учебника, каждая прослушанная лекция, каждый миг, проведенный в клинике, становились новыми витками тугой пружины, сжатой в молодой и не лишенной честолюбия девушке. Пружины, готовой распрямиться, чтобы разорвать десятки, сотни гордиевых узлов, сплетенных из человеческих недугов, страстей и вопросов. Молодую латышку продолжали тактично ставить на место, но каждый раз набиравшая все новые витки пружина выталкивала язык Хильды из-за благоразумно стиснутых зубов и заставляла оспаривать мнение мэтров.

Мэтры в те годы предпочитали, за редким исключением, давать отпор подобным оппонентам либо по едва различимой для взгляда непосвященного партийной линии, либо по совершенно скрытой от стороннего наблюдателя линии, проступавшей лишь в последний миг на погонах штатного особиста или, того хуже, дознавателя. О перспективах, связанных с критикой профессоров в погонах, ей пару раз напоминали и некоторые сослуживцы, по тем или иным причинам симпатизировавшие талантливой девушке. Впрочем, им было не дано понять причины, по которым Хильда лезла на рожон. Если кто из них и думал о пружине, заключенной в молодом психиатре, то полагал ее расположение совсем в другой части Хильдиного тела, несколько ниже, чем это было на самом деле. Большинство же коллег Хильды ис-

пользовали аналогии с гвоздем, шилом, канцелярской кнопкой и прочими мелочами, мешавшими девушке быть как все.

Хильда много раз давала себе зарок сидеть тише воды, ниже травы, но справиться со своей пружиной уже не могла.

И однажды за ней пришли. Двое в штатском. Они не стали козырять удостоверениями, — вполне достаточно было и того, что для встречи с ними Хильду вызвали в кабинет главврача.

Двое в штатском недоверчиво взглянули на бледную от ужаса девушку и, не снизойдя до того, чтобы представиться, предложили ей выйти во двор прогуляться.

К удивлению Хильды, у подъезда их не ждал ни пресловутый «черный ворон», ни какой-либо другой транспорт. Они в самом деле отправились прогуляться по внутреннему дворику. Услышав то, что ей сказали, она подумала, что спит. Люди в штатском предложили ей в порядке эксперимента поиграть в частного сыщика. Дескать, в недрах департамента госбезопасности зреет проект создания особой следственной группы. Особенность группы в том, что цель ее — вычисление злоумышленника, а не доказательство его вины с точки зрения суда. Хильде предлагалось попробовать себя в роли Шерлока Холмса. Это была даже не роль, не эксперимент, а именно работа.

Люди в штатском, один из которых представился Алексеем Владимировичем Кирьяновым, объяснили, что в некой закрытой организации случился инцидент, разрешение которого невозможно обычным, следственным порядком. Произошла кража. Круг подозреваемых известен и ограничен тремя лицами.

— Сейчас мы уже знаем, кто виновен, — предупредил ее Кирьянов, — но предоставим вам и еще нескольким

рекомендованным для проведения эксперимента аналитикам попытаться решить эту головоломку. Времени у вас почти нет, так как нам необходимо вернуть пропавшие документы, но, поскольку вор еще не знает, что раскрыт, мы сочли ситуацию идеальной для подобного эксперимента...

Хильде было абсолютно все равно, что ответ на загадку уже известен и что она становится подопытным кроликом. Ей представился шанс! Ей представился шанс заняться делом и, если повезет, заниматься им всю оставшуюся — в этой стране — жизнь. Возможно, ради такой работы она даже согласится здесь задержаться.

Хильду ввели в курс дела. В КБ одного стратегического завода пропали чертежи какого-то прибора. Доступ к сейфу имели три человека, среди которых ей и предстояло вычислить вора. На это у Хильды ушло чуть более суток.

Она отрапортовала Кирьянову о результатах своей работы. Тот выслушал ее аргументы и записал. Он не сказал Хильде, верно ли ее заключение, не сообщил о результатах эксперимента. Он даже не пообещал связаться с ней. Просто поблагодарил за усердие, добавил, что руководство института информировано о причинах ее отсутствия на работе, и сухо попрощался.

Но подобный исход дела разочаровал Хильду куда меньше, чем можно было бы предположить, поскольку она сделала в ходе своего расследования еще два вывода, которые приберегла для себя.

Во-первых, никакие аналитики, кроме нее самой, в КБ не работали. Факт исчезновения папки был известен всем. Служебное расследование провели, и сейчас проводилось еще одно. Никакими подопытными пинкертонами там и не пахло.

А во-вторых, что было для Хильды важнее всего, результата эти расследования не дали и Кирьянов не знал и не мог знать, кто из троих похитил документы.

Теперь пружина уже не так беспокоила Хильду, которая верила, что придет день, когда ей дадут развернуться в полную силу, придет такой вот Кирьянов и попросит о помощи. Хильда точно знала, что это произойдет. Она была в этом уверена так же, как и в том, что не ошиблась, назвав виновным в похищении чертежей особиста, проводившего служебное расследование.

ГЛАВА 10

Москва, сентябрь 1998

Жуку стоило взглянуть Кудрявому в лицо, чтобы понять: все прежние неприятности, преследовавшие его с той минуты, когда его посетила мысль отправить в Солнечногорск Дятла, были цветочками. Серое лицо Кудрявого красноречиво говорило о том, что бандит привез бригадиру ягодку.

— Бобра замочили, — сказал Кудрявый и тяжело опустился на стул рядом с Жуком.

Бобра замочили... Это была та еще ягодка. Жук ощутил легкую дурноту, словно на миг оказался в самолете, резко идущем на снижение.

— Известно кто?

— Да дура какая-то. — Кудрявый пожал плечами. — Прострелила башку — и тикать. Прикинь, протиснулась между охраной, выхватила ржавый автомат, бабах одиночным — и наутек!

— Ушла?

— Да какое! Замочили тут же, на месте! Сквозь нее теперь читать можно.

Жук глубоко вдохнул и задержал дыхание. Это было что-то вроде упражнения по сбору мыслей. Бобра замо-

чили. Прокол, которого ему уже не спустят. Хотя формально он не занимался охраной этого делового — у того была своя охрана,— но поскольку непосредственное руководство боевыми действиями осуществляет именно он, Жук, то и спрос за военные операции противника — с него. И уж если спросят, то спросят за все сразу. А это — конец.

Правда, была в этом деле одна странность, одна зацепка, которая давала — еще раз — шанс выпутаться. В Бобра стреляла какая-то девица, судя по всему, не профессионал. Если это не связано с войной за рекламные агентства, то Жук ни при чем. Мало ли что! Может, обманутая гимназистка решила рассчитаться за свой позор и его, Бобра, вероломство. Шанс небольшой, но вдруг?

— А неизвестно, что за девица? — спросил Жук, хотя откуда Кудрявый мог знать такие подробности?

— Пока неизвестно. Баба лет тридцати, здоровая такая. Спортсменка. Чесанула, что ракета с Гагариным, чуть не ушла...

— Когда это было-то? — Жук взглянул на часы.

— Да вот... — Кудрявый указал на дверь. — Я ж прямо оттуда. Ну, может, час назад. Может, полтора.

— А что ты там делал?

Вопрос этот неожиданно привел Кудрявого в замешательство.

— Да я... случайно там оказался...

Жук не стал выяснять подробности. Он многое схватывал на лету и не стеснялся учиться у тех, у кого было чему учиться. Бригадир прекрасно запомнил, как Шала сделал крайним водилу, ездившего в «Пелло». Теперь, если подтвердится, что Бобра заказали рекламщики, встанет вопрос о наводчике, который получит главную порцию тумачков и шишек. У Жука на такой случай теперь есть хорошая версия.

Но это сейчас дело десятое. Сначала нужно связаться с Шалой и определиться, как быть дальше. Продолжать ли трясти агентства, переключиться ли на поиск заказчиков убийства, замереть ли на время до особых распоряжений? Показываться на глаза Шале после очередного прокола было все равно что класть голову в пасть крокодилу, но таковы правила игры: чем раньше голову туда сунешь, тем больше вероятность, что ее не откусят.

Жук отправился на Новослободскую.

Как он и предполагал, к его приезду вор был уже в курсе дела.

— Заходи,— мрачно произнес Шала, глянув на своего протеже исподлобья.

Рядом с вором стояли два кавказца. Когда Жук вошел, они что-то возбужденно говорили на своем языке, а Шала слушал. Увидев вошедшего боевика, кавказцы замолчали.

Жук остановился, как и в прошлый раз, в середине комнаты. Но теперь повисшая пауза не вселяла оптимизма.

— Что случилось? — спросил наконец Шала, как показалось Жуку, скорее с досадой.

— Бобра...— начал было Жук, но умолк, покосившись на кавказцев, этим взглядом как бы спрашивая вора, все ли можно говорить при его гостях.

— Бобра замочили? Э, знаю.— Шала махнул рукой.— Все?

— Замочила его девка одна...— Жук снова не закончил фразу, по глазам собеседника поняв, что все эти подробности уже известны.

— Еще есть чего?

— Больше ничего, но ведь...

— Что с «Гладриелью»?

Рекламное агентство «Гладриель» стояло следующим в списке тех, которые Жук должен был посетить со своими ребятами. Визит был назначен как раз на сегодня.

— Я думал, что, может, из-за того, что с Бобром... изменится что-то...

Шала укоризненно покачал головой и посмотрел на кавказцев, молча стоявших возле его стола, словно призывая их в свидетели: вот с кем приходится работать! Потом поднял руку и, ткнув в сторону Жука указательным и средним пальцами, заговорил:

— Э, кто такой Бобр? Бобр — мужик, да? Деловой, но не черной масти! Какое мне дело, что там за дела? Ну, завалил кто-то мужика. Беспредел, базара нет. Найдем и накажем. Но какого хрена я должен из-за этого что-то менять? Это мои дела, да? Я — вор! Ты что, не знаешь?

— Да нет же, Шала! — Жук засуетился, если это слово применимо к человеку, стоящему на месте. — Я просто думал, что, может, будут какие команды...

— Что? — Шала нахмурился.

— Ну там найти, кто замочил, кто заказал... или...

— Э, Жук, я думал, ты плохо соображаешь, а ты вообще не соображаешь! — Шала осклабился собственной шутке. Кавказцы у стола тоже оживились.

— Я... — Жук сделал шаг назад, к двери. — Я пойду?

— Далеко? — спросил Шала без всякой интонации, чуть слышно, но от этого вопроса потянуло сыростью, свежевыкопанной в лесополосе узкой ямой метр с небольшим в глубину.

Жук слышал о таких ямках в лесополосе. Слышал также и о том, что рыли их сами приговоренные, подгоняемые пинками и окриками своих палачей. Ни разу никто из его бригады не ездил с подобным заданием, но все знали по крайней мере четверых братков, уехавших

на разбор к Шале и исчезнувших без следа. Все знали, но предпочитали не обсуждать.

Жук облизал губы и так же чуть слышно ответил:

— Поеду с братвой в «Гладриель»...

То ли вор не расслышал, то ли расслышал, но пропустил мимо ушей.

— Что молчишь? — Шала вскинул брови. — Проходи уж, раз пришел. Сядь посиди немного.

Жук кивнул, боком подошел к одному из диванов и неуверенно сел.

Убедившись, что гость его занял указанное место, Шала повернулся к кавказцам и заговорил то ли по-грузински, то ли еще на каком-то из кавказских языков.

Дорого бы Жук дал сейчас, чтобы узнать, о чем они говорят. Возможно, они обсуждают, на каком километре какого шоссе заставить проштрафившегося бригадира рыть себе могилу, а он сидит в двух шагах и ни сном ни духом!

По счастью, в орнамент незнакомых слов то и дело вплетались слова русские, и по этим словам можно было легко понять если не содержание разговора, то, по крайней мере, предмет обсуждения. Жук с облегчением понял, что кавказцы уговаривают Шалу принять участие в торговле водкой на каком-то рынке. То ли они просили денег, то ли «крышу», но в любом случае им было наплевать на сидевшего в кабинете Женьку Зыкова.

Конечно, Жук понимал, что оставили его здесь не случайно, что вор еще займется его персоной, когда решит вопрос с земляками, но Жук считал, что если Шала оставил его для разговора, то не все потеряно. Иначе какой смысл разговаривать? Убить человека можно молча, без прощания и комментариев.

Наконец Шала поднялся и произнес что-то категоричным тоном. Очевидно, объявил просителям о своем решении, и те, похоже, остались недовольны.

Еще пару минут заняла сцена прощания, обильно одобренная рукопожатиями и похлопываниями по спине.

Несмотря на свое положение и настроение, Жук отметил с чувством, напоминающим патриотизм, что слово «братан» не переводится с русского и то и дело проскакивает у горцев.

Простившись со своими гостями, Шала вернулся к столу, сел в кресло и, прибавив звук, устался в экран телевизора, где Джеймс Бонд неся на танке по узким улочкам Питера. Вор словно забыл о присутствии в кабинете еще одного человека.

Жук несколько минут сидел тихо, ожидая, что на него обратят-таки внимание. Потом поерзал на диване в надежде, что скрипнет кожа, но мягкая обивка покорно сносила экзекуцию, не издавая ни звука.

Тогда Жук негромко кашлянул. Шала продолжал сидеть неподвижно, глядя, как летят в Фонтанку искореженные бронированным монстром милицейские «жигулята». Всмотревшись в неподвижный профиль с орлиным носом, Жук вспомнил почему-то про своего деда, расстрелянного в тридцать восьмом за шпионаж в пользу Японии. Что он чувствовал тогда, на допросе, глядя на портрет вождя, висящий над головой следователя?

Жук подивился собственной сентиментальности, просочившейся вдруг через какую-то неведомую прокладку, и кашлянул снова, чуть громче.

— А, ты простыл, что ли? — бросил Шала, не отрываясь от экрана.

— Нет, я...

— Тогда не кашляй.

Жуку не нужно было разжевывать смысл происходящего. Они не просто ждут новостей. Они ждут какого-то конкретного человека. Того, кто приедет специально, чтобы решить судьбу проколовшегося бригадира. Кто это? Палач?

Жук сплел пальцы рук и сжал их, чтобы унять дрожь, начавшую волнами расходиться по телу. Что же делать? Сидеть и ждать, пока ему принесут лопату? Не лучше ли дать этому толстому уроду за столом по башке и бежать отсюда куда глаза глядят, бежать из Москвы, может быть, из России, но не сдаваться просто так, жить! Жить, черт бы их всех побрал!

И только слабенький огонек надежды, что тот, кого они ждут, вовсе не палач, что Жук не приговорен, а ожидает лишь взбучки и нового задания, теплился в душе и мешал вскочить и схватиться за стул.

В ожидании и борьбе с соблазном раскроить хозяину кабинета череп прошел почти час.

Когда на пороге возник Кудрявый и вперил испуганно-удивленный взгляд в сидевшего на диване бригадира, Жук мгновенно понял, что заготовленный козырь с переводом стрелок на этого оборотистого паренька можно считать убитым.

Ну-ну, что же ты скажешь, дружок-стукачок? Злоба на вероломного соратника, мгновенно вскипевшая в Жуке, затмила даже страх.

Шала чуть наклонил голову, обратив свой взор на Кудрявого, и вопросительно приподнял бровь.

Косясь на бригадира, Кудрявый неуверенной походкой приблизился к столу и положил перед вором сложенный вдвое небольшой листок бумаги. Положил и отступил на шаг, не сводя настороженного взгляда с Жука и как бы оправдываясь перед ним: мое дело маленькое.

Шала развернул листок и начал читать. Судя по всему, он прочел маляву несколько раз, ибо читал довольно долго, а на таком клочке не уместилось бы больше пяти-шести строчек. Закончив, посмотрел на Жука. Тот замер, ожидая приговора. Но Шала не спешил прояснить для бригадира его дальнейшую судьбу. Словно бы раздумывая на ходу, он медленно произнес:

— Некоторые дела тут прояснились.— Шала как-то странно улыбнулся: насмешливо, но беззлобно.— Так что сегодня у нас будет небольшой выходной. Поезжайте по домам, да? Я позвоню.

Последнюю фразу он произнес, глядя на Жука, и тот понял, что относится она скорее к нему.

На улице Жук с трудом сдержался, чтобы не вцепиться Кудрявому в горло и не встряхнуть все, в том числе и то, что этот подлец делал возле офиса Бобра. Но сознание шаткости собственного положения удержало бригадира от резких движений.

Соратники просто молча направились в разные стороны: Жук к своей машине, Кудрявый — к метро.

Шала тем временем в очередной раз перечитывал записку.

Она была на грузинском, так что Кудрявый ничего там вычитать не мог, тем более что это был не просто иностранный язык, а определенный код — грузинская феня, так сказать.

В этот день Шала, узнав об убийстве Бобра, решил для себя, что если в происшедшем есть доля вины Жука, то с парнем придется кончать. Слишком много он напортачил за последнее время. Так много, что, по понятиям, давно уже должен был держать ответ. Груз грехов и промахов бригадира перевесил личные симпатии пожилого вора. Последний раз Шала не покарал его только потому, что слишком удачно подвернулся стрелоч-

ник, на которого можно было списать провал операции. Сегодня же Шала понял, что пришла пора молодому бригадиру ответить сполна.

Чтобы принять окончательное решение, вор ждал весточки от своего доверенного лица. Он хотел знать, кто та женщина, которая столь бесхитростно и безрассудно, на глазах у вооруженной охраны разнесла голову крупному бизнесмену, причем из такого ржавого барахла, которое по ветхости своей могло вообще ни разу не выстрелить.

Это слишком не походило на спланированное убийство. Ни нормального оружия, ни путей отхода, ни изучения маршрута движения жертвы. Скорее последнее выступление камикадзе. Любой киллер, нанятый рекламщиками, был бы не прочь получить свои деньги и воспользоваться ими. На что надеялась девица, палящая из одноразовой железки белым днем? Бред какой-то! Нет, это что угодно, только не заказное убийство, если, конечно, шальная телка не собиралась таким образом прекратить и свое брэнное существование. А почему? Наркотики? Неизлечимая болезнь? Не очень убедительно, но возможно.

Итак, окажись убитая наркоманкой, смертельно больной или начинающей террористкой, Жук отправился бы на Боровское шоссе копать ямку в лесополосе. Шала просто не представлял себе, кем должна была оказаться эта девка, чтобы волосок, на котором висела сейчас жизнь бригадира, не оборвался. Он решил даже, что просто придумает какую-нибудь версию с сумасшедшей или борцом за равенство, начитавшейся трудов наркома Луначарского, и пощадит бригадира, если версия подтвердится.

Но за те несколько часов, что прошли между убийством и появлением Кудрявого, в голову вору не пришло

ничего рационального. Он так и не придумал, что должно быть в записке, чтобы появилась возможность помиловать Жука. Только развернув листок, вор понял, что перед ним — версия не придуманная и снимающая вину с бригадира.

Он перебрал в уме массу вариантов, но чтобы такой... Подобный поворот событий требовал времени для раздумья и ответов на дополнительные вопросы.

Шала сидел за столом и невидящим взглядом смотрел на экран телевизора, где Брюс Уиллис сокрушался по поводу забытых отцовских часов. Мысли его крутились и вертелись, как продавщицы в дорогом магазине, время от времени подобострастно замирая возле какой-нибудь версии случившегося: это не желаете примерить? Ни одно объяснение не нравилось вору, мысли продолжали суетиться, поднося новые.

— Кто ж ты такая, красавица? Кто же тебя послал? На что ты надеялась? — промолвил вор по-грузински, поднося записку к пламени большой настольной зажигалки в виде темной виноградной грозди.

Москва, сентябрь 1998

Сквозь сон Валя услышала всхлипы.

В бараке по ночам часто кто-нибудь плакал, и Валя научилась не обращать на эти звуки внимания. Вот и сейчас она потянула на голову одеяло, чтобы оградить себя от чужой боли. Пальцы сжали мягкое одеяло, уложенное в накрахмаленный пододеяльник, и Валя, вспомнив, где она, резко села.

Плакала Ольга, калачиком свернувшись на своей кровати. Она всхлипывала и часто вздрагивала, как вздрагивают во сне температурающие дети, которым видятся огнедышащие драконы и пожары.

Валя знала, что сон подруги вовсе не наполнен сказочными чудищами. Она вскочила и затрясла Ольгу за плечо. Та всхлипнула громче, дернулась в последний раз и открыла глаза. Сначала она шарахнулась в сторону, но в следующее мгновение узнала Валю. Олино лицо исказилось, сморщилось складками отчаяния, и по щекам ее, перепрыгивая через эти складочки, покатились слезы.

Заплакав уже по-настоящему, Ольга протянула руки и обняла подругу за шею. Та обхватила ее и, чуть приподняв с подушки, положила ее голову себе на грудь. Она принялась гладить девушку по голове, что-то нашептывая, словно Оля и впрямь была больным ребенком, которого терзают жар и страшные сновидения.

— Опять... — пробормотала, всхлипнув, Ольга. Плечи ее ходили ходуном от сдерживаемых рыданий.

Ужасный сон неумолимо, безжалостно возвращался к ней снова и снова, унося ее назад, сквозь годы, бросая в омут кошмара, не желавшего остаться в прошлом.

С Максом Андросовым Ольга познакомилась на дискотеке. Вообще-то это сборище называлось «Вечером первокурсника», но в начале года еще мало кто из первокурсников успел сориентироваться в законах студенческой вольной жизни и многие даже не знали, где находится ДК института. Так что в зал набились по большей части люди бывалые и умудренные опытом. В том числе Ольга Климова с подругой и Максим Андросов с товарищами.

Познакомились, потанцевали, юноша проводил девушку домой. Все как у всех. Через пару месяцев молодой человек начал предпринимать первые попытки зайти чуть дальше поцелуев в подъездах. К его огорчению,

Ольга оказалась девушкой строгих, даже пуританских правил и отвечала решительным и безапелляционным отказом. Как ни странно, Макс не обижался и не особенно настаивал. Такие отношения вроде бы устраивали обоих.

Подруги завидовали Ольге — родители парня были какими-то партийными шишками, а сам он играючи продвигался по комсомольской линии, — но Ольга не обращала на эти вещи особого внимания. Ее интересовал исключительно внутренний мир красивого умного юноши.

Идиллия была разрушена одним махом. Однокурсница однажды произнесла какую-то непонятную фразу: Максим проиграл Ольгу в карты. Что за чушь? Какие карты? Как это проиграл? Кому? Ольга не дала себе труда задуматься над подобным вздором. Она даже не вспоминала об этом... до того момента, когда поняла значение фразы.

Максим пригласил Ольгу на день рождения к своему знакомому. Ничего необычного в этом не было: у Максима было множество друзей и просто знакомых. Ольге даже льстило, что дружбой с ее кавалером дорожили как их ровесники, так и люди взрослые, солидные.

В этот раз они пришли именно к одному из «солидных» людей. Ольга просто не поверила своим ушам, когда ей сказали, что хозяин дома — настоящий народный депутат. Правда, вел себя кормчий государства несколько... Словом, не так, как на заседании Верховного Совета, но девушка решила для себя, что будет считать это демократичностью, стремлением «быть проще».

В целом все выглядело мило и пристойно. Правда, Максим был больше занят решением каких-то вопросов с именинником, Алексеем Владимировичем, но Ольге не давали скучать друзья Максима, Женя и Борис, кото-

рые поочередно приглашали девушку танцевать, угощали сладостями и развлекали свежими анекдотами.

Было весело и хорошо, пока Женя не начал откровенно приставать к Ольге. Та возмутилась и хотела призвать на помощь Максима, но оказалось, что кавалер незаметно исчез. Другие гости тоже, как выяснилось, разошлись. Остались только Женя, Борис и хозяин квартиры, гремевший чем-то на кухне. Закрученные сладким шампанским в веселый хоровод мысли не вдруг собрались на Олин зов, а когда собрались вместе, то поначалу стали убеждать девушку, что происходящее с ней — кошмарный сон, не более.

— Можешь не дергаться.— Женя с кривой усмешкой расстегнул английскую рубашу.— Твой Максимка тебя проиграл, так что лучше не выживайся!

В этот момент Борис схватил девушку сзади...

В полуобморочном состоянии ее высадили недалеко от дома. Посидев немного на ступенях в подъезде, Ольга спокойно вошла в квартиру, ответила на какие-то вопросы родителей, незаметно взяла на кухне нож, выскользнула из квартиры и поехала к Максиму.

Тот, похоже, ждал ее. Отобрал нож, связал и вызвал милицию.

В ходе следствия «выяснилось», что Ольга уже год занимается проституцией, требовала от Максима, чтобы тот свел ее с солидными клиентами, угрожала, что натравит на него своего сутенера, и в итоге стала просто требовать деньги. В день задержания пыталась проникнуть в квартиру народного депутата Кириянова, но была выпровожена гостями Алексея Владимировича — Евгением Зыковым и Борисом Беленковым. Показания Жени, Бориса, самого Кириянова и Максима, который отказался рекомендовать ее своим знакомым, сходились и полностью изобличали юную аферистку.

В одночасье Ольга превратилась из пострадавшей в обвиняемую. Молоденький адвокат, для которого это дело было первым, предпринял отчаянную попытку оспорить вменяемость своей подзащитной. Экспертиза однозначно отмела этот довод. Ольга получила срок. Глава семьи проявил принципиальность и отрекся от дочери в зале суда. Под аккомпанемент собственных тяжелых шагов, гулко отдававшихся в выкрашенном грязно-зеленой краской коридоре, девушка пошла, заложив руки за спину, навстречу судьбе, оставляя позади и в прошлом всю свою короткую жизнь.

Москва, сентябрь 1998

Докторишка оказался прав. Все вернулось на круги своя, все заработало.

Макс глубоко затянулся, глядя в лицо какой-то рыжей дуры, лепетавшей всякий вздор, казавшийся ей самой минимум шедевром устного эротического творчества. Дура эта мнила о себе невесть что, и в прежние времена Макс выпихнул бы ее из постели и выставил бы за дверь. Они всегда начинали бесить его, эти случайные телки. Сначала все было нормально, а вот после его начинало трясти от их вида, от их голосов, от их запаха. Макс знал, что так будет, и злился еще сильнее, убеждаясь, что был-таки прав.

Для сегодняшней девицы он решил сделать исключение, ограничившись относительно вежливой просьбой «прикрыть душ». Как-никак, ей он обязан возвращением в строй ловеласов. Рыжая потаскушка замерла сначала, не сообразив, о каком таком «душе» идет речь, а сообразив, обиженно замолчала, уткнув нос в подушку. Она, наверное, ожидала какого-то развития ситуации.

Что Макс, например, извинится за резкость или, наоборот, скажет еще что-нибудь в том же духе.

Но Макс молчал. Он просто лежал и курил, рассматривая висевший на стене чукотский бубен с отчеканенным пейзажем, подаренный ему друзьями на... Он уже не помнил, по какому поводу. Глядя на садящееся в море чеканное солнце, Макс совершенно забыл о лежавшей рядом девушке и, когда та осторожно поднялась, чтобы пойти в ванную, вздрогнул от неожиданности.

— Черт!

— Что?! — Девушка тоже вздрогнула, не поняв реакции нового знакомого.

— Ничего. Подкралась, как...

— Чего я подкралась? Я в ванную пойду... — вытаращив глаза, забубнила девица.

Но Макс уже не слушал, провалившись в свои мысли. Сравнение, едва не слетевшее с его языка, напомнило ему о другой, возникшей в последние дни, проблеме, решить которую было отнюдь не так просто.

Он заложил Жука директору «Пелло». Идея эта, родившаяся от испуга и казавшаяся в тот момент озарением, теперь представлялась ему все большей глупостью. В тот момент, когда Макс предупредил коллегу о предстоящем визите бандитов, он полагал, что загребает жар чужими руками. Ведь засада будет не в его офисе, так что он и контору свою спасет, и останется вне подозрения. Однако позднее, когда изменить что-либо было уже нельзя, Макс начал находить в своем хитроумном плане бреши, и чем больше находил, тем паршивее становилось у него на душе. В самом деле, не могли же бандиты не провести расследование, не выяснить, кто подготовил им подобный сюрприз. А в то, что руоповцы оказались в «Пелло» в нужное время и в таком количестве случайно, поверить было невозможно. А что, если Жук

единственный из своей бригады знал расписание визитов в рекламные фирмы? Тогда он в два счета сообразит, что к чему.

Задумавшись, Макс забыл о сигарете, и комок пепла упал ему на грудь. Он чертыхнулся, бросил окурочек в пепельницу и, повернувшись на бок, стал стряхивать пепел на пол.

Рыжая девица продолжала плескаться в ванной. Что она сюда — мыться приехала?

Макс дотянулся до пульта и включил телевизор. Пробежавшись по всем каналам, остановился на каком-то фильме, судя по всему, сериале. Глядя на выясняющих отношения прилизанных американцев, он продолжал обдумывать создавшееся положение.

Что может предпринять Жук, если поймет, кто его подставил?

Вряд ли у него будут реальные доказательства, но этой публике они не очень-то и нужны. Итак, положим, Жук догадается. Делиться своими соображениями с братвой ему не с руки: получится, что он же и есть стукач, предупредивший рекламщиков. Нет, своим он ничего не скажет. Что же он сделает? Кровавая месть в порыве гнева исключается: за два дня он уже поостыл. Вообще какой смысл ему расправляться с другом? Скорее всего, речь пойдет о моральной и материальной компенсации...

— Телефон пищит.— Рыжая дура прервала его размышления, высунув голову из прихожей.

Действительно, трубка надрывалась мерзким фальцетом.

— Слушаю.

— Приветствую.— Голос Жука прозвучал естественно, вот только перлов вроде эпистолярного «приветст-

вую» за бригадиром раньше не водилось, и Макс насто-
рожился.

— Здорово.— Макс произнес это небрежно, как ни в
чем не бывало, а сам замер, ожидая продолжения.

— Чего молчишь-то?

— Как — чего молчишь? — Макс усмехнулся.— Ты
же мне звонишь, тебе и запевать.

— Да? Ну ладно, запою. Только не по телефону. Зна-
ешь что? Давай сейчас встретимся. Я к тебе подъеду...

— О! У меня не получится, гости у меня.— Макс на-
прягся, лихорадочно перекручивая извилины в надежде
выжать из них верные слова. Встречаться с Жуком он не
хотел и рассчитывал хотя бы оттянуть время.— И я вооб-
ще сегодня не могу. Я сейчас еду...

— Куда?

Куда он едет? На работу? Не годится, Макс никогда
не спешил в контору, если не было переговоров, а если и
были, то приезжал с запасом, загодя, так что времени
для попутной встречи оставалось всегда много. От на-
пряжения Макс поморщился.

— Тебе чего, плохо? — Завернутая в полотенце ры-
жая девица вошла в комнату и, взглянув в лицо знако-
мого, остановилась, неуверенно вытирая шею краем
полотенца.

Сама того не ведая, она подала Максу спасительную
мысль.

— Да, я к врачу иду! — ответил Макс, едва скрывая
радость, что экспромт получился удачным.

— К какому еще врачу? — Жук удивился довольно
искренне, хотя тоже актер дай бог...

— Не могу сказать по телефону.— Макс, найдя повод
отложить неприятную встречу, почувствовал несказан-
ное облегчение и блаженно откинулся на подушки.

— А в какую поликлинику?

— Да на Шаболовке.— Расслабившись, Макс допустил ошибку.

— Где зубы лечишь?

— Ну да, там.

— Тогда я подъеду. Подожду тебя у выхода.

— Я надолго! — спохватился Макс.

— Ничего, я подожду. Давай! — Жук бросил трубку.

Макс вдавил кнопку телефона и бросил трубку на диван.

— Случилось чего? — Изобразив на лице участие, девица присела на край кровати.

— Кой-чего случилось! — передразнил ее Макс и встал с кровати.— Собирайся!

Теперь нужно было тащиться в поликлинику. В противном случае можно запросто нарваться на вопрос, почему он, Макс Андросов, избегает встречи со своим закадычным другом Женькой Зыковым. А это усугубило бы положение.

Так что спустя сорок минут Макс уже стоял перед кабинетом докторишки. Не будь мысли его так заняты Жуком, он бы успел удивиться, что визит его не исчерпывается обычной выдачей стопки листочков. Плюгавый эскулап зачем-то пожелал видеть Макса лично, а поскольку в тот момент в кабинете уже находился другой пациент, Макса попросили чуть-чуть подождать. Он не возражал: отсрочка объяснения с преданным другом была кстати.

Когда врач пригласил Макса в кабинет, усадил на стул и начал пространно рассказывать, какими семимильными шагами идет современная медицина, Макс подумал лишь о том, что при всех этих достижениях вряд ли современные хирурги смогут спасти человека, которому прострелили башку и чей труп выловят из Москвы-реки спустя неделю после этого.

— Видите ли, — эскулап открыл лежавшую перед ним папочку и взял в руки какой-то квиток, — в нашей клинике установлено самое современное оборудование, практически не дающее сбоев, но, к счастью, никто не застрахован от ошибок, и мы, возможно, имеем дело как раз с такой ситуацией. Я бы рекомендовал вам сдать анализы повторно. Это можно сделать у нас, а для большей объективности — в другой лаборатории. Но должен сказать, что, даже если диагноз подтвердится, не стоит впадать в отчаяние. Во-первых, как я уже сказал...

Макс встрепенулся, когда до него вдруг дошло, что докторишка говорит что-то не совсем понятное.

— Вы о чем?

— Я имею в виду ваши анализы... — Врач вздохнул и пригладил ладонью несколько седых волосков, чудом уцелевших на его позолоченной загаром макушке.

— А что анализы? — Макс усмехнулся, вспомнив о страстном randevу с рыжей девицей.

— Видите ли, ваш анализ на ВИЧ... положительный. — Врач замер, настороженно глядя в лицо собеседнику и ожидая, пока до того дойдет смысл этих слов.

— Что? — Макс сдвинул брови.

— Но это, возможно, ошибка. Поэтому я и предлагаю вам сдать анализы повторно, — защебетал докторишка, поднимаясь.

— То есть у меня СПИД?

— Судя по предварительным результатам, да. Вы больны. Но, повторяю, существует возможность ошибки...

— Стоп-стоп! — Макс жестом остановил врача. — То есть я заразился СПИДом?

— Видимо, да.

Врач словно извинялся, и у Макса мелькнула одна мысль, которую он поспешил проверить.

— И как же я заразился? — спросил он, недобро прищурившись.

— Сложно сказать. Но это случилось до вашего обращения в клинику,— поспешил отвести возникшее подозрение докторишка.— Хотя, видимо, не так давно. У вас не было серьезных травм? Может, зубы лечили?

— Нет, не лечил...— Макс сжал пальцами виски.

Выходя минут через сорок из клиники, Макс даже не обратил особого внимания на то, что Жук его не встречает. Подобные мелочи интересовали его сейчас даже меньше, чем до визита к плюгавому эскулапу.

Выйдя на Шаболовку, Макс поднял руку, чтобы поймать такси. При удачном раскладе он мог получить результаты повторных анализов уже сегодня вечером. Так сказал ему докторишка, но Макс не сомневался, что, приплатив немного лаборанту, он будет знать результаты сегодня при любом раскладе.

ГЛАВА 11

Москва, октябрь 1998

Ничего особенного пока не случилось, но слишком высокие ставки в такой игре заставляли нервничать по любому поводу. И Борис Беленков, мягко говоря, заволновался.

Сначала все пошло как по писаному. Беленков без труда получил кредит. Итальянцы дали подтверждение и дополнительную скидку, сообщив, что начинают отгрузку немедленно. Ставропольцы перевели деньги и подписали все бумаги. Борис оплатил оборудование из кредитных денег. Потом пришел факс из Италии, что погрузка закончена и судно готово поднять якорь.

А вот первый день октября начался с неприятного сюрприза. Итальянцы прислали новый факс, из которого следовало, что, хотя товар отгружен и загружен на корабль, судно из порта выйти пока не может. Проблема в том, что местные активисты «Гринпис» вбили себе в голову, что на борту судна — радиоактивные материалы и что-то в этом духе. Так что пока вопрос с проверкой груза утрясается, судно стоит на приколе. Итальянцы заверяли Бориса, что задержка составит от силы пару дней и не повлияет на срок исполнения контракта.

Борис успокаивал сам себя, вспоминая кадры хроники, где полиция поганой метлой разгоняет любителей природы, и сам же себе верил. Но некоторое количество адреналина эта новость ему все же добавила. Все-таки речь шла о больших деньгах, причем о чужих деньгах, и неустойка по контракту с итальянцами не покрыла бы и десятой доли того, что может набежать в качестве процентов по взятому кредиту.

Что ж, в любом случае повлиять на ситуацию Борис не мог. Разве что слать гневные факсы, а толку-то? Итальянцы — он не сомневался — и так делают все от них зависящее.

Нужно было жить дальше. Продолжать руководить «Белтехом» в рабочем порядке, а вечерами изображать восплавленного страстью супруга. Осталось немного. Со всем немного...

Москва, сентябрь 1998

Ни Ольга, ни Валя не должны были покидать дачу. Во всяком случае, без сопровождающих или без особого разрешения. Никакие карательные меры за нарушение этого условия не предусматривались и не оговаривались, но девушки предпочитали не нарушать договоренности. Тем более что необходимости дразнить гусей пока не было. Клаустрофобией подружки не страдали, а сидеть в ограниченном пространстве они привыкли, к тому же дача была все-таки дачей со всеми удобствами, а не бараком.

С некоторых пор они увлеклись компьютерными играми, которые Вадим периодически разрешал им заводить на своем ноутбуке. Страсть к высадке компьютерных человечков на новые планеты объяснялась не только тем, что подружки, по понятным причинам, не имели

возможности переболеть этим в более юном возрасте. Дело в том, что сам Вадим периодически отлучался с дачи, и, как только он выходил за ворота, Валя занимала наблюдательный пост у окна, а Ольга начинала методом тыка экспериментировать с Интернетом. Она пыталась продолжить переговоры с Хароном. Пока попытки эти не принесли результатов.

Девушки не догадывались, что их наивные хитрости не могут обмануть даже Вадима. И Вадим, и Насоныч были в курсе их изысканий в глобальных сетях. Возвращаясь после своих отлучек, Вадим восстанавливал стертые сообщения, которые Ольга готовила для Харона, и пересылал их шефу. Пока что в них не было ничего интересного, ничего, что объясняло бы интерес суперкиллера к девушке. Похоже, Ольга не кривила душой, утверждая, что сама не понимает этого.

Сегодня Вадим снова отправился за продуктами. Ольга остановила процесс освоения нового острова, отказавшись от неравной битвы с туземцами, и занялась Интернетом. В соседней комнате Валя, усевшись возле окна, наблюдала за воротами и калиткой.

Прошло минут сорок. Ольга билась с компьютером, упорно игнорировавшим ее команды отправить сообщение.

— Привет.

Ольга вздрогнула так, что едва не опрокинула ноутбук. Над ней стоял Сергей. Отчаянным жестом она захлопнула крышку.

— Да ладно, не пугайся.— Сергей усмехнулся.— Осваиваешь технику?

Ольга не ответила, настороженно следя за частным детективом.

— Похвально,— продолжал тот.— Учиться всегда пригодится. Могу, кстати, помочь.

- А где Вадим? — заговорила наконец Ольга.
- Вадима, слава богу, нет.— Сергей улыбался так, словно пришел поздравить с днем рождения.
- Почему «слава богу»? — Девушка насторожилась.
- Потому что тогда нам не удалось бы побеседовать.
- О чем?
- О погоде, о жизни... О Хароне...
- Я уже все рассказала вашему Насонычу.
- Видишь ли,— Сергей небрежным жестом пригладил волосы,— Насоныч — не мой.
- В смысле?
- В смысле, что мы из разных колхозов.
- То есть как?
- Да так. Насоныч сам по себе, а я работаю в одиночку.
- А...— Ольга сделала рукой жест, словно поднимала кофейную чашку,— тогда, в кафе?..
- Тогда, в кафе, наши интересы пересеклись и мы играли вместе.
- А теперь?
- А теперь оказалось, что интересы наши снова пересеклись, и вот я здесь.
- То есть ты пробрался сюда тайком?
- Совершенно верно.
- И зачем же, позволь узнать?
- Мне нужен Харон.
- По-моему, он всем нужен.— Ольга усмехнулась.
- Да, он вроде Синей птицы. Все слышали, никто поймать не может.
- И зачем он тебе?
- Отвечу,— кивнул Сергей.— Его ищут мои клиенты. У них есть для него заказ.
- А при чем здесь я? — Ольга скрестила руки на груди и присела на край стола.

- Говорят, тебе удалось на него выйти.
- Кто говорит?
- Насоныч, например.
- Всем говорит?
- Не нужно ловить меня на слове. Он, разумеется, не звонит об этом на каждом углу, но существуют методы, позволяющие узнать, о чем говорят люди наедине.
- Какие методы?
- О! Я подозреваю, что ты даже не представляешь себе, как далеко шагнула шпионская техника за последние годы.
- А?..— Ольга широким жестом обвела комнату.
- А хозяева были столь уверены в вашей дремучести, что их «жучки» запитаны на сеть. Мне было достаточно выключить автомат внизу.— Сергей сделал движение, будто щелкнул выключателем.
- А как же тогда компьютер? — Ольга подняла крышку, демонстрируя светящийся экран.
- А вот он как раз на аккумуляторе. Кстати, предлагаю не терять времени. Давайте попробуем связаться с...— Сергей потянулся было к ноутбуку, но Ольга преградила ему путь.
- С какой стати я должна тебе помогать?
- А почему нет?
- А почему да?
- Ну, я в обмен научу тебя работать с ним.
- Я и сама научусь.
- Сергей задумался, глядя Ольге в глаза, потом кивнул и заговорил снова:
- Хорошо. А если я предложу тебе сделку?
- Какую?
- Выгодную.
- И что же я получу взамен?
- Какие сейчас ставки?

— Человеческая жизнь.
— Звучит несколько высокопарно.
— И тем не менее.
— Что ж, думаю, я перебью эту ставку.— Сергей перестал улыбаться.— Ставлю две человеческие жизни.
— Вот как? — Голос девушки едва заметно дрогнул.— Чьи же?

— Твою и той подруги, что торчит у окошка.
— О чем ты говоришь?
— Вас пустят в расход по окончании операции.
— Кто пустит? Какой операции? — Попятившись, Ольга наткнулась на стол.

— Ее ...— Сергей указал большим пальцем на дверь комнаты, где Валя наблюдала за подступами к даче,— пристрелят в момент покушения на Бобра. Тебе, наверное, объяснят, что это был несчастный случай, и...

— Врешь! — оборвала его Ольга.— Мы пойдем туда вместе.

— Дудки! Тебя не пустят. Под любым предлогом. Ты им нужна живой, и будешь нужна, пока они ищут Харона. Если они с ним договорятся, или поймут, что вас связывает, или найдут его, ты тотчас отправишься проведать подругу.

Ольга почувствовала, что во рту пересохло. Детектив говорил невероятные — в ее представлении — вещи, но говорил так уверенно, что сомнение не могло не закрасться в душу.

— А чем ты это докажешь?

— Чем докажу? — Сергей задумался.— Видишь ли, будь ты профессионалом, ты поняла бы все сама. А вот разложить пироги по полочкам для дилетанта...

— До чего ж ты умный!..— саркастически заметила Ольга.

— Какой есть,— пожал плечами Сергей.— Ты лично сможешь убедиться в этом, когда завалят твою подругу, но боюсь, что такой аргумент тебя не устроит. Правильно?

— Правильно.

— А раз так, то я, как Гидрометцентр, могу только рассказывать тебе об атмосферных фронтах, доказывая, что снег пойдет-таки в следующий вторник. Поэтому предлагаю не терять времени. Я сам знаю адрес Харона, так что тут от тебя ничего не потребуется.— Сергей подошел к Ольге вплотную и положил руку на крышку ноутбука.— Давай попробуем вместе. Пошлешь ему что хочешь, а заодно научишься пользоваться этим агрегатом.

Ольга колебалась.

— Решай быстрее, через десять минут мой след должен уже простыть, а мне еще питание включать.

Ольга отступила от стола.

Сергей откинул крышку. Пальцы его отбили трель на клавиатуре. Несколько мгновений ничего не происходило. Только мигала зеленая лампочка возле тумблера питания. Потом в середине экрана появилась табличка.

— Так...— Сергей нахмурился и снова отбарабанил пальцами трель.

На экране появилась другая табличка.

— Долго бы ты возилась в одиночку,— буркнул он и забарабанил по клавишам с невероятной скоростью. После двухминутного соло, сопровождавшегося мельканием на экране табличек и окошек, Сергей вбил адрес и повернулся к Ольге: — Что будешь посылать?

Ольга беззвучно шевельнула губами.

— Ну, решайся быстрее!

— Харон, это я, девушка в платке,— выдохнула Ольга.

Не моргнув глазом, Сергей вбил текст и отправил сообщение.

Еще пара минут прошла в ожидании. Затем пришел ответ:

«Кто шмонал в откидку?»

— Что за чушь? — спросил Сергей у Ольги.

— Шкварка,— глядя на экран, тихо ответила девушка.

«Шкварка»,— вбил Сергей. Отправил.

«Что хочешь?»

— Чтобы они умерли.— Ольга произнесла это еле слышно.

«А почему ко мне?»

— Почему к тебе? — Сергей посмотрел на нее через плечо.

Она медленно набрала в грудь воздуха, словно собиралась крикнуть что-то; но вместо этого сказала:

— Пиши: «Потому что ты — лучший. Потому что я хочу, чтобы они знали, за что умирают. Потому,— Ольга говорила все быстрее,— что я не хочу, чтобы их просто пырнули ножом в подворотне. Потому что...»

— Стоп! — Сергей поднял руку.— Давай попробуем сформулировать покороче.

Он набрал и отправил новое сообщение.

Ответа не было больше минуты.

— Добавь, что у нас есть тридцать тысяч.— Ольга тронула Сергея за плечо, и тот мгновенно выполнил ее просьбу.

Прошла еще минута в ожидании.

«Свяжись со мной через пару дней. Конец».

— Так...— Сергей посмотрел на часы.— Жаль, конечно, но очень кстати, ибо мне пора линять...

Он помигал окошками на экране компьютера и запустил неоконченную Ольгой игру.

— А ты знаешь, что свет...— В комнату, распахнув дверь, влетела Валя и застыла на пороге, глядя на Сергея.

— Здравствуйте, Валя.— Сергей поднялся и кивнул девушке, быстро протирая носовым платком поверхность стола и ноутбук.

— Кто это? — повернулась Валя к Ольге.

— Свои. Шнырь один.— Ольга не нашла других подходящих слов.— Потом объясню.

Сергей тем временем кивнул на прощание и ушел.

Вскоре Ольга смогла убедиться если не в том, что детектив сказал ей правду, то хотя бы в том, что он настоящий профессионал. Через минуту после того, как в комнате вспыхнул свет — Сергей оставил выключатель лампы включенным,— перед воротами дачи притормозила машина Насоныча, решившего проведать своих подшефных.

Москва, сентябрь 1998

Назначив Максу встречу, Жук уже не сомневался, что приятель сдал его. Пусть даже на фоне логических выкладок, приведших его к такому заключению, нервозность и странность в поведении Макса выглядели бледными штрихами, но именно эти субъективные наблюдения убеждали больше, чем любые вещественные доказательства.

Жук звонил из таксофона возле Курского вокзала. Оттуда до Шаболовки было менее получаса езды, но проблема заключалась в том, что его сопровождал Серп. Попрощаться с ним и уехать одному не было проблемой, но бригадир чувствовал, что боевик не зря мотается за ним хвостом. Спрашивать напрямую не имело смысла, а просто послать опасно: что, если Шала заинтересо-

вался распорядком дня проколовшегося бригадира и подключил к сбору данных некоторых ребят из бригады? Тогда скрытность Жука огорчит вора. Нужно отделаться от Серпа при помощи дипломатического финта. Как?

Сказать, что едет к подружке? Плохо. Если что, могут и поинтересоваться, какая подружка. Сказать напрямую, что едет к другу? Тоже могут захотеть проверить, что за друг. Врать опасно, а узнают, что встреча закончилась внезапной кончиной этого самого друга, — возникнет еще больше вопросов. Что ж придумать?

Идея снизошла на Жука столь же внезапно, как и на Макса. Он ведь едет к поликлинике! А зачем? Да просто лечить зубы! Кстати, если Макс действительно отправился к какому-нибудь врачу, то у самого Жука будет время заглянуть к стоматологу. Даст столярник за предварительную консультацию и отвалит.

Довольный своей сообразительностью, Жук вышел из таксофона.

Оказалось, что Серп не сидит в машине, а тоже звонит — из будки на противоположной стороне улицы. Заметив, что Жук отошел от автомата, он тоже быстро закончил разговор и подошел.

— Я звонил в бар, — сказал Серп небрежно. — Тебя, оказывается, Шала искал.

— Да? — Жук многозначительно посмотрел на свой пейджер. — Странно.

— Просил тебя сейчас подъехать к одному дому в районе Кузнецкого, посмотреть там что-то.

— Что посмотреть? — Жук насторожился.

— Не знаю. Халдей говорит, Шала велел тебе так и передать. Мол, ты приедешь — сам поймешь, на что смотреть.

Жук ответил не сразу. Тут был какой-то подвох. При чем шитый такими белыми нитками, что даже не претендовал на правдоподобность. Вор звонил в кабак и передавал что-то через халдея? Зачем? Что за бред?

Вряд ли что-то серьезное. Если бы Шала в самом деле решил затеять какую-нибудь игру, то играл бы сложнее и тоньше. А может быть... Да! Это уже похоже на правду. Все настолько явно, что Жук должен почуять подвох. Это провокация. Шала! Вор решил его проверить. Спровоцировать. Заставить сделать глупость, запаниковать. Ха-ха! Не так все просто! Жука на мякине не проведешь.

Он медленно поднял левую руку и взглянул на часы.

— Черт, мне тут надо бы с приятелем увидеться, но если Шала просил... — огорченным тоном произнес Жук и тут же добавил с ноткой оптимизма: — Но будем надеяться, что это ненадолго. Какой там адрес-то?

Серп назвал переулок и номер дома.

— А там? — Жук уже сажился за руль. — Подъезд, квартира?

Серп пожал плечами и уселся в машину.

— Тоже едешь? — мимоходом спросил Жук, заводя двигатель.

— А чего делать-то? Прокачусь с тобой.

— Ну поехали.

Они доехали до Кузнецкого, где Жук из-за толчеи и пробок предпочел оставить машину и идти пешком, тем более что было уже совсем недалеко. Серп, разумеется, поплелся следом.

Найдя указанный адрес, они поняли, почему назван был только номер дома. Здание находилось на реконструкции, от него остались, собственно, только стены — ни крыши, ни перекрытий. Старый четырехэтажный дом, наверное, начала века.

— Ну и что? — Жук повернулся к Серпу.

— А я-то что? — удивился тот. — За что купил, за то и продаю. Может, зайдём внутрь?

— Ну давай зайдём. — Жука начал разбирать смех. Было очевидно, что Серп хотел заманить его внутрь, но играл свою роль равнодушного наблюдателя так топорно, что поверить ему мог только глупый маленький ребенок.

Они зашли и увидели лишь горы строительного мусора, состоящего большей частью из балок и обломков камня.

— Любопытно, что же я должен был увидеть? — Жук окончательно успокоился, убедившись, что в здании никого больше нет. Усмехнувшись, он бросил взгляд через плечо на чуть отставшего братка и, для равновесия разведя руки в стороны, пошел по балке, дальний конец которой уходил под углом вверх, упираясь в противоположную стену.

Дойдя до середины балки, Жук развернулся.

— Так что же я должен здесь увидеть? — Он уже в открытую улыбался: провокация сорвалась.

— Ты все поймешь, когда увидишь то, что надо, — монотонно повторил Серп, стоявший у другого конца балки.

— Например?

Жук театрально осмотрелся, запрокинув голову, а когда снова взглянул на Серпа, тот держал в руке пистолет с прикрученным глушителем. Ствол был направлен Жуку в лицо, так что при желании Зыков мог попытаться увидеть кончик пули.

— Не понял. — Жук не потерял самообладания и, главное, надежды остаться в живых: Шала не доверил бы убийство бригадира такому тупице, как Серп.

— Я считаю, что Дятла ты подставил,— произнес Серп, глядя Жуку в лицо.— Поэтому я согласился.

— На что согласился? — Жук скосил глаза, прикидывая, куда можно было бы отскочить, чтобы затем дать деру.

— Завалить тебя. Тебя заказал один человек. Он просил напомнить тебе имя. Ольга Климова.

— Кто?! — Жук был настолько ошарашен, что даже забыл о побеге.

А в следующее мгновение пуля бесшумно и жадно врезалась в его переносицу.

Одного взгляда на распластавшееся по земле тело было достаточно, чтобы понять: Жук мертв. Но Серп решил строго соблюдать данные ему инструкции и, поставив пистолет к окровавленному виску мертвого бригадира, выстрелил еще раз.

ГЛАВА 12

Москва, 1991

Вторая встреча с Кирьяновым произошла при достаточно неожиданных обстоятельствах. Вернее, это даже нельзя назвать встречей.

Хильда должна была дать заключение о состоянии одной девушки, обвиняемой в покушении на убийство и еще по ряду статей. Если верить представленным материалам, то перед врачом должен был предстать эдакий монстр в юбке. Чего только за этой девицей не числилось! Интересный экземплярчик.

Увидев девушку, Хильда была разочарована. Эта замухрышка никак не тянула на ожидавшуюся злодейку. То, что с головой у нее все в порядке, Хильда определила тут же, без всяких осмотров и тестов, но поговорить с нормальным человеком, обвиняемым в стольких грехах, было и полезно, и любопытно.

Ольга, так звали девушку, не горела желанием общаться с психиатром. Кажется, она еще не решила, как себя вести на следствии и в суде. Вероятно, адвокат или еще какой умник посоветовал ей попробовать закосить, симулировать психическое заболевание, чтобы выйти сухой из воды под флагом невменяемости. В любом слу-

чае у нее ничего бы не вышло. Таких артистов Хильда раскалывала быстро: дилетантов — сразу, а тех, кто старательно готовился,— минут через несколько.

Ольга была дилетантом и не особенно старалась.

— Хочешь закосить? — спросила Хильда, заполняя документы.

— Нет.— Ольга опустила глаза.

— А что думаешь делать?

— Ничего.— Ответ прозвучал чуть слышно.

— Как ничего? — Хильда перевернула страницу и взглянула девушке в лицо.— Это правда?

— Что?

— То, в чем тебя обвиняют?

Молчание. Ольга смотрела в пол.

— А что тогда правда?

Молчание.

— Не хочешь отвечать?

— А зачем?

— Ну, ты ведь можешь сесть. И надолго.

— А вы здесь при чем?

— Я? Я должна дать заключение.

Ольга взглянула исподлобья и снова уставилась в пол.

— Так что? — Хильда снова принялась писать, демонстрируя этим, что не настаивает на разговоре.— По-молчим и разбежимся?

— А что мне ваше заключение? — огрызнулась Ольга.

— По большому счету ты права. Поскольку диагноз я тебе не поставлю — с головой у тебя полный порядок,— то большой роли это не сыграет.— Хильда кивнула, словно соглашаясь сама с собой.— Только суд всегда учитывает опасность подсудимого для общества, глубину его раскаяния в содеянном...

Ольга издала какой-то звук, похожий на всхлип. Хильда взглянула на нее, но девушка так низко опустила голову, что разглядеть ее лицо было решительно невозможно.

— Если преступник раскаивается, то это хорошо, — вернулась Хильда на прежние рельсы. Она прекрасно знала, что сейчас последует вспышка. Вспышка гнева или отчаяния — не столь важно, но это будет поток слов, фраз, мыслей. Раскрутить на разговор будет проще простого.

Она все рассчитала правильно. Едва начав фразу-катализатор, Хильда уже попала в точку.

Ольга вскинула голову — блеснула покотившаяся по щеке слеза.

— Да, я раскаиваюсь! — выкрикнула она. — Раскаиваюсь, что не убила эту сволочь!

И снова опустила лицо.

Ну вот. Все идет, как и задумала Хильда. Она почти достигла цели. Еще одно маленькое усилие, и девушка расскажет все сама. Не такой уж крепкий орешек, как могло показаться. Так, легкий этюд, чтобы поддержать форму. Еще чуть-чуть — и, что называется, ларчик просто открывался.

— Чем же тебе не угодил этот юноша? — Хильда спокойно и уверенно доламывала замок «ларчика». — Наверное, безответная любовь? Ты ему строишь глазки, а он гуляет с другой...

— Безответная любовь? — Ольга снова посмотрела на врача. На сей раз она не плакала, в глазах ее была ненависть. — Да, вы правы. Безответная. Только не просто безответная. Хотите знать, что он сделал? Хотите?!

Хильде не пришлось даже кивать, чтобы на нее низвергся водопад существительных, прилагательных, глаголов и междометий. Она молча слушала, выбирая из

этих наполовину бессвязных выкриков те фразы, которые, складываясь между собой, воссоздавали картину происшествия глазами этой девушки.

Картина нимало не походила на ту, что старательно рисовали следователи со слов потерпевшего и свидетелей. И, что самое интересное, в повествовании обвиняемой отсутствовали те логические прорехи и нестыковки, которыми изобиловали, на взгляд Хильды, материалы дела. А дело, похоже, было намного грязнее, чем представлялось поначалу. Когда Ольга выговорилась наконец и зарыдала, закрыв лицо руками, Хильда уже отделила для себя ложь от правды и приняла решение, как действовать дальше.

Она написала заключение. Нет, она не покривила душой ни на йоту, чтобы облегчить участь девушки. Ольга Климова была признана вменяемой и дееспособной. Но заключение не ограничилось только медицинским аспектом. Хильда изложила свои соображения по делу, рекомендуя суду более тщательно сопоставить факты. Это отнюдь не было жестом отчаяния борца за справедливость. Хильда действовала из других соображений: последовательно провоцировала конфликт, считая, что уже засиделась в стенах института и ее давно ждут европейские пациенты. Ее уже неоднократно предупреждали о неприятностях, на которые она нарывалась, грозили выговорами и переводами. Так что Хильда просто продолжала набирать штрафные очки. Увольнение по «несоответствию» открывало ей границу, так как трудно было сделать «невъездным» человека, не имевшего отношения к тайнам и не представлявшего ценности для отечественной науки. Да и времена менялись.

Амбулаторное обследование должна проводить комиссия, но так уж повелось в последний год, что два профессора, вместе с молодым психиатром входящие в

ее состав, вполне доверяли коллеге и предпочитали проводить время не в каменных мешках кабинетов, а на дачах. Хильда не сомневалась, что остальные «мертвые души» комиссии подпишут заключение даже не читая.

В общем, Хильда в очередной раз грубо «сфолила» и отпустила девушку. Вернее, сдала ее сопровождавшим сотрудникам милиции.

А через два дня появился Кирьянов.

Не интересовавшаяся политикой Хильда была удивлена тем, какую головокружительную карьеру успел сделать этот человек, превратившийся из серенького «секретчика» в народного депутата, председателя какого-то там комитета и владельца новенького «линкольна».

— Здравствуйте, Хильда Арвидасовна.— Он появился на пороге кабинетки, который Хильда делила еще с двумя врачами,— улыбающийся, словно бывший одноклассник, решивший сделать сюрприз.

— Здравствуйте, Алексей Владимирович,— в тон ему ответила Хильда, не ответив, однако, улыбкой.

— Здравствуйте,— переступая порог, обратился Кирьянов к остальным и тут же словно бы спохватился: — Хильда Арвидасовна, а вы уже чай пили?

Хильда поняла намек, но не могла отказать себе в удовольствии съязвить:

— А мы чай прямо здесь пьем.

На мгновение губы Кирьянова сжались и лицо приняло обычное — жесткое — выражение, но щеки тут же снова разъехались к ушам.

— Тогда позвольте предложить стаканчик компота с булочкой. Очень у вас в кафетерии замечательный компот и особенно булочка.

— Компот — это серьезно.— Хильда поднялась, мельком взглянув на часы.

Разговаривали они в машине. В новеньком «линкольне» Кирьянова. Алексей Владимирович не стал тратить время на общие фразы и вопросы о здоровье, а сразу перешел к делу:

— Я прочитал ваше, с позволения сказать, эссе по делу Климовой. Интересная работа, профессиональная и творческая.

— Что, произвела впечатление?

— Да, признаться, впечатляет. Меня.

— А судью?

— А до судьи эти вдохновенные строки не дошли. Я их изъял.

— Вот как?

— Да. Я, видите ли, давно уже собираю ваши опусы в большую папку. Довольно толстая уже получается папка...

— Собираетесь издать под своим именем?

— Упаси бог. Издавать что-либо под своим именем я не собираюсь. Мне, если честно, было бы даже спокойнее, если бы ваши творения остались неопубликованными, тем более что многие дела, к которым вы приложили руку, имеют отношение и ко мне.

— То есть?

— То есть: что есть — то есть. — Кирьянов вскинул руки. — Да нет, что вы! Я не трогал Климову. Эта женщина не в моем вкусе, тем паче я не люблю брать что-то силой. Просто случай произошел у меня в квартире. В мое, правда, отсутствие, но очень не хочется все это объяснять в ходе слушания.

— Ах вот оно что... Проще было найти стрелочницу?

— Ну, тоже мне, понимаешь, Анна Маслова!

— Анной была Каренина, а Маслова, к сожалению, Катя.

— Тем более. Тем более что Толстого я не люблю со школьной скамьи. Лев Николаевич, кажется?

— Лев Николаевич,— кивнула Хильда.— А я, судя по всему, попала в точку? Кем же, если не секрет, приходится вам бедные потерпевшие?

— Попали, Хильда Арвидасовна. В самую точку.— Вздыхнув, Кирьянов включил кондиционер.— А насчет потерпевших... Самое забавное и обидное, что это случайные люди, вероломно воспользовавшиеся моим гостеприимством...

— Немаленькая, должно быть, квартира у вас, Алексей Владимирович, если вы даже понятия не имеете, что в ней происходит.

Кирьянов пропустил шпильку мимо ушей и вернулся к прежней теме:

— Если бы вы только знали, с какой педантичностью вы в эту точку попадаете каждый раз! — Он повернулся к собеседнице.— Ей-богу, даже жутко становится, как человек играючи читает твои мысли! Вы и с чертежами оказались правы, и когда...

— А вы ведь не знали, кто их взял? — перебила его Хильда.

Кирьянов усмехнулся.

— Да-а, Хильда Арвидасовна, в проницательности вам не откажешь,— покачал он головой.— Признаюсь, не знал. Но выяснилось, что вы были правы...

— Как же это выяснилось?

— А вы любопытны.— Кирьянов опять покачал головой.— Но, если хотите, я скажу вам правду. Это выяснилось при помощи телефонного справочника. Вернее, двух справочников.

— В смысле?

— Ага, есть для вас еще тайны! — Кирьянов торжествующе поднял указательный палец, но тут же снова стал

серьезным.— У нас не было иного выхода, как поверить вашему заключению. Указанного вами человека привязали к стулу и били по ушам двумя телефонными справочниками, задавая один и тот же вопрос.

— И?..

— И били до тех пор, пока он на этот вопрос не ответил.

— Вопрос, я так понимаю, был до безобразия прост. Что-то вроде «где чертежи?».

— Снова в точку.

Несколько минут они сидели молча. Первой нарушила молчание Хильда:

— Зачем вы мне все это рассказываете? Что вам нужно?

— Ваша помощь.

— То есть?

— Ваша помощь в подобных ситуациях. Анализ, заключения, если возможно — прогнозы. Работы очень много, а специалистов почти нет. А вы, Хильда Арвидасовна, очень хороший специалист. Для вашего, извините за бестактность, возраста, вы просто гений.

— Короче, вы предлагаете мне отправлять людей на стул?

— Какой стул? Ах, вы про это.... Нет, отчего же. Есть дела и поинтереснее. Видите ли, в кругах, где я предлагаю вам работать, справочниками уже не лупят. Это большая игра, здесь речь идет о национальных интересах...

— У нас разные национальные интересы,— жестко перебила его Хильда.

Кириянов вскинул было удивленно брови, но вспомнил, с кем говорит, и решил не ломать комедию.

— Да, это я зря приплел. Но ведь у вас появится реальный шанс побороться за справедливость...

— Это вы приплели тем более зря.

— Но как же ваши обращения к судьям? Разве вы не борец за справедливость?

— Отнюдь.

— Ну хорошо.— Кирьянов хлопнул себя по коленям.— Тогда давайте начистоту. Я предлагаю вам работать с нами. Это хорошо оплачиваемая работа для профессионала вашего уровня. Вам придется только по специальности...

— Спасибо, я поняла. Мне это не подходит.— Собираясь выйти, Хильда взялась за ручку дверцы, но та не поддавалась под нажимом.

— Не торопитесь, Хильда Арвидасовна,— сделал вид, что не заметил этого движения, продолжал Кирьянов.— Я еще не расписал всех прелестей моего предложения и минусов вашего отказа.

— Вы мне угрожаете?

— Ни капельки. Я взываю к вашему бесценному разуму. Я предлагаю вам контракт, скажу откровенно, на неопределенный срок. Думаю, не более двух-трех лет. За это время, я гарантирую, вы станете состоятельным человеком. По-настоящему состоятельным. Даже по западным меркам. По истечении срока контракта вы сможете уехать в любую страну, по вашему выбору. Можете сменить имя — я решу этот вопрос. Вы не будете скомпрометированы, ибо получите псевдоним и вам не придется встречаться с заказчиками, а клиентам мы можем представлять вас кем угодно: для них вы останетесь темной лошадкой.

— Похоже, вы уже все продумали и все за меня решили?

— Так и есть. Тем более что у вас нет выхода. Мы не можем позволить такому кадру остаться вне игры. Вами могут заинтересоваться другие структуры, а — как знать? — они могут прийтись вам по душе.

— То есть меня тоже ждет стул?

— Даже не стул, а, скорее, безымянная могила. — Кирьянов сочувственно развел руками.

— Вот как?

— Да. И не надо смотреть на меня как на изверга. Вы не знаете всех правил игры, которую затеяли. Без моего вмешательства вы бы давно уже прозябали в каком-нибудь провинциальном «ящике», без шансов уволиться иначе чем по возрасту или состоянию здоровья. Тем более вам не удалось бы выехать в Европу.

— Я смотрю, вы тоже хорошо информированы.

— Ну а чего бы мы стояли, если бы не знали слабых мест... м-м... интересующих нас людей?

— Какие же еще слабые места за мной числятся?

— Хильда Арвидасовна, что вы дуетесь, как дитя! Мы ведь с вами умные люди. Я предлагаю вам золотой ключик. Берите! Тем более обещаю вам, что бить по головам ваших пациентов не будут, так что совесть ваша останется чистой, как горный хрусталь, а будущее станет не туманно, а довольно определенно...

— Хватит метать бисер. Я уже поняла, что с живой вы с меня не слезете. Дайте подумать.

Москва, сентябрь 1998

Насоныч со свитой из крепких парней приехал спустя несколько минут после ухода Сергея. Судя по всему, детектив поглядывал на часы не просто так. По виду приехавших было очевидно, что они ожидали какого-то сюрприза. Скорее всего, они переполошились из-за того, что смолкли их микрофоны. А может быть, на даче существовала какая-то система сигнализации, сообщавшая о появлении непрошеного гостя.

Пока крепкие ребята шарили по дому, Насоныч отправился к девушкам.

— Как успехи? — поинтересовался он, здороваясь и всем своим видом демонстрируя беззаботность.

— Нормально, — отрапортовала Валя.

— Наставник ваш ушел в магазин? — Насоныч фальшиво улыбнулся.

— Наверное. — Валя пожала плечами.

— А вы чем время убиваете? — Он перехватил многозначительный взгляд спустившегося со второго этажа телохранителя и удовлетворенно кивнул.

— А мы играем в игрушки, — улыбнулась Ольга.

— Хорошее дело. — Насоныч качнулся на каблуках и повернулся к Вале: — Нам нужно поговорить.

Валя пожала плечами: мол, не вижу препятствий.

— Поднимемся вверх?

— Пойдемте. — Валя опять пожала плечами, и подружки направились к лестнице.

Насоныч замялся:

— Оля, а мы не могли бы поговорить с Валентиной наедине?

— Но мы ведь... — Ольгу насторожил этот вопрос. Сергей пророчил им разную судьбу, схожую лишь печальным финалом, и то, что их уже пытаются разъединить, сильно ей не понравилось. С другой стороны, видимых причин ходить всюду за ручку у подруг не было.

— Это ведь не секрет от Ольги? — поддержала ее Валя.

— Ну, наверное, нет, — нехотя согласился Насоныч. — Тем более что на этом наши контакты не заканчиваются... — Он выразительно посмотрел на Ольгу.

Втроем они поднялись в комнату на втором этаже, где на столе стоял открытый ноутбук, с самым

невинным видом демонстрирующий интерфейс какой-то игры.

Насоныч с усмешкой взглянул на эту идиллическую картину, подошел к столу и, закрыв программу, выключил компьютер.

— Я говорил вчера с Вадимом,— начал он, глядя на угасающую заставку.— Он считает, что вы уже готовы.

Валя и Ольга переглянулись. Во взглядах обеих промелькнул ответ испуга. Но если для Вали это было привычное, несмотря на необычность ситуации, предстартовое волнение, то Ольга думала о предостережении Сергея.

— Кроме того,— Насоныч тяжело вздохнул, словно собирался зачитать некролог о кончине генерального секретаря,— ситуация резко изменилась. Нам нужно торопиться.

— Когда? — Голос Вали прозвучал твердо.

— Скоро. Совсем скоро. Я скажу об этом завтра.

— А план,— Валя развела руками,— оружие?..

— Завтра. Все завтра. Я, собственно, заехал только спросить, не передумали ли вы.

— Я? — Валю вопрос удивил.— Нет!

Москва, октябрь 1998

Борис переводил взгляд с одного листка на другой, словно надеясь найти ошибку. Один листок был факсом из солнечной Италии на итальянском языке, а второй — переводом факса на русский, сделанным секретаршей. Итальянского языка Борис не знал, а если верить русскому тексту, то итальянцы с прискорбием сообщали, что по указанным уже причинам судно не может отбыть из порта ранее чем через неделю. Настырные борцы за экологию добились-таки проверки груза. Синьор Фрас-

кани от лица компании «Арок» приносил извинения и просил руководство «Белтех» рассматривать сложившееся положение как ситуацию, подпадающую под статью форс-мажор.

Положив листки на стол, Борис в очередной раз набрал номер Жука. Именно через него Борис смог выйти на людей, предоставивших ему кредит. Теперь Борис хотел посоветоваться с другом по поводу того, что делать в сложившейся ситуации.

Самое скверное было то, что ситуация невозврата денег в оговоренный срок даже не рассматривалась. Борис настолько верил в успех предприятия, что не поднимал эту щекотливую тему. Теперь же ему становилось не по себе от мысли, что может произойти и какие «счетчики» заработают.

И на тестя особой надежды не было. Насколько Борис знал законы этого мира, прикрытие в виде людей в погонах могло оградить от посягательств на кошельки, но ничто не мешало получить пулю в лоб или какую-нибудь заточку в бок.

Кроме того, Борис не сомневался, что, расскажи он тестю о размахе срывающейся операции, хитрый сибиряк умоеет руки и отойдет в сторону, сославшись на то, что зять должен был посоветоваться, прежде чем заваривать такую кашу.

Борис перезвонил еще раз. Телефон не отвечал.

Вестей от Жука не было уже несколько дней. Рекомендовав своего Шалу в качестве надежного кредитора, бригадир исчез из поля зрения.

Три дня Борис не звонил ему, ожидая окончания истории с «Гринписом», а теперь, когда Жук срочно понадобился, никак не мог его найти.

С утра Беленков даже наведалься в кафе, где обычно появлялся Жук. Увы, там его тоже несколько дней не было.

— Уехал он,— пожал плечами бармен.

— Куда уехал?

— Черт его знает. Может, отдыхать. Он что-то про Испанию говорил. Может, в Испанию и поехал.— Бармен взял опустевший поднос и отправился в подсобку, давая понять, что разговор окончен.

Это все, что удалось узнать. Знакомых лиц в кафе не было, а хватать за рукава всех подряд с криком «Жука не видели?» как-то глупо.

Борис дал себе срок до полудня. Если найти Жука не удастся, придется ехать к этому Шале объясняться одному. Особого опыта в общении с подпольными ростовщиками у Бориса не было, но инстинкт подсказывал ему, что лучше не затягивать. Слышал он краем уха о разборках с кредитами. Это как с зубным врачом: идти, конечно, боязно, но чем дольше откладываешь, тем больнее потом.

Если тебя начинают искать, пиши пропало. Первый вопрос будет: почему прячешься? И к сумме долга приплюсуют какую-нибудь компенсацию за моральный ущерб.

Нет, нужно ехать самому.

Борис посмотрел на часы. Второй час. Срок, данный им самому себе, прошел. До момента возврата кредита осталось сорок восемь часов и, если быть совсем точным, четырнадцать минут.

Борис поднялся и, уже стоя, последний раз набрал номер. Длинные гудки всегда раздражали его, но сейчас он готов был слушать их часами, оттягивая визит к кредитору.

Куда же подевался Жук?

Далекая Теплая Страна, сентябрь 1998

Алексей Владимирович был несколько разочарован в господине Роне. Этот горе-организатор межпланетных турниров заставил его сражаться с откровенными слабыми, а теперь, когда появился мало-мальски сильный соперник, пропал.

Алексей Владимирович сидел на веранде, просматривая российские журналы.

Их периодически доставляли ему с почтой. Правда, в целях конспирации приходилось делать подписку через Варшаву. При этом нужно было выписывать не только российские издания, но и издания Польши, Германии, Франции и многих других стран. Все это просто выбрасывалось, ибо никаким языком, кроме русского, Алексей Владимирович не владел настолько, чтобы читать на нем прессу. Он успел освоить польский и английский, но чтение на них требовало такого напряжения извилин, что больше трех абзацев за раз Кирьянов не выдерживал.

Быстро просмотрев заголовки и картинки, Кирьянов кидал иностранные журналы на пол: горничная знала, что теперь их можно выбросить. Отказаться от этого «балласта» было нельзя, поскольку тот факт, что отшельник-профессор получает издания только на русском, мог привлечь внимание, натолкнуть на нежелательные выводы, навести на след. Кипа периодики на восьми языках вызывала меньше вопросов.

Раскрыв очередной аналитический журнал, Алексей Владимирович натолкнулся на рекламу компании «Белтех».

— Борис Беленков, — произнес он вслух. — Генеральный директор компании «Белтех».

Кирьянов произнес это с печалью в голосе. Не понять было даже, чего из прежней жизни больше жаль:

друзей-приятелей или высоких постов, дававших ощущение силы и могущества.

Кто-то сказал, что одиночество — дорогое удовольствие. Удовольствие обходилось и впрямь недешево, если говорить о деньгах, но денег было вдоволь. А вот жизнь без друзей, без женщин, без дела, без треклятых журналистов, сующих свой нос во все щели, была сродни... Кириянов даже не знал, сродни чему была такая жизнь. Не жизнь это вовсе! Что такое Алексей Владимирович Кириянов без своих регалий, власти, без своего имени, наконец?

Борис Беленков... Черт возьми, ведь это Борька Беленков, сопляк и неуч, который еще десять лет назад мыл его машину, старый полусгнивший «Москвич». Комсомольский вожак, выставленный коленом под зад при первом свистке грядущей перестройки. Генеральный директор! Кем бы он был сейчас, не снизойди до него Алексей Владимирович Кириянов! Не наставь он этого оболтуса на путь истинный...

Компания «Белтех»... Смех! Ведь начальный капитал одолжил ему тоже он, Кириянов, причем сумма-то была смехотворная. Пришлось даже разыграть небольшой спектакль, зайти в кабинет якобы за деньгами, чтобы не показывать парню, что требуемый «кредит» — даже меньше, чем лежит в бумажнике. А дело было в том, что поднаторевший на школьном УПК собирать утюги парень решил стать кооператором: заняться ремонтом бытовой техники. Боже ты мой, сколько же нервов было потрачено, чтобы успокоить первых его клиентов, которым он бездарно сжег английский обогреватель!

А когда прибежал он, отирая кулаком кровь из расквашенного носа, жаловаться на рэкетиров? Тот еще был анекдотец: пара шустрых акселератов собирала дань с половины рынка, и ни один болван даже не рыпнулся!

Платили и молчали. Смех! Ну, уладили дело с этими самозваными хозяевами рынка. Посидели сутки в камере с настоящими уголовниками — сразу прозрели, поняли, что к чему. Верткие, кстати, были хлопчики. Один из них, Женька Зыков, несколько раз пригодился потом. Хорошо помогал, пока не ушел в серьезный криминал.

А Борьку он потом удачно женил. В смысле портрета и фигуры эта сибирская матрешка была, конечно, страшна, как служебное расследование, но зато с мозгами все в порядке: отсутствовали напрочь. Временами казалось, что даже спинного мозга у нее нет — так обходится. А удачным в этом союзе был папа невесты. Туповатый такой опер, простой и жадный. Его потом удалось хорошо продвинуть. Так что тыл Беленкову был обеспечен надежный. Сначала, дурак, ныл все, а потом пообтерся, осмотрелся — и ничего. Благодарил даже...

Да, вот тебе и кооператор Борька Беленков. Генеральный директор компании. И видать, не мелкой, раз в «Домовом» рекламу дают. Цены в Москве на рекламу забубенные. Раз может себе такое позволить, значит, дела в порядке.

Алексей Владимирович еще раз просмотрел рекламку.

— Итить твою... — причмокнул он. — Тоже в Интернете страничку завел. Тут и не поймешь — то ли разбогатели все, то ли сеть теперь вроде телефона.

Кириянов взял со столика нож и тремя небрежными движениями вырезал объявление. Пусть лежит на всякий случай. Может, как-нибудь пошлю по Интернету весточку. С того света...

Да... Кем бы ты был сейчас, Боря Беленков?

Эта тема почему-то показалась Кириянову занятой. Действительно, что бы с ним было?

Ну, положим, деньги на свои ремонты он бы нашел, наскреб, украл. С претензиями тоже вопрос уладил бы. Ну, может, набили б ему лицо, дали пинка. А что еще с него было взять? Рэкетеры — не конец света. Сколько олухов платило и платит? И ничего, живут. Некоторые даже живут припеваючи.

Вот из истории с этим изнасилованием он бы, пожалуй, не вылез. Отхватил бы срок и пошел бы на зону зеков ублажать. Там это быстро.

Впрочем — при этой мысли Кирьянов улыбнулся — не повстречай он доброго дядю Алексея Владимировича, так и не было бы этой истории.

Кирьянов сложил глянцевый листок вдвое и сунул в лежавшую на столике книгу.

Да, ловко тогда все получилось. Все трое оказались на крючке. И Борька, и этот начинающий гопник Жук, и пай-мальчик Максим Андросов. Все оказались ему, Алексею свет Владимировичу, по гроб жизни обязаны. Пришлось, правда, попотеть, разворачивая дышло закона на сто восемьдесят градусов. Хорошо, что сама девчонка помогла, бросилась на своего Ромео с тесаком...

А Хильда тогда быстро просекла, откуда ноги растут. Слава богу, удалось убрать из материалов дела упоминания о нем, народном избраннике Кирьянове. Борькин же будущий тесть помог. Взамен получил совет, как пристроить свою забрюхатившую дочку.

Алексей Владимирович встал, взял со стола книгу и отправился в дом: полуденная жара вступала в свои права, нужно было окунуться на четверть часа в бассейн, выпить молочный коктейль. Смех с этим коктейлем! Оказавшись в своей цитадели, Алексей Владимирович то ли стал сентиментальнее, то ли разгруженные мозги сами собой начали вытягивать из прошлого воспомина-

стве Лешка Кирьянов мечтал стать большим и много зарабатывать, чтобы... каждый день пить молочный коктейль! Каково? Мечта о молочном коктейле, продававшемся в любом гастрономе за десять копеек. Хотя почему бы не побаловать себя на пенсии? И Алексей Владимирович заказал себе миксер — промышленный, чтобы коктейль взбивался вмиг. Теперь он наслаждался холодным сладким напитком и, делая большие громкие глотки, мысленно поздравлял себя с осуществлением мечты.

Прежде чем нырнуть в бассейн, Алексей Владимирович зашел в кабинет. Бросил на стол книгу, взглянул на экран компьютера: получены два сообщения.

Одно сообщение было какой-то рекламной белибердой на немецком. Его Кирьянов стер не читая. А вот второе пришло от господина Рона.

Кирьянов сел в кресло и стал читать.

Дорогой пан!

Позвольте начать с извинений по поводу задержки с ответом. К сожалению, Ваш соперник, господин Битл, не сразу проинформировал меня о выходе из турнира. Будем считать, что он признал свое поражение. Поздравляю, Вы вывели из борьбы довольно сильного соперника!

В связи с этим обстоятельством Вы выходите в четвертьфинал. Ваш новый соперник, господин Максимилиан, еще более сильный игрок. Он свяжется с Вами завтра. Надеюсь, Вы получите удовольствие от партии, независимо от результата.

У нас появился новый приз для победителя, который, возможно, заинтересует Вас. Международная ассоциация детективных агентств берется собрать данные о любом указанном победителем человеке, проживающем в любой

точке земного шара. Надеюсь, в ближайшее время нам удастся привлечь новых спонсоров и учредить новые призы.

Желаю успеха!

С уважением

Хенрик Рон

Теперь Хенрик! Кирьянов хмыкнул.

А этот парень, судя по всему, пошел в гору. Ишь ты, расширяет круг спонсоров. Интересно только, чем же он их привлекает? Рекламы особой не делает, а сбор информации — удовольствие дорогое. Непонятно. А интерес у него какой-то есть. Какой?

У Кирьянова не было даже версий на этот счет. Парень инвестирует деньги в турнир, чтобы раскрутить его и выйти на большую орбиту? Это единственное, что приходило на ум, но тогда что-то слишком мало участников привлечено. Тут ведь не футбол — зрителей нет, трансляция не ведется, а количество денег зависит только от числа игроков...

Кстати, о новом призе. Это интересная штука: сбор информации. Можно собрать о ком-нибудь информацию. О том же Борисе, например. Или о Хильде. Хороший приз, полезный.

Алексей Владимирович набрал подтверждение и отправил Рону.

ГЛАВА 13

Москва, сентябрь 1998

Оставшись наедине, Ольга и Валя молча рухнули на кровать, вцепившись друг другу в волосы. Со стороны могло показаться, что они дерутся. На самом деле каждая пыталась повернуть голову подруги, чтобы первой шепнуть ей на ухо вопрос. После короткой борьбы верх взяла Валя.

— Кто это был? — выдохнула она в Олино ухо.

— Он частный детектив, тоже ищет Харона, — быстро зашептала Ольга. — Он говорит, что нас убьют. Тебя сразу после Боброва, а меня — когда найдут Харона.

От неожиданности Валя ослабила хватку, и Ольга подняла голову:

— Валя, ты не передумала?

— Нет. — Девушка смотрела в упор на подругу, переваривая услышанное.

— Валя, я теперь знаю, как выйти на Харона, — продолжала Ольга. — Сергей показал мне. Мы связались с ним...

— С Хароном?

— Да!!! — Ольге хотелось крикнуть, но она не могла и потому лишь широко распахнула глаза.

— И что?

— Не знаю, но, кажется, он готов поговорить. Просил связаться позже. Чего ты?

— А это не фокус? — Валя чуть отстранилась, чтобы видеть лицо подруги.

— Какой еще фокус?

— Фокус твоего частного детектива. Очень ловко получается: сначала мы бьемся с компьютером, но ничего не выходит. А тут появляется... Слушай, а откуда он вообще взялся? Кто он такой?

— Это тот самый парень, который пас меня в кафе. Тогда, когда ты ходила к своему Боброву.

— Так он с Насоным?

— Нет. Говорит, что сам за себя. То был разовый заказ, а теперь он ищет Харона...

— Говорит, говорит... Кому интересно, что он говорит? Может, его Насонымч и послал, а мы не сказали, что он здесь был, и прокололись. Об этом ты не подумала?

— Подумала. Только, если мы так нужны этому Насоному, зачем говорить, что нас убьют? Чтобы мы сбежали?

— Не знаю. Может, ты и права.— Валя поджала губы.— Черт, опять приходится гадать.

— Что гадать?

— Ну, сначала мы предположили, что Харон не связан с твоими «друзьями». Теперь предположим, что этот Сергей не вешает нам лапшу на уши...

Подруги замолчали, обдумывая ситуацию.

— Так говоришь, что знаешь, как связаться с Хароном?

Ольга кивнула.

— Тогда давай связываться.

— Сейчас?

— А когда? Завтра может быть поздно.

— А Вадим?

— Вадима я беру на себя.— Валя решительно поднялась.— Начинай минут через десять,— бросила она.

Ольга слышала, как подруга, спустившись вниз, о чем-то заспорила с Вадимом. Потом, судя по звукам, куда-то засобиравлась. Через десять минут Ольга увидела в окно, что они вышли из дома и направились в сторону леса.

Оля села к компьютеру.

Загружая систему и набирая код, она заметила, что пальцы ее подрагивают. Она заявила, что может связаться с Хароном, хотя не была в этом уверена. Ей казалось, она запомнила то, что делал Сергей, прежде чем послать первое сообщение. А вдруг ошибется? Или простое повторение операций не даст того же результата?

Ольга посидела немного, собираясь с духом, и начала осторожно щелкать клавишами. Прodelав все операции, которые запомнила, дала команду «создать сообщение»: *«Харон, это Ольга»*. Набрав адрес, отправила. Кажется, все нормально.

Четверть часа протянулись в ожидании, затем пришел ответ: *«Если можешь говорить, скажи, кто из вас украл одеяло у Косой?»*

Ольга удивленно вскинула брови. Что за бред? Какое одеяло? Что за Косая? Не было у них никакой Косой...

Ну конечно! Ольга хлопнула себя по лбу. Ведь это проверка. Вопрос простой, но с подвохом.

Она решительно застучала по клавишам: *«Три одеяла украли в соседнем бараке. Косой у нас не было»*.

«Хорошо. Я беру твой заказ. На всех четверых. Тридцать тысяч».

Ольга посмотрела на монитор с подозрением:

«А это точно тот самый Кирьянов?»

«Тот самый. Живы все четверо. Не вздумай ляпнуть ЕГО имя. Когда можешь связаться со мной?»

«Пока не знаю».

«Постарайся через два дня. Я уже работаю над твоим заказом. Не забудь стереть сообщения из корзины. Конец».

Ольга хотела было продолжить, но убрала руку с клавиш.

Живы все четверо. Что это значит? Что Кирьянов жив? Что они с киллером говорят о разных людях? Кто вообще такой этот Харон, и, главное, почему он принимает участие в ее судьбе?

Все эти вопросы оставались пока без намека на ответ. Совершенно очевидно только то, что Харон, кто бы он ни был, серьезный человек. Согласиться убить того, кого вся страна считает покойником, может или отпетый аферист, или человек, знающий такие тайны, которые простому смертному недоступны. Но какой резон аферисту браться за работу, не сулящую ему выгоды? Ведь гонорар-то от этого не увеличится. Хотя на то он и аферист, чтобы никто не мог понять, во что он играет.

Нет, Харон не простой мошенник. Как-никак, он сумел узнать про Ольгу то, о чем ни в газетах, ни в личном деле не прочтешь. Это вселяло оптимизм, ибо какой прок аферисту, обладающему такими источниками информации, связываться с бывшей зечкой, бездомной и нищей? Чем дольше Ольга думала о Хароне, тем больше верила в то, что волею случая ее интересы совпали с интересами этого загадочного человека, который по собственному капризу вершил судьбы других людей.

Ольга уже собиралась выключить компьютер, но спохватилась: что она должна была не забыть? Стереть

сообщения из «корзины». Еще несколько минут ушло на то, чтобы выяснить, что все сообщения, которые они с Валец пытались отправить тайком, вовсе не стерты, а просто вынесены в специальный файл. Какие же они идиотки! Вадим наверняка читал эти сообщения и передавал Насоньчу! Эти люди были в курсе их экспериментов, но не мешали. Они просто изменили настройку компьютера так, чтобы Ольга не могла отправить сообщение, и спокойно анализировали ее письма, пытаясь понять, что в них такого особенного, что заставило неуловимого киллера нарушить молчание.

Первым порывом Ольги было стереть все сообщения, но она сдержалась и стерла лишь последние. Пусть Насоньч с друзьями считают, что их хитрость еще не раскрыта.

Ольга выключила машину. Теперь оставалось дожидаться возвращения Вали и порадовать ее, что заказ принят к исполнению. Интересно, куда они ушли? Чем Валя смогла выманить бдительного инструктора из дома? Единственный ответ, приходивший на ум, был столь же прост, сколь и неприятен. Ольга решила не гадать, а просто ждать подругу.

Валя и Вадим вернулись примерно через час.

Открыв дверь, Валя натолкнулась на Ольгу, стоявшую у порога в тоге из одеяла.

— Ты где была? — Вопрос прозвучал излишне грозно, чтобы ситуация не выглядела комичной.

— Ночные стрельбы.— Валя обошла подругу и направилась к кровати.

— А если серьезно?

— Ночные стрельбы.— Валя сунула Ольге под нос правую руку, давая возможность почувствовать сухой запах пороха.— А вообще, я хочу сказать тебе две вещи.

— Какие же?

— Во-первых, я тебе сейчас тоже покажу, как стрелять.

— А во-вторых?

— А во-вторых, я уже большая девочка.

Москва, октябрь 1998

— Ну, что там у тебя? — спросил Шала, дождавшись, пока Борис усядется в кресле напротив.

— Я по поводу денег... — начал тот.

— Еще нужны? — Шала открыл крышку резного ларчика, не глядя взял длинную узкую сигару и развернул ларчик к гостю. — Куришь?

— Да, — кивнул Борис, протянул руку к сигарам, но раздумал. — Нет, спасибо.

Шала захлопнул крышку.

— Так что там с деньгами? Еще нужно? — спросил вор, пододвигая к себе зажигалку.

— Да нет... — Борис грустно улыбнулся.

— А что такое? — Шала зажег огонь, но прикуривать не спешил.

— Понимаете... — Борис опустил глаза. — Я не успеваю.

— В каком плане не успеваешь?

— Я не успеваю вернуть деньги, — произнес Борис тихо.

— Как так? — Шала бросил сигару на стол и откинулся на спинку кресла, устремив на Беленкова недоверчивый взгляд.

— Товар отгрузили в срок, корабль зафрахтовали, он должен был выйти из порта... — начал объяснять Борис, но вор остановил его, протестуяще замахав руками:

— А, подожди, братан. Я тут при чем? Зачем ты мне эти дела рассказываешь? «Товар», «зафрахтован»... Я в

этом не понимаю ничего, да? Ты у минэ деньги взял,— в правильную речь вора начал незаметно примешиваться акцент,— сказал: отдам тогда-то. Все! Вот это я понимаю.

Борис обреченно кивнул.

— Вот и хорошо. Так что там с деньгами? — Кажется, Шала непробиваем.

— Я не успеваю вернуть.— Борис ограничился этой фразой, уступив Шале инициативу вести разговор дальше.

— То есть не хочешь платить? — уточнил Шала.

— Не «не хочу», а не могу,— поправил Борис.

— Как «не могу», э? Ты что, умер уже? Как так не можешь платить?

— Я купил партию...

— А, опять ты минэ говоришь про партию-шмартию. Я не знаю про партии, братан. Или ты деньги приносишь, или не приносишь.

— Я не смогу их принести. Я могу заплатить позже, когда придет товар и я получу со счета деньги...

— Слушай,— Шала чуть повысил голос.— Я не понял, да? Ты почему мне ставишь условия, когда будешь платить? Это мои бабки, да? Ты минэ их должен отдать. Тогда, когда говорили. А ты тут приходишь и говоришь, что отдашь потом! Ты что, э?

— Я готов заплатить проценты за эту неделю.— Борис старался держаться с достоинством.

— Какие проценты? — Шала сдвинул брови.

— Ну, я ведь брал деньги на неделю под проценты. Я готов заплатить проценты и за вторую неделю. Ведь срок увеличился...

— Не увеличился, да? Ты его хочешь увеличить. А кто сказал, что я согласен? Мне послезавтра бабки нуж-

ны.— В руке Шалы появились четки из темного камня. Вор внимательно смотрел на Бориса, ожидая ответа.

— К послезавтра я столько не соберу.

— И что будем делать, братан? — Пальцы вора зашевелились, приводя в движение четки, и камешки стали мерно постукивать, словно включился метроном.

— А что вы предлагаете? — осторожно спросил Борис.

— Слушай, я думал, что ты нормально соображаешь, да? — Шала, похоже, начал терять самообладание.— Я тебе говорю, что мне бабки нужны.

— А если я не могу их отдать раньше чем через неделю? — Борис тоже разозлился. Хозяин кабинета явно играл с ним в какую-то игру, то ли набивая цену, то ли просто запугивая.

— Возьмем сами.— Шала сжал четки в кулаке.

Взгляды мужчин встретились. В глазах вора читалась угроза, в глазах коммерсанта — неверие в необратимость ситуации, в невозможность решить проблему цивилизованно.

— Так что? — спросил Борис.

— Все.— Шала убрал четки в стол.— Иди.

— Как это? Мы же ничего не решили!

— Мы все давно решили. Или ты сам приносишь бабки в срок, или мы берем их. Что еще? — Шала повернулся к телевизору, давая понять, что разговор окончен.

— Ну не могу я! Не успеваю! — Борис вскочил.— Я готов вернуть позже, с процентами.

— Не, я не понял.— Шала сдвинул брови и медленно поднялся с кресла.— Что ты мне все про проценты говоришь, а? Я что, барыга? Что ты мне, в натуре, гонишь тут про свои проценты? Ты мне мое верни. Понял, да?

— Я понял, но...

Бориса озадачила такая постановка вопроса. Человек давал деньги под проценты. То есть хотел заработать. А теперь отказывается от больших денег, требуя меньшие. Где логика? И главное, переубедить его, похоже, невозможно.

— Хорошо.— Борису показалось, что он нашел лазейку.— Тогда дайте мне еще один кредит на неделю. Я сразу отдам его вам, а...

— Слушай,— вор укоризненно цыкнул зубом,— а ты совсем борзый тип. Может, тебя научить, как себя вести?

Растерявшись, Борис промедлил с ответом.

— Короче,— подвел черту Шала.— Ищи бабки к сроку. Остальное меня не касается, да? Все.

Шала вновь сел в кресло лицом к телевизору.

— Подождите... — Борис растерянно оглянулся.

Хозяин кабинета взял пульт и прибавил громкость.

— Но мы ведь... — Борис повысил голос, стараясь перекрыть треск автоматной очереди, которой супермен на экране косил врагов.

— Все, я сказал! — рявкнул Шала.— Тебе помочь выйти?!

Закусив губу, Борис несколько секунд стоял на месте, потом резко развернулся и вышел. Он не представлял себе, где найти столько денег, но был уверен, что какой-то выход из ситуации существует. Что ему, в конце концов, грозит? Борис уже прикинул в уме, что если заплатит по этому кредиту вдвое, то даже не прогорит, а заработает пару тысяч. При том, что будет еще небольшая неустойка, и при том, какие скидки дадут ему впредь итальянцы, можно считать, что он останется в выигрыше. А заплатить вдвое, считал он, самый худший вариант. Самый пиковый и беспредельный.

Москва, октябрь 1998

Серп раньше не ходил по таким кабакам. Дело даже не в ценах, хотя выложить шесть гринов за бокал пива — это сурово. Тихо здесь было. То есть народ, конечно, за столиками сидел, музыка играла, но... черт, не мог Серп подобрать подходящего слова. Не было суеты, лишнего шума. Люди не галдели, не орали дурными голосами официанту, сидели, как какие-нибудь буржуи из французских фильмов: попивали пивко, вели неторопливые разговоры. И одеты все цивильно — в костюмчики да галстучки.

Серп чувствовал себя не в своей тарелке. Он даже пырнулся стянуть с головы свой бандан с черепами, но в конце концов решил, что клочок материи погоды не делает.

Он сидел за стойкой и цедил пиво. Спешить ему было некуда: неизвестно, сколько придется ждать, а заказывать еще один бокал за такие деньги не хотелось. Тем более что пиво оказалось так себе, несмотря на все медали, врученные неизвестно кем, неизвестно за что. Он бы дал этому пиву еще одну медаль только за то, чтобы больше никогда его не пить.

Серп ждал заказчика. Человека, заказавшего ему Жука.

Заказ был сделан по телефону. Позвонила женщина и, отрекомендовавшись знакомой его старого кореша, убиравшего сейчас снег где-то в Коми, предложила десять штук за голову бригадира.

Сначала Серп решил, что его берут на понт, проверяют, но потом изменил мнение. Изменил после того, как женщина напомнила об одной истории с исчезнувшим курьером, обнародовать которую Серпу очень не хотелось. Знай о судьбе того курьера Шала или человек, от которого тот ехал, Серпа не стали бы проверять, его как

минимум закопали бы живьем в подмосковную глину. А кроме Шалы да того человека, проверять Серпа было некому. И он решил послушать.

Женщина эта, судя по голосу довольно молодая, говорила коротко и по существу. Она объяснила, что и как сделать. Оружие он должен забрать на Курском вокзале в ячейке камеры хранения. После выполнения заказа прийти в этот бар и ждать человека с деньгами и новым заказом.

Серп поначалу попытался спорить: дескать, не такой он идиот, чтобы работать без аванса. Тогда женщина на том конце провода пообещала, что для разминки может ввести Шалу в курс небольшого конопляного бизнеса, который Серп крутил, не ставя в известность бригаду и, разумеется, не отстегивая в общак положенной мзды. Такой поворот грозил Серпу штрафом и, само собой, потерей статьи дохода. Серп решил не спорить. Тем более что после истории с Дятлом у Серпа был на бригадир зуб. Он считал, что Жук, даже если не намеренно подставил корешей, должен ответить за их смерть как бригадир и как человек, заваривший эту кашу с получением долгов.

Итак, Серп забрал оружие, сделал дело и теперь сидел в условленном месте в ожидании гонорара. Место, правда, тихо действовало на нервы. Но, с другой стороны, встречаться с незнакомым клиентом здесь было куда приятнее и спокойней, чем в каком-нибудь укромном месте или кабаке, где гремит музыка и стоит такой гвалт, что не услышат и выстрела, который, не дай бог, конечно, разнесет ему голову.

От нечего делать Серп сам с собой, в уме, заключил пари на то, кто будет этим курьером. Он сам у себя принял ставку один к десяти, что придет звонившая женщина. Хотя шансы ее оценивались низко, он начал прини-

мать ставки по поводу ее возраста и внешности. Шансы на то, что это будет шикарная блондинка, оценивались примерно так же, как вероятность того, что она окажется миниатюрной брюнеткой с длинными прямыми волосами. Вполне вероятно также, что заказчица — обычная дурнушка или просто бабуля, чудом умудрившаяся сохранить прежний тембр голоса, но Серпу нравилось думать, что это будет женщина-вамп, эдакая дьяволица с огромными темными глазами и полным чувственным ртом.

— Еще что-нибудь? — Бармен самым бестактным образом вломился в его тотализатор, заметив, что бокал колоритного клиента опустел уже несколько минут назад.

— Да... — нехотя отодвинул от себя пустой бокал Серп. — Еще пива. Теперь такого... — Он ткнул наугад в один из кранов над стойкой, зная лишь, что это не тот, из которого наливали в первый раз.

Бармен с ловкостью хамелеона убрал грязный бокал, одним движением протер стойку перед клиентом, возвратным движением смахнув кружок-салфетку с эмблемой бара на прилавок. Не прошло и полминуты, как Серп уже потягивал следующую порцию, стараясь не обращать внимания на косые взгляды бармена. Будь это обычный бар, халдей давно уже огреб бы кожаным ботинком промеж ушей и отправился отдыхать под стойку.

Серп посмотрел на часы. Курьер-то запаздывает. Если только Серпа не кинули самым нахальным образом. Курьер опаздывал уже на двадцать четыре минуты. И будь они неладны, эти шесть баксов, которые пришлось отдать за второе пиво, оказавшееся еще большей дрянью, чем первое!

Чтобы не распалиться из-за наглого бармена, Серп вернулся к своим ставкам. Он как раз начал обдумывать систему премирования в случае выигрыша, когда бармен снова прервал его:

— Извините, вы... — Он замялся на секунду, и по лицу его пробежала тень брезгливости.— Вы не Серп?

— Ну...— Серп, поднявший было бокал, дабы продемонстрировать, что трапеза его еще не окончена, поставил пиво на место.

— Вас к телефону.— Бармен протянул ему трубку радиотелефона, с явным сожалением отдавая гладкую японскую игрушку патлатому рокеру с огромными клешнеобразными лапами.

— Меня? — Серп неуверенно взял трубку.— Алло! — произнес он, поднеся напичканный электроникой боб к уху.

— Это я.

Боб сразу узнал голос. Никакого другого он, собственно, и не ожидал услышать. Ну а кто еще мог позвонить ему в этот дурацкий бар, кроме таинственной и чрезмерно информированной дамы?

— Слушаю.— Серп уселся поудобнее на высоком табурете.

— Прийти я, к сожалению, не смогу. К тому же не хочу вводить тебя в искушение своей осведомленностью. Поезжай на тот же вокзал, открой ту же ячейку. Код прежний, только последняя цифра увеличилась вдвое. Там возьмешь деньги и новый контракт. Подумай. Я позвоню тебе вечером в бар напротив. Если надумаешь, то получишь еще заказ. Если нет, можешь просто не приходить.

— А когда вечером? — воскликнул Серп, боясь, что женщина сейчас повесит трубку и ему, в случае чего, придется торчать в этом баре целую полярную ночь.

— Между девятью и половиной одиннадцатого. Все, пока.

Трубка запыкала. Серп вернул ее бармену и вытащил из кармана джинсов клубок купюр.

— Уже заплачено,— подавшись вперед, чуть слышно сообщил бармен.

— Кем? — Серп замер с протянутой рукой.

Бармен зыркнул по сторонам и наклонился еще ближе, делая вид, что старательно протирает стойку.

— Заплачено, и все. До свидания,— промычал он, едва разомкнув губы, и тут же, улыбнувшись, убрал почти полный бокал.

Пожав плечами, Серп слез со стула и, незаметно окинув маленький зал взглядом, покинул бар.

Выйдя на улицу, первым делом посмотрел по сторонам. Что касается бара напротив, двух мнений, кажется, быть не могло. Что ж, уже хорошо.

Затем, не тратя попусту времени, Серп отправился на вокзал. Мысли о подвохе, засаде или бомбе в чемоданчике промелькнули, но почему-то не задержались в голове надолго.

Приехав на вокзал и войдя в камеру хранения, Серп открыл ячейку и обнаружил там маленький полиэтиленовый пакет. Пакет был легким и по форме очень напоминал пачку бумаги того самого размера.

Чтобы не привлекать к себе внимания, Серп поспешил ретироваться, но нетерпение взяло верх, и он зашел в туалет, где, закрывшись в кабинке, развернул пакет. В пакете лежали пачка новеньких стодолларовых банкнот, аккуратно перехваченная банковской лентой, и листок бумаги с напечатанным на принтере текстом.

Серп не счел нужным пересчитывать деньги, а сразу взял записку. Там было всего несколько строчек. Едва Серп начал читать, брови его удивленно поползли от пе-

реносицы вверх. Задание походило больше на хулиганство, чем на серьезную работу.

Прочитав, он разорвал записку, бросил клочки в очко и нажал кран спуска.

В записке было следующее:

«Нужно всего лишь подрезать шланги машины, номер которой, местонахождение, как и время операции, я сообщу дополнительно. После аварии ты получишь еще столько же. Независимо от того, погибнет водитель или нет. Записку разорви, брось в очко и не забудь спустить воду».

ГЛАВА 14

Москва, 1991

Хильда приняла предложение Кирьянова.

Не потому, что испугалась, и даже не из-за денег. Гораздо ценнее была, хоть и с оговорками, гарантия выезда из страны. Плюс к тому — нечто новое, неизведанное, правда сопряженное с известной порцией грязи.

Хильда осталась в институте, но теперь периодически занималась тем, что поручал ей Кирьянов. Время от времени народный избранник даже срывал ее с работы для своих нужд. Как ни странно, никто не обращал на эти отлучки внимания. Более того, Хильде вообще перестали задавать вопросы по поводу отсутствия и планов на будущее.

Работа, которой Кирьянов щедро загрузил Хильду, поначалу мало отличалась от той, которой она занималась в Институте Сербского. Разница заключалась в отношении к ее работе. Если то, что она делала в стенах института, в лучшем случае принималось к сведению, а по большей части просто хоронилось заживо в архивах и папках, то у Кирьянова было иначе. Каждая строчка, отпечатанная ею на новеньком американском компьютере, изучалась и анализировалась. Если доживающие до

пенсии профессора подмахивали любую халтуру, едва пробежав оглавление или первую страницу, то люди, работающие с Кирьяновым, относились к делу иначе. Науки давались Хильде легко, и со времен университета она уже отвыкла от мысли, что может ошибаться. Теперь же ей приходилось спорить, отстаивая свою точку зрения, спорить с не менее сильными профессионалами-практиками. Но это ей и нравилось.

Задача Хильды состояла в том, чтобы дать характеристику определенному человеку, нарисовать его психологический портрет, предсказать, каким образом будет действовать он в той или иной ситуации. Наибольший интерес для Кирьянова представляла информация о слабых местах этих людей, о том, как можно повлиять на них: деньги, родные, азарт, страх... В большинстве случаев у нее была возможность пообщаться с объектом. Как правило, ее выдавали за секретаря или партнера Кирьянова.

Насколько Хильда понимала, подобным составлением характеристик занимались и другие сотрудники, с которыми ей приходилось сталкиваться. И вряд ли все ограничивалось простым накоплением папок с досье: скорее это была лишь подготовительная работа для тех, кто делал что-то более значительное. Что именно, Хильда могла лишь догадываться, но зато она точно знала, что, собрав портреты, скажем, всех сотрудников какой-нибудь конторы, можно было достаточно точно спрогнозировать, что произойдет в этой конторе в результате тех или иных событий. Интересно, как друзья Кирьянова собирались этими данными воспользоваться?

Через некоторое время задачи усложнились. Хильда не знала, связано ли это с ее повышением или с тем, что просто работы прибавилось. Ей уже поручали не только

составить портрет человека, но и смоделировать ситуацию, попав в которую, он сделал бы нужный шаг. Хильда составляла подобные модели четыре раза и ни разу не имела возможности убедиться в правильности своих прогнозов. Однако, судя по всему, ее работой были довольны, ибо не только задачи усложнялись, но и объектами становились все более влиятельные люди.

У Хильды появился свой кабинет — небольшая комната с единственным окном, выходящим на окна соседнего здания. И все же он появился сразу, а не через пять лет, как в институте.

Хильде нравилось иметь собственный кабинет, куда никто не совал нос, и поэтому она была неприятно удивлена, застав там в один из осенних дней человека, вальяжно устроившегося в ее кресле. Довольно пожилой, лет шестидесяти, почти лысый мужчина в сильно потертом пиджаке разительно отличался от лощенного, всегда с иголки одетого Кирьянова, и потому поведение непрошеного гостя казалось еще более возмутительным.

— Чем обязана? — с порога ошетилилась Хильда, смерив посетителя испепеляющим взглядом.

Мужчина довольно умело изобразил на лице дружелюбие, вскочил и двинулся навстречу Хильде. Он оказался еще ниже ростом, чем можно было представить.

— Харитон Игоревич. — Он протянул ей сразу обе руки.

— Хильда Арвидасовна. — Хильда нехотя вложила руку между его ладошками.

— Да-да. Очень рад, коллега. Очень! — Харитон Игоревич столь энергично затряс протянутую ему руку, что Хильде захотелось уточнить, правда ли он психиатр, а не хирург.

— Вы... ко мне? — многозначительно спросила Хильда, выказывая желание узнать о цели визита коллеги.

— Да. Извольте видеть, к вам, голубушка,— как бы извиняясь, развел руками гость.

— Если можно,— обойдя визитера, Хильда направилась к своему креслу,— мне хотелось бы остаться Хильдой Арвидасовной.

— Конечно.— Харитон Игоревич довольно улыбнулся. Улыбка у него была, мягко говоря, нефотогеничная: он чуть высовывал кончик языка, закрывая верхние зубы, и без того мелкие. В первый момент Хильде даже показалось, что верхних зубов у гостя вообще нет.

— Так я и думал,— продолжал демонстрировать свою беззубую улыбку Харитон Игоревич.— Именно так я и думал.

— Извините, у меня много работы.— Хильда села за стол и открыла ежедневник.— Нельзя ли сразу к делу?

Харитон Игоревич развеселился еще больше. Улыбка так сморщила его лицо, что он стал похож на отмытого добела бушмена.

— Положим, Хильда Арвидасовна, что работы-то у вас сейчас нет ровно никакой. Последнее задание вы вчера закончили...

Хильда захлопнула ежедневник. Упершись рукой в край стола, она откинулась на спинку кресла и одарила «коллегу» недобрый взглядом. Незванный гость вел себя просто по-хамски. Но, с другой стороны, он был, судя по всему, хорошо осведомлен о ходе дел в этой конторе.

— Я полистал ваше заключение.— Харитон Игоревич убрал улыбку с лица и сделался задумчивым.— Неплохо. Очень неплохо. Есть, конечно, некоторые огрехи, но в целом...

— Прошу прощения, вы прибыли меня учить?

— Отнюдь.— Гость уселся на стул для посетителей и закинул ногу на ногу.— Я пришел потому, что нам нужно срочно слепить две достаточно серьезные работы.

— Нам с вами? — с сарказмом спросила Хильда.

— Нам с вами.

— А как же быть с упомянутыми огрехами? Не испорчу ли я все дело?

— Так я и думал,— повторил Харитон Игоревич, но на сей раз без улыбки.— Колючий вы товарищ.

— Какая есть.— Хильда ощутила некоторую неловкость, но решила, что в конце концов они квиты.

— Тогда к делу.— Харитон Игоревич взял лежавшую на столе газету, которую, очевидно, принес собой, и потряхнул из нее тонкую папочку.— Вы газеты читаете?

— А что?

— Вчера ушел из жизни один мой ровесник в широких лампадах...

— А, это из штаба...

— Именно. Обстоятельства смерти, скажем так, странные. Нам нужно накрапать нечто, чтобы уверить прихотливую публику, будто он сделал это сам.

— То есть сфабриковать анамнез?

— Можно выразиться и так,— пожал плечами Харитон Игоревич.— Сфабриковать анамнез. Но это только для разминки. Главное, чтобы никого из его сослуживцев не удивил подобный поступок.

Харитон Игоревич замолчал, предоставив Хильде возможность переварить услышанное.

— Нельзя ли менее витиевато? — произнесла она после минутной паузы.

— Может статься, что покончит с собой еще один сотрудник штаба. Наша задача — обставить все таким образом, чтобы ни у кого не возникло сомнений, что он сделал это сам.

Снова пауза.

— Но ведь он покончит с собой? — Хильда понизила голос.

— Покончит.

— А что, точная дата уже есть? — спросила Хильда, пристально глядя Харитону Игоревичу в глаза.

— Разумеется, нет. Он ведь сам это сделает. Как же мы можем знать, когда это произойдет?

— Но в том, что это произойдет, вы ведь уверены?

— Хильда Арвидасовна, — Харитон Игоревич тоже понизил голос, — давайте перестанем играть в кошки-мышки. Вы прекрасно все понимаете.

— Не совсем. Что я должна прекрасно понимать?

— Что наша задача заключается в том, чтобы этот суицид органично увенчивал череду нервных срывов. А вот наложит клиент на себя руки или нет — не наше дело. Так же не интересуется меня, будут ли этому генералу помогать. Я вообще не люблю генералов.

Хильда молчала. Она не сомневалась, что генералу «помогут». Выходит, ей предлагают стать соучастницей убийства, использовать свои знания для того, чтобы убить человека. Нечего сказать, интересный заказ подбросил ей Кирьянов! Хорошая практика!

— А как же клятва Гиппократата?

Харитон Игоревич шумно втянул носом воздух.

— Хильда Арвидасовна, клятва Гиппократата тут ни при чем. Мы не собираемся отправлять человека на тот свет. Наша задача как раз оградить его родственников от сомнений, а людей, которые имели мотивы для убийства, — от необоснованных подозрений и нервотрепки. И давайте закроем тему моральных устоев, религии, пацифизма и прочего. Или мы работаем, или мы не работаем.

— Работаем,— со злостью бросила Хильда.— Конечно, работаем. Подводим человека к последней черте и отходим в сторону, предоставив другим подтолкнуть его вниз.

— Послушайте...

— Нет, это вы послушайте! — перебила она его и в запале даже вскочила.— Значит, мы, врачи-профессионалы, должны представить дело таким образом, что человек за здорово живешь сиганул с моста. А те, кто ему помогал, останутся в стороне...

Харитон Игоревич тоже поднялся и стоял, дожидаясь, когда появится возможность вставить хоть слово в монолог хозяйки кабинета.

— А вы сядьте, сядьте! — продолжала Хильда.— Я отнюдь не отказываюсь. Нет, отчего же? Мне обещали интересную, неординарную работу. Я очень довольна. Только непонятно, отчего такие профессионалы, как мы, должны отдавать все лавры каким-то душегубам. Они ведь наверняка будут выкручивать генералу руки, прежде чем сбросят его с балкона. Это возмутительно! Неужели мы сами не в состоянии довести дело до конца, поставить точку?

Хильда наконец-то сделала паузу, чтобы перевести дух.

— У вас что, истерика? — с беспокойством спросил Харитон Игоревич.

— Почему истерика? Ничуть не бывало! — ответила Хильда, успокаиваясь, и села.— Я просто считаю, что раз уж надо прикончить этого бедного генерала, то давайте сами доведем дело до конца.

— То есть? — Харитон Игоревич взглянул на нее с тревогой.

— Ну, доведем его до нужной кондиции. Чтобы он сам пустил себе пулю в лоб.

— Вы или продолжаете иронизировать, что совершенно не ко времени и не к месту, или не совсем понимаете, о чем говорите.

— Я прекрасно понимаю, о чем говорю.— Хильда уже приняла решение, что делать с этим заказом.

— Серьезно?

— Абсолютно.

— Погодите-погодите...— Харитон Игоревич поднял руки, прося дать ему возможность сосредоточиться.— Вы предлагаете довести клиента до такого состояния, чтобы он сам решил прибегнуть к суициду?

— Правильно.

— Но... — Глазки Харитона Игоревича сузились,— это ведь нарушение клятвы Гиппократов да плюс к тому — уголовная статья. Как же быть?

— Но мы ведь,— в тон ему ответила Хильда,— договорились, что не обращаем внимания на подобные мелочи.

— Верно,— кивнул Харитон Игоревич.— Только мне не вполне понятно, как вы собираетесь добиться такого результата.

— Ну, раз есть соответствующая статья в кодексе, то, надо полагать, прецеденты уже были.

— Логично. Но я, к сожалению, не могу на это пойти.

— Хорошо. Я сделаю это одна.

— Одна?

— Одна.

— И сколько же, позвольте узнать, времени вам понадобится?

— Два-три дня.

Харитон Игоревич удивленно поднял брови.

— Два-три дня,— уверенно повторила Хильда.

— Хм.— Харитон Игоревич прошелся по комнате.— Два-три дня не вызовут возражений. Попытки такие имели место быть, и не все они оказывались безуспешными. Но дело это кропотливое, так просто не выгорит. А что, если у вас ничего не выйдет?

— Выйдет. Я не сомневаюсь.

Харитону Игоревичу явно не понравились такие метаморфозы. Минуту назад человек и слышать не хотел об участии в проекте, а теперь сам рвется в бой, и как рвется!

— Что ж, я доложу о вашем... служебном рвении. Пока же можете начинать работать. Анамнез я беру на себя. Материалы вам занесут.

Через три часа Хильде позвонил Кирьянов и сообщил, что срок три дня его устраивает. Еще через пятнадцать минут в кабинет принесли две толстые папки и коробку с дискетами — исчерпывающая информация о приговоренном генерале.

А еще через час Хильда, стоя у таксофона на станции метрополитена, набирала номер генерала.

Да, она знала, что работа, которую предложит ей Кирьянов, не будет пахнуть лавандой. Она знала, что иначе он не стал бы давить на нее и брать за горло, прежде чем предложить взяться за дело. Но такое! Это было слишком. Всему есть предел. Становиться на одну доску с убийцами она не желает. Будь что будет, но она сорвет этот план.

Генерал согласился встретиться на удивление быстро и легко. Хильда выложила ему почти все, что знала о готовящемся покушении. Тот слушал не перебивая, не задавая вопросов, лишь кивал в конце каждой фразы. Выслушав, спокойно поблагодарил и ушел. Хильда испугалась даже, что он принял ее за сумасшедшую.

Но генерал воспринял все более чем серьезно. Придя домой, он вытащил из ящика стола аккуратно свернутый парашютный строп. На конце стропа генерал сделал петлю. Сняв с крюка люстру в кабинете, он закрепил на нем строп. Потом побрился и, даже не смыв остатки пены, вернулся в кабинет. Встав на стул, он просунул голову в петлю, затянул ее, неумело перекрестился, закрыл глаза и оттолкнул стул.

О том, что генерал отнесся к ее предупреждению серьезно, Хильда узнала на следующий день от Харитона Игоревича и Кирьянова, примчавшихся к ней в институт. Они восхищались ее работой, говорили что-то о да-ре видеть людей насквозь, а Хильда чувствовала, как земля медленно, но верно уходит из-под ног.

Вечером того дня она впервые в жизни напилась. Напилась до тошноты, но не до беспамятства: мысль о том, что она убила человека, не желала отключаться вместе с нею.

Москва, октябрь 1998

Насоныч приехал ни свет ни заря, в половине шестого утра.

Валю и Ольгу разбудил громкий стук в дверь. Вадим сообщил им, что Насоныч просит спуститься Валю вниз. Девушки спустились вместе.

В комнате на первом этаже сидели несколько мужчин, среди которых были Насоныч и водитель, который вез Валю из отделения милиции. Остальных девушки не знали.

Насоныч поднялся с подоконника.

— Ситуация развивается чрезвычайно быстро,— произнес он убитым голосом.

Валя и Ольга ждали, что последует за столь своеобразным приветствием.

— Вы готовы? — Насоныч взглянул на Валью.

— Готова,— кивнула она.— Когда?

— Через час выезжаем.

— Через час?! — Валя окончательно проснулась.

— Через час. Сейчас мы введем вас в курс дела. Все, собственно, уже спланировано. Вам остается лишь в точности выполнить инструкции...

— А оружие? — Валя сжала ладонями виски.— И деньги? — вспомнила она.

— Деньги здесь.— Насоныч указал на «дипломат», который держал один из мужчин.— Оружие вам выдаст Вадим. Сядем. Не стоит терять времени.

В «дипломате» действительно оказались тридцать тысяч долларов. Вадим принес оружие — автомат неизвестного производства. Валя, научившись стрелять, не стала тем не менее специалистом по оружию, иначе поняла бы, что эта хорошо смазанная рухлядь может благополучно отказать после первой же очереди. Курносый, с длинным магазином автомат казался ей последним достижением милитаристской мысли.

Против присутствия Ольги на инструктаже никто особенно не возражал.

Покушение должно было состояться через два часа у подъезда дома, где Бобров недавно купил квартиру. В восемь — восемь десять Бобров в сопровождении охраны выходит из подъезда. Без четверти восемь Валя с детской коляской должна войти во двор. В коляске будет лежать автомат. Подойдя к скамейке возле второго подъезда, Валя сядет, достанет книжку с заложенным между страницами куском зеркальной пленки и будет ждать Боброва.

Во дворе в это время пусто, и одинокая мамаша не привлечет внимания охранников. Пропустив группу мимо, Валя должна будет выхватить автомат и открыть огонь, прежде чем жертва дойдет до машины. Стрелять нужно в спину и в голову. После нескольких попаданий следует бросить оружие на землю и бежать к углу дома. Уходить через стройплощадку. Телохранители вряд ли попытаются преследовать ее: зачем им рисковать? Но если погоня все-таки начнется, то Валью прикроет снайпер, который засядет на верхних этажах недостроенного дома. За стройплощадкой будет ждать машина, которая привезет ее сюда, на дачу, где будет ждать Ольга в обнимку с «дипломатом».

Выслушав инструкции, Валя долго молчала, рисуя ногтем на крышке стола.

— Что-нибудь смущает? — осторожно спросил Насоныч.

— Да.— Валя оторвала взгляд от стола.— А если я не успею добежать?

— То есть?

— Ну, если мне пальнут по ногам и скрутят тут же?

— Пальнут? — Мужчины переглянулись. Первым нашелся тот, что держал «дипломат». — Не пальнут. У охраны только газовое оружие.

— А автомат?

— Какой автомат?

— Ну, тот, который я брошу. Они его подхватят и...— Валя сделала жест, словно нажимала на спусковой крючок.

Мужчины снова переглянулись.

— Резонное замечание,— заметил Вадим.— Но это не кино. Первая реакция человека, по которому палят из автоматического оружия,— сложиться впятеро и забиться в какую-нибудь щель. Не сомневайся, охранники

так и поступят.— Он бросил взгляд на Насоныча и продолжал: — Сколько от скамейки до угла дома? Метров двадцать пять — тридцать, так? За сколько ты пробежишь это расстояние?

— Ну... — Валя принялась высчитывать.— Если стометровку я бегала за двенадцать и три, то...

— То четырех секунд тебе хватит за глаза,— подвел за нее итог Вадим.— Правильно?

— Правильно.

— Значит, у самого отважного охранника будет максимум четыре секунды, чтобы понять, что стрельба стихла, поднять голову, убедиться, что это так, вскочить, увидеть автомат...

— А если он вообще не испугается или догонит меня на стройке?

— Но ведь снайпер... — включился в разговор Насоныч.

— А если он успеет прострелить мне ногу раньше, чем снайпер его снимет?

— Ну,— развел руками мужчина с «дипломатом»,— без риска тут... дело такое...

— Подожди.— Насоныч поднял руку, прося слова, и обратился к Вале: — Что ты сама предлагаешь?

— Я... — Валя убрала руки со стола и сжала их в кулаки, чтобы унять дрожь.— Я не хочу, чтоб меня взяли живой.

— Что? — Насоныч подался вперед.

— Валя! — Ольга закрыла ладонью рот, с ужасом взглянув на подругу.

— Я не хочу, чтобы они взяли меня живой,— повторила та.

— Ну и что ты предлагаешь? — Насоныч достал портсигар.

— Дайте мне гранату.

- Что-о?!
- Дайте мне гранату. Я взорвусь, если меня ранят.
- Ты что, фильмов про партизан насмотрелась? — Насоныч, открывая портсигар, даже выронил несколько сигарет. — Какую, на хрен, гранату? Какое «взорвусь»?!
- Тогда дайте мне пистолет, — невозмутимо предложила Валя.
- Пистолет! У нас что тут, тульский завод? И зачем тебе еще и пистолет?
- Я положу его в карман и застрелюсь, если не смогу убежать.
- Нет, — Насоныч в сердцах хлопнул ладонью по столу, — ты точно кино насмотрелась! Последний патрон — для себя! Может, тебе еще, как профессору Плейшнеру, ампулу дать?
- Дайте мне пистолет. Можно с одним патроном, — упрямо повторила Валя.
- Сумасшедший дом! — Насоныч патетически взмахнул руками.
- А ведь есть там какой-то пугач, — произнес один из мужчин, до этого молча следивший за происходящим. — Парабеллум, кажется.
- Какой парабеллум?! — взревел Насоныч.
- Ну, у копателей брали осенью. Те-то стволы загнулись, а парабеллум стрелял...
- Действительно, — поддержал его тот, что с «дипломатом». — Что тебе, ствола жалко для хорошего дела?
- Да не жалко мне, — сразу сник Насоныч, — просто с таким настроением на серьезное дело идти...
- Настроение у меня бодрое, не сомневайтесь. — Валя выпрямилась, скрестив руки на груди. — Если хотите, я могу этот пистолет купить.
- Купить! — хмыкнул Насоныч. — Еще чего. Вадим!
- Да?

- Принеси пистолет. Жив он еще?
- Был где-то в подвале,— пожал плечами инструктор.— Можно поискать.
- Так ищи.
- Вадим ушел.
- Ну, повторим все еще раз.— Насоныч склонился над столом.
- Сколько у нас времени до выезда осталось? — перебила его Валя.
- Минут пятнадцать.
- Тогда не будем ничего повторять. Я все поняла. Мне нужно еще попрощаться с подругой и сходить по одному делу.
- По какому еще делу? — простонал Насоныч.
- По маленькому,— усмехнулась Валя, вставая из-за стола.

Москва, октябрь 1998

Ноги отказывались служить, и Макс тяжело облокотился о крышу машины. Все тело охватила непонятная слабость, к горлу подступила тошнота. Это от страха или это уже симптомы болезни?

Макс открыл дверцу машины и, бросив сумку на правое сиденье, сел за руль. Его трясло. Хотелось завывать, разбить что-нибудь, сломать, взорвать. Но кого? Кого винить? Кого выдернуть из вереницы смазливых мордашек, чтобы стереть в порошок, смешать с пылью? Никого.

Макс взял сумку и вытащил оттуда ворох бумажек. Больше половины того, что ему подавали в этом центре, были всякие буклеты и листовки, призывающие вести здоровый образ жизни, отказаться от наркотиков и обратиться к разным богам от Христа до Бугушатты. Вот

на этих буклетах Макс и начал отрываться, методично изничтожая их и выбрасывая за окно. Многие из них были отпечатаны на хорошей бумаге, и требовалось приложить изрядные усилия, чтобы разорвать их, так что Макс имел возможность хоть немного отвести душу.

Но и тут его ждала неудача. Макс успел порвать всего три или четыре буклетика, как был прерван легким постукиванием в стекло задней двери.

Он повернулся и увидел двух сотрудников ОМОНа.

— Чего?! — огрызнулся Макс. Он готов был сделать с ними то же самое, что и с листовками, проповедующими правильный образ жизни, но выработанный годами рефлекс отступать перед мундиром удержал его. Да и начавший брать свое здравый смысл настойчиво напоминал, что жизнь еще не кончена, и тем более грустно было бы провести ее остаток в зоне все равно какого режима.— Что случилось? — переспросил Макс более вежливо, прежде чем стражи порядка успели принять заданный тон.

— Нехорошо.— Один из омоновцев указал концом дубинки на кучку рваной бумаги, которую уже начал рассеивать по асфальту легкий осенний ветерок.

Макс высунул голову из окна и с досадой посмотрел на устроенный им беспорядок. Не хватало еще, чтобы менты потребовали от него собрать мусор.

— Беда у меня, мужики,— сказал Макс убитым голосом, то ли оправдываясь, то ли пытаясь найти сочувствие.

— Понимаю,— кивнул омоновец, посмотрев на фасад здания, где находилась клиника.— Но с нас тоже спрашивают. Ехать-то можешь?

— Могу.— Макс с готовностью положил руки на руль.

— Да ты не спеши, посиди, если что,— спохватился омоновец.— А то один тут с разбегу в столб... Кровищи!.. На «ровере», кстати...

Макс посмотрел на столб. Глубокая вмятина красноречиво подтверждала рассказ.

«А что,— мелькнуло в голове,— это выход. Разогнался — и все».

— Сразу не умер,— словно прочитав его мысли, продолжал мент.— Вырезали его из машины. Одну ногу так в салоне и оставили. Кровищи было...

— Да уж,— встрял в разговор второй.— Прикинь, участковый пришел с бригадой отмывать. А бригада — три путанки! И вот они на шпильках, размалеванные такие...

— Ладно,— оборвал его первый,— пошли.

Они двинулись вдоль здания. Первый омоновец что-то объяснял второму, красноречиво постукивая концом дубинки по голове.

Макс посидел еще немного и завел двигатель. Он не представлял, куда ехать теперь, но тронул машину и покатиł в центр.

«Вот такая подлая штука жизнь,— думал он, то еле волочась в правом ряду, то вдруг топя педаль и принимаясь обгонять всех подряд.— Живешь себе так хорошо, и вдруг... Вдруг все проблемы с наездами, деньгами, бабами и необеспеченной старостью становятся сущими пустяками».

Как-то незаметно для себя Макс выехал на Садовое, промчался по нему и уверенно свернул, все еще не очень понимая, куда едет, словно кто-то вел машину за него. Остановился он только тогда, когда впереди заблестели на солнце купола Елоховской церкви.

Макс заглушил двигатель и сел, навалившись грудью на руль и подложив под подбородок кулак.

Почему именно он? Не наркоман, не педик. И баб он, как-никак, выбирал. Со всякой падалью не шлся. И вот — на тебе! За что, Господи? Ответь, если ты есть! Почему эту гниль бандитскую, бомжей, изъеденных вшами и заразой, мусоров поганых ничего не берет? Чем он, Максим Андросов, так провинился? Никого не убивал... Какие там еще грехи есть? Не воровал. Не потому, правда, что сильно идейный, а потому, что боялся по-пасться. Но какая разница? Попы, положим, тоже водя-ру жрут по-черному, и ничего — по-пы. Так где же спра-ведливость?

В полемическом задоре Макс выудил из оставшихся книжек брошюру православной общины.

— Сейчас посмотрим, что у вас там,— кивнул Макс куполам, разворачивая брошюру.

Из брошюры выпал сложенный вчетверо листок. Макс отшвырнул его в сторону и углубился в книгу.

Москва, октябрь 1998

— Я понял,— повторил Шала в третий раз, словно Жора продолжал что-то говорить.

В действительности все донесение Жоры состояло из одной-единственной фразы. Жора сообщил главное и теперь ожидал дополнительных вопросов, на которые ему очень хотелось бы ответить, дабы выслужиться пе-ред вором. Но, увы, ответа на самые очевидные вопросы Жора не знал. Да, он первым сообщил о смерти Жука, но больше ничего интересного рассказать не мог.

Шала нервными движениями мял резиновое коль-цо — эспандер, хотя лицо его оставалось невозмутимым.

Жору уже начала томить затянувшаяся пауза, когда вор произнес первую фразу:

— Это та тварь.

Жора переступил с ноги на ногу, не зная, что сказать и стоит ли вообще комментировать замечание Шалы.

— Насоныч. К-козел...

Жора снова промолчал. Он не знал, кто такой Насоныч. Слышал имя несколько раз, но понятия не имел, кто это такой.

— Найди Вартана и свистни ребятам, да?

— В кафешку? — Жора резко дернулся, словно соби-
рался сорваться с места, но остался стоять, где стоял.

— Да. Там. Гуза, Ося, Серп... — Шала покачал головой. — Кого найдешь. Всех ко мне. Всем дело будет. Да-
вай, Жора, давай, дорогой...

Дождавшись, когда за Жорой закроется дверь, Шала уселся в кресло и включил телевизор. Сообщение его абсолютно не взволновало. Жук был уже приговорен, так что невелика беда, если кто-то прикончил его на не-
делю раньше. Так даже лучше. Хуже другое: кто-то осмелился расправиться с его бойцом. Кто? Собствен-
но, кроме Насоныча, других вариантов и не было. Вряд ли Жук так сильно мешал еще кому-то, кроме реклам-
щиков. Но Насоныч тоже не совсем подходил на эту роль. Ни к чему это Насонычу.

Еще полгода назад Шала и Насоныч задумали потес-
нить мелкие рекламные фирмы, собрать их под одной
крышей. Начинать открытую войну было рискованно.
Каждая такая контора кормила своих бандитов. Это бы-
ли мелкие группировки, но воевать против всех одно-
временно тяжело. Тогда Шала решил действовать хит-
рее, убив сразу двух зайцев. С одной стороны, разо-
браться с рекламщиками, загребая жар чужими руками.
С другой стороны, его начинал беспокоить бобровский
клан: ребята богатели, борзели и могли оборзеть вовсе и
выйти из повиновения.

План Шалы был довольно прост. Предложить Бобрам подмять под себя рекламные фирмы, предоставив им в качестве средства убеждения бригаду Жука. Когда интересующие конторы будут прибраны к рукам, старшего Бобра надлежало ликвидировать. Справиться с младшими Бобрами Шала считал делом пустяковым. В итоге Шала получал контроль над фирмой братьев, расширенной за счет внедрения в рекламный бизнес. Насоныч становился управляющим и получал свою долю. А чтобы успокоить мелкую братву, Шала планировал вызвать Жука на разбор и призвать его к ответу за беспредел, учиненный в ходе подчинения рекламного народа. Самого Жука и пару-тройку его друзей Шала собирался похоронить, а оставшихся без работы и средств братков из мелких бригад призвать под свои знамена.

Поначалу все шло по плану. Но тут Бобра мочит какая-то невесть откуда взявшаяся девица. Причем мочит за несколько часов до того, как это должен был сделать киллер, якобы нанятый Насонычем. Сам Насоныч клянется, что ничего не понимает. Теперь картину портило убийство Жука. Если его заказал не Насоныч, которому, по правде говоря, не было смысла это делать, то круг подозреваемых расширялся неимоверно: любой бандит, прикрывавший одно из подмятых Шалой рекламных агентств, мог начать мстить обидчику. Шалу беспокоил этот вариант. Во-первых, у него из-под носа увели главного козла отпущения. Во-вторых, отдававший крови волчонок мог не удовольствоваться смертью только бригадира и выкинуть еще какой-нибудь фокус.

Формально Шала в этой войне не участвовал, так что вряд ли у убийцы Жука есть счет к нему лично. Но лучше не рисковать. Шала принял решение изменить правила игры. Теперь он отделается от Насоныча и пары его приближенных. Все проблемы можно будет списать на

них. Кроме того, Шала не любил терять контроль над ситуацией. Если, вопреки здравому смыслу, Жука замочили люди Насоныча, значит, рекламщик ведет свою игру. Тогда лучше убрать его сразу, чем рисковать.

Таким образом, Шала собирался поставить перед людьми из обезглавленной группировки Жука две задачи: убрать Насоныча и пару его приближенных и попытаться найти непосредственного убийцу Жука.

В успех второго предприятия старый вор не верил, а первое задание не должно было занять много времени. Так что через пару дней Шале понадобится управляющий концерном. Вот над этим предстояло подумать серьезно.

ГЛАВА 15

Москва, октябрь 1998

Найти нужную машину не составляло труда. Инструкции были исчерпывающими, так что только последний кретин мог ошибиться. Сложнее оказалось со шлангом. Насколько его подрезать?

Тут Серп боялся ошибиться. Сделаешь слишком мелкий порез — не произойдет аварии, переборщишь — через час под машиной образуется лужа, и любой чайник сообразит поинтересоваться, откуда натекло. Лучше бы эта баба написала, на сколько нужно прорезать шланг, чем расписывать, где стоит машина, цвет, номер и прочее.

Но возможности переспросить заказчицу не было, а советоваться с кем-либо было небезопасно. «Эй, мужик, не подскажешь, как лучше подрезать тормоза, чтобы водитель наверняка впаялся в столб?» — «А зачем тебе?» — «Да просто так...» Не с кем было посоветоваться, а десять штук на дороге не валяются.

Серп вздохнул, еще раз огляделся и полез под машину. Вытащив из рукава нож для резки обоев, он выдвинул лезвие.

Ему показалось, что пластмасса щелкнула слишком громко, и он замер, прислушиваясь. В соседнем дворе орала музыка, где-то что-то гудело, со стороны проспекта доносился гул проезжающих машин. Неподалеку раздавались мужские голоса, но они приближались. Больше ничего примечательного.

Серп взялся за шланг и занес нож. Насколько?

Поколебавшись, сложил шланг кольцом и осторожно провел ножом по сгибу. Лезвие оставило в резине след, но, помяв немного шланг рукой, Серп убедился, что порез не сквозной.

Он снова провел лезвием по шлангу. На сей раз темная капля тотчас выступила из пореза и осталась на зеркальной поверхности японского лезвия.

Серп снова согнул шланг. Еще одна капля упала на асфальт, чудом миновав рукав его куртки. Серп отпустил шланг и решил посмотреть, что будет. Почти сразу же резина в месте пореза перестала быть матовой, заблестев темной влагой. Не прошло и полминуты, как следующая черная слеза шлепнулась на асфальт рядом с кляксой, оставшейся от предыдущей капли. Большого и не требовалось.

Серп выбрался из-под машины.

Операция была успешно завершена, но оказалось, что его поджидает сюрприз. Возле соседней машины стоял довольно плотный, среднего роста мужичок и внимательно наблюдал за происходящим, словно, сидя в партере, пьесу смотрел.

— Не простудишься? — поинтересовался мужичок, когда Серп, поднявшись, испуганно воззрился на него.

Серп криво улыбнулся, лихорадочно осматривая погружающийся в сумерки двор в поисках путей отступления.

— Мячик, вишь, закатился...

— Достал?

— Чего?

— Мячик свой достал? — Мужичок чувствовал себя все увереннее.

— Мячик? — Серп удивленно посмотрел на свои руки, словно надеясь увидеть в них мяч, и пожал плечами. — Нет, укатился куда-то в темноте. Наверное, и не найти теперь.

— Жалость какая! — Мужичок сделал шаг, перекрывая Серпу путь к отступлению в глубину квартала. Теперь бежать можно было только в сторону людного проспекта.

— Ну, пойду я, — с сожалением в голосе произнес Серп и повернулся, намереваясь обойти мужичка.

— Я провожу, — с готовностью сказал тот.

— Куда? — спросил Серп, решив про себя, что, если этот живчик собирается тащить его к участковому, значит, перед ним законченный дурак, которому достаточно двинуть в рыло.

— Сначала зайдем к хозяину машины, — мужичок указал на дверь подъезда, — а потом вместе поищем твой мячик.

Серпу понадобилось меньше трех секунд, чтобы принять окончательное решение.

— Пошли. — Он бодро двинулся к дому.

Мужичок последовал за ним, держась на расстоянии метра.

У самой двери Серп неожиданно остановился и, обернувшись через левое плечо, вскинул руку, указывая в противоположный конец двора.

— Так вот же он сам! — воскликнул Серп радостно, тыча пальцем в пустоту.

Мужичок легко купился на этот старый-престарый фокус. Он повернулся, пытаясь проследить направле-

ние, в котором вытянулся палец. Схватив его за ворот куртки, Серп вогнал ему в горло наполовину выдвинутое лезвие японского ножа.

Видимо, мужичок не зря был так уверен в своих силах: с удивительным проворством он отбросил схватившую его руку, ударив по ней так, что хрустнула кисть. Но этим лишь ускорил собственную смерть — от удара лезвие еще глубже вошло в его горло.

Серп опустил онемевшую руку, другой рукой вытащил нож, не вытирая, закрыл и, сунув в карман, поспешил смыться.

Москва, сентябрь 1998

Машины остановились во дворе соседнего дома.

— Готова? — Насоныч обернулся и посмотрел на сидевшую сзади Валю.

— Готова.— Она поправила бутафорскую юбку — длинный лоскут материи, обернутый вокруг талии поверх брюк. Это был неплохой ход: мамаша в юбке сморщится вовсе божьим одуванчиком и вряд ли ее заподозрят в чем-то нехорошем. К тому же бежать в длинной юбке довольно трудно, так что, избавляясь от своей бутафории на бегу, Валя увеличивала свои шансы на успех.

— Дальше тебе придется идти одной. Пройдешь вон там, через арку.

— Второй подъезд,— кивнула Валя.

— Да, второй подъезд.

— Ну, я пошла.— Валя решительно открыла дверцу.

— Валентина! — окликнул ее Насоныч.

— Да?

— Ни пуха тебе!

Во взгляде его было столько сочувствия и тревоги, что, будь Валя полной дурой, непременно усомнилась бы в словах Сергея.

— К черту! — Она с силой захлопнула дверцу, но заграничная техника сработала безупречно, смягчив удар до минимума.

Валя развернула коляску, задержалась на минуту, чтобы отрегулировать ручку под свой рост, и не торопясь пошла по пустынному двору. Оставшиеся в машинах мужчины смотрели ей вслед.

— Поехали,— скомандовал Насоныч.

Водитель молча тронулся и начал разворачиваться.

— А что, смотреть шоу не будем? — Пересевший из второй машины на Валино место мужчина с беспокойством взглянул на удалявшуюся фигуру девушки.

— Ни к чему,— коротко ответил Насоныч.

— А если что пойдет не так?

— Что, например?

— Ну, скажем, она успеет удрать.

— Не успеет. Она побежит к забору, к дырке. Но ее ждет сюрприз: дырки там нет. И потом, она не убежит. Мальчики завалят ее в два счета.

— А если она завалит твоих мальчиков?

— Ну, это уже чересчур.— Насоныч покачал головой.— Во-первых, она в принципе не настроена убивать лишних людей. Во-вторых, она не знает, что они для нее опасны и что у них боевые стволы. Кстати, насчет бронежилетов она тоже вряд ли догадывается. В-третьих, ее тарактелка заглохнет после первой же очереди...

— А в-четвертых, четверых можно уложить и одной очередью.

— Можно. Но у меня есть еще «в-пятых» и «в-шестых». В-пятых, один из ребят предупрежден и будет настороже.

— Даже так? — Мужчина хмыкнул.— Ловко. А что в-шестых?

— В-шестых? — Насоныч обернулся с довольным видом.— В-шестых, если девочка удерет, то мы просто сохраним прошедшего крещение бойца.

— Не знаю.— Мужчина поморщился.— Хозяин, конечно, барин, но я бы посадил в засаде человечка, чтоб добить, если что.

— Человечка...— протянул Насоныч.— Это же будет шито белыми нитками. Одно дело, когда обманутая супружница находит в лесу старый «шмайсер» и в одиночку идет на подлого муженька. Это красиво, романтично, правдоподобно, а главное, сразу ясно, что мы здесь ни при чем. Правильно?

Мужчина на заднем сиденье пожал плечами.

— Правильно,— ответил за него Насоныч.— Но чтобы в эту шекспировскую версию поверили, все должно быть логично от и до. Прежде всего девочка должна быть одна. Удерет она или не удерет — это второй вопрос. Но если ее подстрелит «случайный» снайпер, то любой недоумок сообразит, что за отчаявшейся жинкой стоит кто-то еще. Тогда не стоило бы и огород городить.

— Любишь ты теории разводить.— Мужчина не нашелся, что возразить, и это явно огорчило его.— А вот если возьмут ее живой?

— Не возьмут,— махнул рукой Насоныч.

— Почему нет? Случайно попадут в ляжку, догонят и скрутят...

— Да не будут они ее крутить!

— Надеешься, что она застрелится? А если нет? Если духу не хватит или железа подведет? Я так понимаю, этот ствол еще гнилей, чем автомат?

— Да ни при чем тут это! Просто не в их интересах брать ее живой. Соображаешь? Ну возьмут они ее, а она пойдет петь, как спокойно завалила клиента и сделала ноги. Это им надо? Экспертизы, разборы... Нет, им это не надо. Проще прикончить ее и представить свою версию. Что автомат у нее, скажем, не заклинило и она продолжала вести ураганный огонь, невзирая на который отважные телохранители ее атаковали и пришили. Так ведь гораздо лучше, чем давать интервью о том, как brave агенты наложили в форменные штаны и залегли на газон, пока их клиента шпиговала пулями дура бомжика.

— Да, на словах все красиво,— вынужден был согласиться с Насоным собеседник.

— Ну а для двадцать пятой подстраховки у нее есть пистолет.

— Думаешь все-таки, она такой отпетый камикадзе?

— Нет, не думаю. Но ей достаточно будет просто вытащить пистолетик. Как только вытащит, тут уж наверняка схлопочет пулю. Так что не забивай себе голову. Главное, чтобы она завалила Бобра, а уж о ней самой позаботятся в лучшем виде.

Москва, октябрь 1998

Обращение к Господу, состоявшее сплошь из риторических вопросов, быстро наскучило Максу. Он завел машину и поехал обратно в центр города.

Что ж, если дни его и так уже сочтены, нужно попытаться найти в этом какой-нибудь положительный мо-

мент. Какой, например? Например, тот, что ему больше нечего бояться. Пить, курить, трахаться, хамить всем подряд можно отныне без ограничений. Ей-богу, смешно теперь беречь здоровье, когда его осталось максимум на несколько лет. Кстати, насколько он знал, умирать от этой дряни — штука не только досадная, но и болезненная. Медленному утасанию он бы предпочел смерть от пули в какой-нибудь пьяной разборке.

Да! Макс хлопнул ладонью по рулю. На работу теперь тоже можно забить. Деньги в чулке есть, а несколько проектов приносят хоть и небольшой, но постоянный доход и без его участия. А раз есть бабки, то глупо оставлять их на этом свете. Лучше уж просадить все подчистую. Точно! Он просадит все, а потом подойдет к какому-нибудь крутому мену и даст ему в рыло. Или придавит пару ментов. Пусть его пристрелят.

Отчаяние вдруг сменилось эйфорией. Макс поставил кассету и, врубив звук на полную мощность, нажал на педаль газа. А что? Пусть штрафуют! Плевать!

Оштрафовать Макса не успели. Едва стрелка спидометра коснулась отметки «100», пришлось резко тормозить: на кольце была пробка.

Он втерся в общий поток и медленно потащился с ним на север. Потеря скорости скверно отразилась на настроении: эйфория начала рассеиваться, быстро переходя в желание горько заплакать. Чтобы избежать этого, Макс принялся правой рукой собирать разлетевшиеся по салону бумажки. Один листок упал на пол, и, чтобы поднять его, пришлось ждать, когда машина остановится. Это была та самая сложенная бумажка; выпавшая из православной брошюры.

Макс отогнул край указательным пальцем. В этот момент идущая впереди «хонда» резко тормознула, и Макс едва успел остановиться в считанных миллиметрах

от ее бампера. Однако краем глаза он заметил в записке нечто, заставившее его вернуться к письму, едва он убедился, что избежал аварии. Письмо начиналось со слов: «Прощай, Максим».

Макс развернул листок и пробежал глазами ровные строки. Дойдя до конца, он принялся перечитывать еще раз, не обращая внимания на то, что ряд его тронулся и машины сзади отчаянно сигналият, требуя продолжать движение.

Прощай, Максим.

Пишет тебе Оля Климова. Надеюсь, ты еще помнишь, кто это. В первых строках письма спешу сообщить тебе, что ничего не проходит безнаказанно. Вот и с тобой мне удалось рассчитаться. Боюсь, ты не успеешь промучиться столько же, сколько пришлось мучиться мне, и умрешь раньше. Но я не так жестока. Не хотелось убивать тебя сразу. Теперь у тебя будет время поразмыслить о своей прошлой жизни и, может быть, попытаться искупить хотя бы часть зла, которое успел сотворить.

Прощай.

Оля.

P.S. Кстати, я облегчу тебе задачу. Можешь не ломать голову, где ты заразился. Вспомни молдаванку Карину. Привет тебе от нее. Ее тоже можешь не искать.

Макс медленно смял письмо, зажав его в кулаке, и стиснул пальцы так, что казалось, сейчас из бумаги закапает влага.

— Ну... — выдохнул он и, вцепившись в руль, обернулся назад, пытаясь сообразить, как быстрее развернуться.

Меньше чем через полчаса он уже тормозил у дверей клиники. Проигнорировав окрик охранника, что перед крыльцом парковка запрещена, он вбежал в холл, потом

ворвался в кабинет и остановился, увидев, что за столом никого нет. В следующее мгновение из-за ширмы выглянул докторишка.

— В чем дело? Выйдите из кабинета!

— Иди сюда! — Макс схватил его за ворот халата и рванул на себя. Халат лопнул на спине, докторишка потерял равновесие и врезался в буйного посетителя.

— Вы что, с ума сошли?! — закричал он, но в голосе его уже не было прежней уверенности. — Что происходит? Что вы делаете?!

Макс схватил его за грудки и, оттолкнув, усадил на стол. Удерживая обалдевшего от подобного обращения врача в таком положении, Макс вытащил из кармана рубашки скомканный листок и, развернув его, сунул лекарю в лицо.

— Что это такое? — прорычал Макс, для убедительности встряхнув докторишку за халат.

— Что? — Тот, близоруко щурясь, попытался отстраниться от листка. — Я не понимаю...

— Что это за хрень?! — Макс тряхнул сильнее, и эскулап пришел в себя.

— Да пустите же! — Он неожиданным рывком отцепил руку буйного пациента от своего халата, оттолкнул Макса и, используя полученное преимущество, соскочил со стола. — Вы что, помешались?! Хулиганье!

— Что это такое?! — продолжал трясти смятым листком Макс.

Еще с минуту они насакивали друг на друга, как бойцовые петухи, но медик первым взял себя в руки. Он выхватил у Макса листок и, развернув его, начал читать. Брови его то поднимались, то сходились у переносицы. Наконец он поднял глаза на Макса:

— Где вы это взяли?

— Где я это взял? — В голосе Макса еще слышалась ярость, но на сильную вспышку запала уже не хватило. — Да в вашей чертовой брошюре!

— Какой брошюре?

— Ну, про светлый путь в царство Христово... и еще какую-то дребедень.

— Идем.

Они вышли в коридор и подошли к столику, заваленному буклетами, брошюрами, листовками.

— Какая? — Врач сделал приглашающий жест.

Макс неуверенно осмотрел кипу бумаг. Не увидев знакомой брошюры, сдвинул несколько листовок...

— Вот! — Он наконец выхватил показавшуюся из-под плакатика «Без наркотиков» брошюру с куполами. — Вот эта!

Он встряхнул книжечку, словно то была неотразимая улика. Из брошюры выпал сложенный листок. Врач быстро поднял его, развернул и, проглядев мельком, протянул Максy.

— К сожалению, мы не отслеживаем, кто приносит эту литературу, — пожал он плечами. — А сестра, очевидно, просто собрала для вас все, что увидела. Я понимаю ваши чувства, но помочь ничем не могу. Скажу лишь, что периодически пролистываю то, что здесь лежит, и еще вчера таких книжек здесь не было. А вам я советую немедленно обратиться в милицию: умышленное заражение СПИДом — уголовно наказуемое деяние. Если надумаете действовать согласно УК, я дам все необходимые справки. А сейчас прошу простить, меня ждут пациенты.

Развернувшись на каблуках, врач удалился в кабинет.

Макс перерыл на столе всю кучу и обнаружил еще две брошюры. В обе были вложены записки.

Ну подожди, Оленька Климова! Макс у пришло в голову, что, если даже семья Климовых за эти несколько лет и переехала куда-то, установить новый адрес будет не сложно. А где они жили семь лет назад, он помнил отлично.

Потеряв минут сорок в пробке у Курского вокзала, Макс погнался на полную, наворачивая упущенное. Перед очередным светофором, видя, как насмешливо замигал зеленый, Макс прибавил газу, рассчитывая проскочить. Идущий впереди грузовик начал тормозить, и Макс у пришлось переставить ногу, но машина не сразу стала сбрасывать скорость. Кроме того, ее резко повело вправо...

Москва, сентябрь 1998

Ольга из окна смотрела вслед уезжавшим машинам. Рядом с ней стоял Вадим.

— Не нервничай ты так.— Он положил ей руку на плечо.— Она же нормально подготовлена, а дело выведенного яйца не стоит.

— Дело выведенного яйца не стоит,— повторила Ольга, едва разомкнув губы. Мозг ее лихорадочно работал. Ей нужно выбраться отсюда. Выбраться отсюда и добраться до дома Боброва раньше, чем тот выйдет из подъезда и начнется кутерьма.— Дело не стоит выведенного яйца...

— Конечно.— Рука Вадима сжала плечо девушки чуть сильнее.— Одна очередь и пробежка триста метров...

— Вадим, а ты много людей убил?

— Я? — Вадим задумался. Вряд ли он подсчитывал, скорее прикидывал, как ответить: зависить цифру или наоборот.

— Много? — настаивала Ольга.

— Много,— кивнул Вадим и добавил, наклонившись к самому уху Ольги: — Очень много. Но это было на войне. Мы там дрались один к десяти. Не убьешь всех десятерых — один из них убьет тебя. А если рядом кого-то положили, то на тебе еще те, кого он не добил...

Внезапно Ольга резко развернулась и бросилась Вадиму на шею. Она впиалась неумелым поцелуем в его губы, обвила руками и ногами. От неожиданности инструктор чуть не потерял равновесие.

— Вадик, милый,— зашептала Ольга сквозь всхлипы,— мне страшно! Мне страшно, хороший мой, защити меня, помоги мне!

— Ага,— только и прогудел остолбеневший Вадим.

Подталкивая инструктора к спальне, Ольга расстегивала его рубашку и свою блузку. Не прошло и минуты, как полуголый Вадим рухнул под Ольгиным натиском на кровать.

— Я сейчас.— Девушка вдруг остановилась.— Мне на секундочку... Ты выключи пока свет.

— Ага.

А еще через минуту Ольга в обнимку с «дипломатом», где среди денег лежали прихваченные впопыхах кусок сыра и банка паштета, выбегала из дома.

Но Вадим оказался не так прост. Немного задержали его джинсы: будь он в форменных брюках, на одевание ушло бы секунды три, но узкие стильные «левисы» натянуть сразу не удалось. Когда он рванул входную дверь, Ольга как раз захлопнула калитку, потратив лишнюю секунду, чтобы повернуть щеколду, в расчете хоть на мгновение задержать погоню. Но Вадим и не думал пользоваться калиткой: он просто перемахнул через воро-

та, словно через стенку на полосе препятствий, успев заметить Ольгу, бегущую по шоссе в сторону города.

Она бежала не оборачиваясь. Единственное ее оружие — заточка, сделанная Валею по технологии зоны из столовой ложки,— было зажато в левой руке. Если Вадим догонит ее, то будет в первую очередь фиксировать правую руку, не ожидая удара левой. Если же он просто выстрелит ей в спину, то зачем оборачиваться? Еще попадет в лицо, и лежи потом в закрытом гробу, как траченный жмурик.

Неожиданно рядом притормозил и покатился на малой скорости «БМВ». Ольга сначала шарахнулась в сторону, а потом увидела, как распахивается на ходу дверца. За рулем сидел Сергей.

Впервые за время погони обернувшись, Ольга увидела метрах в пятнадцати бегущего Вадима. В вытянутой руке он держал пистолет-автомат. Расстояние стремительно сокращалась, думать было некогда, и Ольга рыбкой нырнула в открытую дверцу.

Машина увлекла девушку вперед, и Ольга, упав, вцепилась в сиденье. Ноги потащило по земле. В этот момент тонированное стекло со звонким хлопком разлетелось вдребезги, окатив фонтаном осколков,— Вадим дал по машине первую очередь.

Ольга закричала, но в ту же секунду Сергей схватил ее за волосы и рванул вверх. На мгновение ноги ее поднялись над землей, потом снова удар об асфальт и — адская боль в левой ноге.

Еще рывок! Ольга ударилась носом о руль, тут же почувствовав, что колени ее нашли наконец опору, стала карабкаться через спинку переднего сиденья на заднее и свалилась, едва не свернув себе шею.

Спасена!

От радости она не сразу поняла, что Сергей кричит ей. Напрягла слух и изрядно перекантованные мозги и услышала:

— Куда?! Куда они ее повезли?!

Словно автомат, Ольга выпалила адрес, который все время повторяла про себя. Лишь в последний момент в мозгу щелкнул какой-то предохранитель, и она назвала другой номер дома.

— Понял. Переодевайся!

На голову ей обрушился ворох каких-то тряпок.

ГЛАВА 16

Москва, август 1998

— Что за девчонка? — Шала смотрел на Сергея недоверчиво.

— Неизвестно, что за девчонка. Тянула, недавно откинулась. — Сергей развел руками. — Так, обрывки, слухи, случайные фразы. Не знаю пока, за что зацепиться.

— Но ты уверен, что все так?

— У меня там стоял «жучок». Я сам слышал разговор.

— Стоял... — Шала задумчиво перекинул четки. — Почему сейчас не стоит?

— Не стоит, потому что нашли.

— Нашли! — Шала поднял палец. — Нашли, значит, могли найти и раньше. Может, они его и раньше нашли, а тебе туфту гнали. Может так быть?

— Может. Только я так не думаю, — покачал головой детектив. — Я слышал, как они его нашли. Крику было столько, что чуть аппаратура не поехала.

— Все равно это... — Шала собрал пальцы в щепотку и потер их друг о друга, словно посыпая что-то солью. — Это очень мало, да? Кто-то кому-то сказал...

— Попробую нарыть что-нибудь еще.

— Попробуй,— кивнул вор.— И знаешь, надо как-то поговорить с этой девкой.

— Я уже говорил...

— Да знаю,— с досадой оборвал его Шала.— Тогда ты говорил, когда она еще не знала, кто такой Харон. По ее базару. Но, может, она мутит. Надо проверить.

— Попробую.

— Попробуй.— Вор продолжал медленно перекидывать четки.— И знаешь, поговори с ней еще, раз уже познакомился.

— Как? Она же сидит в теремке.

— Не сидела бы в теремке, я бы послал кого-нибудь другого.— Шала улыбнулся.— Но ты ведь у нас специалист. Вот и подумай, покрутись.

— Ну а если мне это удастся?

— Хорошо.— Шала торжественно поднял руки ладонями вверх.

— Хорошо,— хмыкнул Сергей.— А в цифрах?

— Насчет цифр мы договоримся. Если у тебя получится, будешь ее оттуда вытаскивать.

— Вытаскивать?!

— Да, надо будет ее вытаскивать.

— Как же я буду ее вытаскивать?

— Ну, не знаю. Как ты Мусу вытаскивал? Не из дачи, а вытащил. А здесь — тьфу! — домик, да?

— Но Муса-то сам хотел, чтобы его вытащили.

— Сделай так, чтобы и твоя бабенка захотела.

— Как?

— А! Что ты все меня спрашиваешь? Я бабки плачу, да? Мне все равно как. Припугни ее, скажи, что ее хотят замочить...

— Нелогично. Какой смысл держать ее на даче, чтобы потом замочить?

— Э, логично, нелогично. Мне все равно. Придумай, чтобы было логично. Короче,— Шала поймал четки в кулак,— узнавай и готовься тащить ее. Да?

— Да-то да, но...

— О бабках не беспокойся. Сторгуемся.

Москва, сентябрь 1998

Немного придя в себя, Ольга первым делом посмотрела в заднее стекло.

Они еще не свернули, и участок шоссе хорошо просматривался до самых ворот дачи. Вадима видно не было. Ольга села прямо, успокаивая дыхание. Сергей вел машину молча.

Они проехали довольно много, уже оставив позади кольцевую, и въехали в Москву.

— Ну все? — Сергей обернулся.— Что ты сидишь-то? Переодевайся!

Ольга перевела взгляд и увидела, что ворох тряпок, который ей бросил Сергей,— это спортивный костюм и кроссовки. Не тратя времени на лишние вопросы, она скинула изрядно потрепанные во время погони тапочки и принялась стягивать разорванные джинсы.

— Какими судьбами? — спросила она, пытаясь определить, где у пестрых тренировочных перед.

— Если скажу... — Сергей наклонил голову.

— Не поворачивайся! — цыкнула Ольга.

— Хорошо, хорошо.— Сергей демонстративно повернул зеркало заднего вида так, что Ольга увидела в нем карман его рубашки.— Так вот, если я скажу, что просто проезжал мимо, то ты ведь не поверишь?

— Даже из благодарности.— Ольга уже влезла в штаны и теперь шнуровала кроссовки.

— Тогда скажу честно. Мне заказали выкрасть тебя. Случая не представлялось, а сегодня утром наехала такая толпа... Я испугался, что тебя перевезут в другое место или пустят в расход. Позвал товарища, решили попробовать тебя отбить.

— Вдвоем?

— А что? Тормознуть машину — пара пустяков. Две машины, конечно, сложнее, но мы бы стали тормозить только вашу. А теперь еще проще: ты осталась в доме при малочисленной охране. Решили штурмовать дом, пока вы будете... мм... заняты.

Сергей взглянул в зеркало, и Ольга увидела его смеющиеся глаза.

— Чем заняты?! Ты о чем? — вспылила она.

— Известно чем. Микрофончик у нас в вашем доме остался.

Ольга покраснела.

— Да ладно тебе! — сказал Сергей. — Ничего такого ведь не было. И потом, радиорепортаж совсем не то, что телетрансляция.

— Так что дальше? — Ольга с силой застегнула «молнию» на куртке.

— А дальше мы поняли, что в доме что-то происходит, и догадались, что ты собираешься сделать ноги. Что, кстати, в чемоданчике?

Ольга только сейчас вспомнила про «дипломат» с деньгами. Она резко подалась вперед, и сердце ее радостно забилося: заветный кейс лежал в салоне. Видимо, ныряя, она успела бросить его на сиденье.

— Сыр, фотки, бумажки всякие... — небрежно махнула она рукой.

— Паспорта, визы? — предложил свою версию Сергей.

— И паспорта.

Тем временем они выехали на центральный проспект.

— Так кто, говоришь, поручил тебе нас выкрасть?

— Я говорю? — Сергей изобразил крайнее недоумение. — Я такого не говорил.

— То есть как?

— Я сказал, что мне поручили выкрасть тебя, а не вас. Улавливаешь разницу?

— Не совсем. Куда же мы тогда едем?

— По тому адресу, который ты назвала.

— А зачем?

— Интересный вопрос. — Сергей сделал небольшую паузу. — Ты уже кое-чему научилась и вряд ли согласишься мне на слово.

— Еще бы, — кивнула Ольга.

— Несмотря на то что я спас тебе жизнь, — заметил Сергей.

— Откуда мне знать, может, вы с Вадимом все это специально подстроили. Разыграли спектакль.

— Ага, и твой секс-налет на Вадима — тоже часть плана. — Детектив не удержался от соблазна съязвить. Правда, тут же отступил: — Шучу, шучу!

— Могли ждать момента, а тут вам повезло: я сама начала действовать, — не сдавалась Ольга.

— Я понял. — Сергей решил не тратить время на пустые споры. — Ты мне не доверяешь. И адрес дала неправильный, так?

— Если ты знаешь, куда ехать, то зачем спрашивал? Проверить?

— А я и не знал. Но я слышал про Бобра, и понять, что поездка в дом восемнадцать связана с тем, что Бобров живет в доме двадцать, было не сложно.

Ольга посмотрела в окно:

— Подъезжаем?

— Да, уже рядом.

— Так зачем же мы туда едем, если тебе нужна только я?

— Опять нестыковочка. Не мне, а моим заказчикам. Им нужна даже не ты, а...

— Харон.

— Ну да. А мне нужно, чтобы ты мне поверила. Поэтому я собираюсь помочь тебе и твоей подруге. Тогда, возможно, ты поможешь мне. Хотя бы из благодарности. Теперь рассказывай, что здесь должно произойти.

— Я пока сама не знаю.

— Давай только без вранья. Валя должна завалить Бобра. Как, где, когда, сколько у нас времени?

Ольга молчала, глядя в окно.

Машина въехала в подворотню и встала. Сергей обернулся:

— Слушай, это же твой шанс! Твой и Валин. Ну, где? Когда?

— Сейчас,— произнесла Ольга одними губами.— Через двадцать минут у подъезда.

— Хорошо.— Сергей вдруг схватил ее за руку и потянул вперед между спинками сидений.

Она даже не успела понять, что происходит, как острая боль в локте заставила расслабить руку. Щелкнули наручники, и Ольга оказалась прикованной к рулю.

— Ты посиди тут немного,— миролюбиво сказал детектив.— Я вернусь с твоей подругой. А тобой жалко рисковать. Не потому, что с тобой боги общаются, а потому, что я очень даже разделяю их вкус.— Он улыбнулся.

— Очень трогательно.— Ольга, извиваясь, пыталась высвободиться.

— Ты не возись лучше,— посоветовал Сергей, вынимая ключи из замка зажигания.— Все равно не вылезешь, а растянуть что-нибудь можешь. Жалко.

Он уже собирался открыть дверцу, но в этот момент Ольга, закинув левую руку за спинку сиденья, приставила к горлу детектива заточку и произнесла с деланной улыбкой:

— Какой ты добрый! Хочется заплакать навзрыд!

— Что там у тебя? — Сергей скосил глаза.— Ого!

— Ого. Отцепляй.

Сергей со вздохом достал ключи и отпер наручники.

— Теперь просунь их под ручку,— скомандовала Ольга, вдавив заточку чуть сильнее в горло.

— Не пролезут,— с сомнением произнес детектив.

— А ты постарайся.

Наручники легко пролезли под ручкой, и Ольга продолжала командовать:

— Теперь суй левую руку в верхний браслет.

— Оль, ты...

— Ну! — Заточка впилась сильнее, и на коже выступила капля крови.

Сергей молча застегнул браслет.

— Теперь давай вторую руку!

— Я не смогу застегнуть,— предупредил Сергей, кладя запястье на дужку.

Ольга защелкнула наручники.

— Все! Теперь ты посиди здесь! — торжествующе воскликнула она.— Вернуться не обещаю — врать не люблю.

Сергей рассмеялся.

— Что смешного?

— На всякого мудреца довольно простоты.

— Это что, угроза?

— Упаси бог! — театрально ужаснулся Сергей. — Это я про себя, про себя...

— Ну пока, скромняга! — Ольга подхватила «дипломат» и выбралась из машины. — Может, когда-нибудь встретимся.

— Встретимся, встретимся, — закивал пленник. — Не извольте сомневаться.

Ольга побежала через дворы туда, где должна была находиться Валя. Почему-то именно сейчас разработанный ими ночью план показался особенно глупым и наивным. Такой ерунды, как одежда, не предусмотрели! Не переоденься Ольга сейчас в этот балахонистый костюм, и план уже летел бы ко всем чертям. Даже сейчас бегущая девушка в спортивном костюме и с «дипломатом» смотрелась не очень естественно. Куда бы его?..

Под ноги с лаем бросилась собака, и Ольга от неожиданности чуть не бросилась на землю, но вовремя сообразила, что находится не в колонии. Собака была явно бесхозная, трудноопределимой породы. Она скакала вокруг, оглашая двор хриловатым брехом.

— Уйди! — цыкнула на нее Ольга, но зверь не унимался.

И тут Ольгу осенило. Она нашла очередную прореху в наскоро слепленном плане и тут же придумала, как исправить положение. Похлопав себя по бедру, Ольга позвала собаку за собой, быстро огляделась по сторонам и бросила «дипломат» под заросшее лопухами металлическое крыльцо трансформаторной будки.

Теперь Ольга не вызовет подозрений: обычная городская девушка, совмещающая утреннюю пробежку с выгулом собаки. Но это было еще даже не полдела. Дело было впереди — в буквальном смысле: впереди Ольга увидела Валу, катившую коляску к углу дома.

Москва, октябрь 1998

Гуза представлял собой классический образец блатного. Средних лет или, точнее, неопределенного возраста приземистый мужик. Щуплый, сутулый. Одет неаккуратно. Вечная щетина на щеках, по-бульдोजьи отвисших от попоек, мешки под глазами. Конечно, великое множество наколок, густо покрывавших синей сыпью все его тело по самое горло, — лицо оставалось единственным местом, которого не коснулась иголка.

Гуза, как и любой блатарь, был груб, заносчив и агрессивен. В бригаде его не любили, да и не был он, по сути, членом бригады. Братки старались держаться от него подальше, что объяснялось, во-первых, неумным стремлением Гузы развести на деньги или водку, а во-вторых, непереносимой вонью, исходившей от него, эдаким убойным букетом — перегар, запах чеснока и гнилых зубов.

Он был чем-то вроде заштатника. Его приглашали лишь в исключительных случаях, а появлялся он тогда, когда эти исключительные случаи не совпадали по времени с его тяжелыми запоями. Гуза четырежды тянул срок, первый раз еще на малолетке. Проведя за решеткой почти половину жизни, он прекрасно разбирался в понятиях, и при разборах с себе подобными был незаметным. Наводил он тоску и на молодую шпану, которая пыталась, сбившись стаей, оттяпать себе кусок пожирнее; вид этого человека с маленькими злыми глазками если не внушал ужас, то настораживал. А когда Гуза начинал сыпать жаргонными словечками, то сразу производил на зарвавшихся юнцов должное впечатление.

Сделав дело, Гуза получал свою долю и отваливал, чтобы через час загудеть в какой-нибудь забегаловке или на квартире знакомой крали.

В этот раз Шала поставил «под ружье» всех — работы было вдоволь.

Серпу не повезло. Главным образом не потому, что ему досталась мокруха, а потому, что работать предстояло на пару с Гузой. В их паре старшим назначили, разумеется, уголовного. Он же получил от Шалы инструкции и имя жертвы. Серп был вроде как на подхвате.

Говорили, что Гуза режет людей с той же легкостью, с какой нормальный человек лупит комаров. Во всяком случае, было доподлинно известно, что во время последней отсидки блатарь зарезал троих и не сменил свою робу на полосатую только потому, что рядом не оказалось стукача. Так что, скорее всего, Серпу не придется мारаться и брать на себя лишний грех.

— Пошли,— бросил Гуза, выйдя из кабинета Шалы после инструктажа.

На улице он не оглядываясь зашагал в сторону Савеловского вокзала. Серпу не оставалось ничего другого, как последовать за ним. Пройдя метров двести, Гуза остановился. Не вынимая рук из карманов, он подбородком указал Серпу на поток машин:

— Тормозни телегу.

Серп хотел было заметить, что в лакеи не нанимался, но решил, что из-за такого пустяка не стоит начинать ссору. Тем более что подними Гуза руку сам, вряд ли кто остановится.

— Куда едем?

— Мытная.

Серп поймал частного. Доехали быстро, по дороге молчали. Расплачивался Серп.

— Ну, и что дальше? — спросил он, захлопывая дверцу машины.

— Здесь контора этого козла,— сквозь зубы ответил Гуза и сплюнул себе под ноги.— Надо пройтись, посмотреть, что к чему.

— Что за контора?

— Ща... — Гуза вытащил из кармана рубашки маленький листок и прочитал: — Макс эс. Андросов Максим.

Серп так и подпрыгнул:

— Андросов?!

— Ну. Домашний адрес, номер машины... — Гуза сунул листок в карман.— А ты чё, знаешь его?

— Да так, встречались.

— Так, может, наколку подашь?

— Я?!

— Так ты ж его знаешь, не я!

— Ну да... — Серп пытался оперативно собраться с мыслями. Неизвестная баба уже заказала ему убрать Андросова, так что в целом интересы их теперь совпадали. Но загвоздка была в том, что баба заказывала аварию. Останется ли она довольна, если Андросова просто прирежут? Серп опасался, что нет,— слишком подробной была инструкция, как найти нужную машину и подрезать шланги.

— Ну, ты заснул, в натуре? — Гуза хлопнул напарника по плечу.

— Я думаю...

— Чё ты думаешь? Профессор, что ли?

— Я думаю,— Серп наконец сообразил, как свести концы с концами,— что мы здесь светимся со страшной силой. Нужно отойти куда-нибудь в сторонку.

— Ну,— Гуза неуверенно посмотрел на бесконечные ряды окон,— давай отвалим...

— И знаешь что,— Серп изобразил на лице сомнение,— боюсь, просто подловить его мы не сможем. Тут нужно хитрее.

— Чего хитрее? Шала сказал, что охраны у него нет.

— Охраны нет,— кивнул Серп,— но ездит он только на тачке, все время на людях, в подъезде домофон.

— И чё ты предлагаешь? — Гуза взглянул на него с подозрением.

Серп выдержал паузу, словно собирался с мыслями.

— Я сам все сделаю.

— Как это?

— Ну, я сам устрою так, что он ласты завернет.

— Не понял,— ошетинился блатарь.— Чё ты за фуфло мне толкаешь? Чё ты там устроишь?

— Небольшую аварию, например.

— Какую еще аварию?

— Ну, тормоза откажут...

— Гонишь, паря! — В голосе Гузы прозвучала угроза.— Ну-ка, мети, что ты там надумал!

Серпу не хотелось вдаваться в подробности, но было ясно, что Гуза просто так не отстанет.

— Что ты домотался? — деланно рассвирепел Серп.— Сказал — сделаю. А хочешь спалиться — иди режь его в подъезде!

— Не гоношись,— примирительно произнес Гуза.

— Я не гоношусь,— возразил Серп, успокаиваясь.— Сказал, что сделаю,— значит, сделаю.

— Когда?

— Ну... — Серп наморщил лоб.— Постараюсь сегодня. Или завтра.

— Отвечаешь?

— Ну.— Серп пожал плечами: дескать, иначе и быть не может.

— Ладно,— кивнул Гуза с довольным видом.— Тогда свистнешь, если что. Но если что...

— Спокойно! — усмехнулся Серп.— Все пройдет, как с белых яблонь дым.

Москва, октябрь 1998

Борис Беленков приехал к тестю.

То, что пойти на это придется, он понял еще на приеме у жирного горца, возмнившего себя неизвестно кем. А вернувшись в офис, Борис обнаружил сюрприз — два факса. В одном факсе, из Италии, сообщалось, что корабль с грузом задерживается минимум на трое суток, фирма приносит свои извинения и готова перечислить причитающуюся за просрочку пеню. Второй факс был от ставропольцев, ставивших руководство «Белтех» в известность о том, что они снимают деньги со счета, так как условия договора не выполнены.

Борис решил играть в открытую и выложил тестю все: про деньги, про заказ, про кредит, Шалу и итальянских борцов за экологию. Закончив свой несколько сумбурный рассказ, он замолчал, опустив голову и ожидая, что скажет на это Семен Васильевич.

Семен Васильевич с ответом не спешил. Он спокойно перекладывал на столе какие-то папки и бумажки. Процесс наведения порядка занял чуть ли не четверть часа. Лишь отыскав для каждого листка удобное место, Семен Васильевич счел возможным заговорить с зятем.

— Ты, значит, решил втихаря миллионером стать? — спросил он со слишком явным оттенком презрения.

— Почему втихаря? — попытался возразить Борис.

— Не знаю. Очевидно, чтобы не делиться ни с кем.— Семен Васильевич сел поудобнее.— И это правильно и

понятно. Только штука в том, что если ты решил играть один, то и играй один.

— То есть? — Борис поднял на тестя глаза.

— То есть без меня.

Борис выразил свои чувства лишь неопределенным жестом: то ли испуг, то ли отчаяние.

— А чего ты ожидал? — с издевкой спросил старый опер. — Ты, щенок, меня спросил, прежде чем к ворам в петлю лезть? Думал, как бабки будешь возвращать? Думал? Я тебя спрашиваю!

— Да срасталось все нормально...

— Срасталось! Да ты у этого ставропольца документы спросил?

— Спросил, — прошептал Борис. — Паспорт, доверенность...

— При современном развитии печатного дела знаешь что можно нарисовать? — Семен Васильевич не сильно, но звонко хлопнул ладонью по столу. — Ты в ставропольскую администрацию звонил? Банк проверил?

Борис стал блее гипсового бюста Дзержинского, по-вороньи взиравшего со шкафа.

— Ты, может быть, перезвонил в банк и получил подтверждение, что такой счет действительно открыт?

— продолжал наседать тесть. — А тебе не показалось странным, что тебе вдруг так подвезло: не паши, не сей?

Борис уронил голову на руки, скорчившись на стуле, будто сломанная механическая кукла.

— А ты не думал, что твой Шала тебя и подставил? Я спрашиваю, не думал?

— Нет, не думал.

— Ну, так вот. В следующий раз... То есть если бы у тебя был следующий раз, я бы посоветовал тебе думать получше, — произнес тесть почти нормальным тоном. — Но следующего раза у тебя, по-моему, уже не будет.

— Семен Васильевич...— Борис привстал со стула и, казалось, раздумывал, встать ли ему в полный рост или рухнуть на колени.— Семен Васильевич, я... мне...

— Поздно,— отрезал тесть.

— Семен Васильевич... — Голос Бориса дрогнул, он готов был заплакать.

— Все, я сказал,— жестко подвел черту тесть.

Борис стоял, опустив голову. Он уже понял, что помощи не дождется, но уйти не мог. Куда ему было теперь идти? Кто ему поможет?

— И еще,— заговорил вновь Семен Васильевич.— Начнут трясти с тебя бабки, на Ляльку, квартиру и дачу не рассчитывай. Можешь отдать им свою контору и тачку.

— Что?! — Борис не верил своим ушам. Мало того, что ему отказывали в помощи, ему запрещали распоряжаться собственным имуществом.

— Я говорю, чтоб на квартиру, дачу и Лялькины цацки ты не рассчитывал,— спокойно повторил Семен Васильевич.

— То есть как?

— Как хочешь.

— Но ведь это куплено на мои деньги...

— На твои,— согласился опер.— Только не забывай, что ты все это время в парнике жил. Ни одна муха на тебя не садилась. А почему? Потому, парень, что я этих мух от тебя отгонял. И делал я это исключительно затем, чтоб ты мою дуру кормил, одевал и драл. И оставить ее на бобах я тебе не позволю.

— Что значит на бобах?! — От возмущения Борис даже забыл, что перед ним, возможно, единственный человек, способный ему помочь.— Я горбатился, а эта...

Натолкнувшись на взгляд тестя, Борис захлопнул рот, успев зубами поймать уже срывавшееся с языка роковое слово.

— Что ты хотел сказать, зятек? — Вопрос прозвучал совсем по-домашнему.

— Ничего.

— То-то. Значит, запомни: ни квартира, ни дом, ни камушки тебе не достанутся. Выпутывайся как знаешь. Ляльке, естественно, ни слова. Выпутаешься — черт с тобой, живи дальше, получишь все обратно. А если тебя, скажем, на ремни порежут, то я один ремешок куплю на память. Ляльке объясню, как было на самом деле: геройски погиб в тылу врага.

— Ну, спасибо! — зло усмехнулся Борис.

— Да не за что. Свои люди, сочтемся.

— Сочтемся. Обязательно сочтемся.— Борис развернулся и пошел к двери.

Семен Васильевич нажал кнопку, укрытую под столешницей, двери тут же распахнулись, и перед Борисом выросли два милиционера.

Обернувшись, Борис испуганно посмотрел на тестя. Тот был доволен произведенным эффектом.

— Ты бы, зятюшка, повежливей со стариком,— сказал он, ухмыляясь.— А то, не ровен час, возьму тебя на перевоспитание. У нас тут быстро перевоспитывают. Слышал о системе исправительных учреждений? Вижу, что слышал. Ну, тогда ступай с богом. Пока...

ГЛАВА 17

Москва, сентябрь, 1998

Шура Веткина никогда не думала, что станет милиционером. Напротив, она их на дух не переносила, особенно участкового инспектора, имевшего привычку возникать как из-под земли в самые неподходящие моменты.

Впрочем, и волейболом она в детстве не особенно интересовалась. Ей хотелось стать балериной. Но уже в третьем классе стало очевидно, что через год-другой эту рослую, широкую в кости девочку не поставишь в строй маленьких лебедей, а ее «ножка» будет довольно комично смотреться в арабеске. Шуру отдали в волейбол: и для здоровья полезно, и в институт поступить легче. Она подавала большие надежды, и из детской школы ее с гордостью передали в «Динамо». Под бело-голубыми знаменами отправили в соответствующий вуз, хотя тренеру и родителям пришлось приложить немало усилий, чтобы сломать Шурино предубеждение относительно синего мундира. Потом сборная России, погоны лейтенанта и тяжелая травма сухожилия.

Теперь серебряный призер первенства Союза спустилась с пьедестала на землю, напялив ненавистный китель и став обычным инспектором по делам несовершеннолетних. Поначалу ей хоть немного льстило то, что ее заботам поручен один из центральных участков столицы, но вскоре она поняла, во что вляпалась. Ежедневно, особенно ближе к вечеру, все кому не лень сбавривали ей задержанных на Садовом кольце сопливых воришек, попрошаек, наркоманов, девчонок, промышлявших «взрослым» ремеслом, и прочий малолетний сброд.

Больше всего лейтенанта Веткину доставало не то, что приходилось возиться в этой грязи, а то, что лилась эта грязь в ее кабинет нескончаемым ровным потоком. Задержанных не становилось ни больше, ни меньше, состав их не менялся, и постепенно складывалось впечатление, что за два года перелопачивания этого мусора усилиями Шуры не изменилось ничего. Шура чувствовала себя енотом из театра зверей: сучит зверек из года в год лапками на потеху зрителям, а тряпочка чище не становится. Ну, попала она в милицию, так дайте же чем-нибудь заняться! Не обязательно пострелять, но чем-то стоящим, чтобы не стыдно было сказать. А то эти немытые опухшие мордочки уже сняты по ночам!

Что могла ответить Шура на вопрос знакомых: «Чем занимаешься?»

Вытираю носы снятым с поездов путешественникам, запугиваю расшалившихся в неподходящем месте сорванцов, слушаю нытье попрошаек и надышавшихся клеем токсикоманов? Причем в общении с первыми главное — выяснить их настоящие имя и адрес, а с последними — следить, чтоб его не стошнило прямо на стол. Очень престижно и романтично!

В тот день, отправляясь проверять подъезды одного из домов, где, несмотря на домофоны, регулярно потрошили почтовые ящики, лейтенант Шура Веткина еще не знала, что судьба готова подарить ей шанс. В тот день Шуре выпала возможность сыграть по-крупному. В тот день путь ее должен был пересечься с тайными тропками настоящих преступников. В тот день... Но она еще ничего не подозревала.

Лейтенант Веткина, облаченная для конспирации в штатское, приближалась к упомянутому дому — старой постройке, с высокими потолками, выходившему фасадом на Садовое кольцо. Неудивительно, что весь первый и часть второго этажа превратились в офисы. Фирмачи отремонтировали здание, благоустроили территорию. Дом отгородился от улицы стальными дверями, сведя контакты до решетки переговорного устройства. Двор, задуманный архитектором исключительно как двор, а не место для парковки частного транспорта, напминал теперь полигон; истерзанные колесами газоны и гигантские панцири «ракушек» повергли бы зодчего в шок.

Впрочем, газоны, «ракушки», равно как и грязь, вытнанная с газонов на асфальт импортными и отечественными протекторами, не интересовали Веткину с точки зрения ее должностных обязанностей. Лейтенант целеустремленно приближалась ко второму подъезду, откуда и поступала основная масса жалоб. По совести говоря, сторожить почтовые ящики — тоже не ее забота. Но по старой традиции большинство населения считало, что потрошат ящики исключительно малолетние хулиганы. Приходилось отрабатывать эту версию, хотя сама Веткина грешила больше на людей вполне взрослых. Если бы ей поручили провести расследование от и до, по всем правилам, то она начала бы с проверки, не работает ли

кто из жильцов дома реализатором на газетных лотках. Но кто будет всерьез заниматься почтовыми ящиками? Это ж не Америка, где подобной ерундой занимается ФБР.

Когда до нужного подъезда оставалось менее десяти шагов, массивная дверь лязгнула и отворилась. На крыльцо вышли два широкоплечих молодца с выдвинутыми вперед подбородками и быстро прочесали двор взглядами.

Телохранители, отметила про себя Шура. Сейчас объявится и сам босс.

Машинально она тоже оглядела двор. Ничего подозрительного. Молодая мамаша сидит на скамейке, погруженная в дамский роман, и рассеянно покачивает стоящую рядом коляску. На скамейке у соседнего подъезда переминаются чьи-то кости три бабули-одуванчика. Дама в спортивном костюме выгуливает псину неопределенной породы. Два пацана лениво пинают мяч в выстроенной посреди двора хоккейной коробке.

Телохранители остались довольны оперативной обстановкой и спустились с крыльца. Следом за ними из дверей появился мужчина лет тридцати. По всему видно — охраняемый объект. Шура подумала, что в шерстяном костюме и плаще этому крутому будет, наверное, жарковато. Неожиданно она встретила взглядом с одним из телохранителей и, сама не зная почему, поспешила отвернуться.

Лейтенант Веткина снова посмотрела на молодую мамашу — телохранители как раз проходили мимо нее. И в этот момент рука мамыши скользнула под плащ. Краем глаза Шура заметила, что дама, выгуливавшая собаку, вдруг предприняла какой-то странный маневр: сделав несколько шагов в сторону подъезда, она развернулась и отступила за дерево.

Веткина замерла на секунду, осмысливая происходящее, желая еще раз убедиться, что на ее глазах происходит именно то, что происходит.

За эту секунду мамаша успела уронить книгу и наклониться за ней, одновременно извлекая что-то из-под плаща, а девица в спортивном костюме — привлечь своим маневром внимание охраны. Босс в сопровождении еще одного телохранителя шествовал по дорожке. До скамейки, на которой сидела женщина с коляской, им оставалось три-четыре шага.

Шура поняла, почувствовала, что сейчас произойдет, но решение, как действовать дальше, не приходило.

— Эй! — Вскинув руку, лейтенант метнулась наперерез крутому.

Третий охранник молниеносно закрыл от нее клиента и схватился за пистолет. Двое секьюрити, шедшие впереди, обернулись.

А дальше все произошло за несколько мгновений.

«Мамаша» резко выпрямилась, сделав из «низкого старта» большой шаг вперед, и оказалась совсем рядом с крутым. В руке у нее был пистолет. Она молча приставила его к голове оторопевшей от неожиданности жертвы, нажала на спусковой крючок и бросилась бежать, на ходу сбрасывая юбку, оказавшуюся всего-навсего куском материи, накрученным поверх спортивных брюк.

Шура, набирая скорость, изменила направление, чтобы преследовать убийцу, и ринулась между выхватывающими стволы телохранителями.

— Не стрелять! — крикнула она.

И все же выстрелы загрохотали, расплескивая эхо по каменному стакану двора. Раздался чей-то истошный крик: «Ложись!» — потом междометия падающих на землю охранников, но Шура не поняла, откуда они доносятся.

Удар в плечо развернул лейтенанта Веткину, и она увидела, что дама с собачкой, отступая, полосует воздух из маленького автомата. Даже не сообразив, что ранена и что находится на линии огня, Шура бросилась к ней. Та выпустила остаток обоймы в ноги невесть откуда взявшейся сумасшедшей, отшвырнула оружие и побежала в глубь двора.

Шура на бегу наклонилась, чтобы подобрать автомат, но, едва выпрямившись, почувствовала новый удар в плечо, чуть не сбивший ее с ног. И еще один удар. Сзади раздавались хлопки пистолетных выстрелов.

Уже падая, лейтенант обернулась: два охранника, поднявшись, стреляли по ней из двух стволов. Они стояли, широкоплечие великаны, расставив ноги, как в американских боевиках, и стреляли с вытянутой руки, придерживая запястье другой.

— Ах вы... — выдохнула Шура, но два новых удара в грудь опрокинули ее на траву.

Шура Веткина падала. Падала она бесконечно долго, как падают только во сне. Падала уже после того, как спиной почувствовала удар о вылезший из земли корень. Вдох вдруг обжег ей легкие, и она поспешила выдохнуть, почувствовав, что зайдет сейчас в мучительном кашле.

Тело ее дернулось в судороге и застыло. Темная кровь быстро наполняла колею, оставленную после недавнего ливня какой-то иномаркой. Лейтенант МВД Александра Ильинична Веткина героически погибла «при исполнении». Как и мечтала.

Москва, октябрь 1998

Серп знал, что рискует. Знал, чем рискует.

С другой стороны, шансы убить сразу двух зайцев были весьма высоки. Шланг уже подрезан, так что ава-

рия обеспечена. Если же Андросов останется жив, то деньги Серп все равно получит, а Гуза... А что Гуза? Добьет этого рекламщика сам, и дело с концом. Ну, не вышло у молодого боевика, что поделаешь! Не Сицилия, слава богу, чтобы за малейшую промашку в бетон закатывать! Вон тот же Жук столько леваков наделал, и ничего. Если бы не его, Серпа, пуля, то так бы и ходил бригадиром, а то еще и поднялся бы.

Размышляя в таком ключе о сложившейся ситуации, Серп вошел в бар, куда должна была звонить ему таинственная заказчица. Помня, каким дураком выглядел в своем прикиде в первый раз, Серп оделся более консервативно и опять попал впросак. Бар был оккупирован рокерами: нечесаными, облаченными в тертые джинсы и клепаную кожу. На Серпа снова косились, и он чувствовал себя вдвойне дураком. Сначала он даже решил, что заказчица специально издевается над ним, выставляя на посмеище, но потом сообразил, что кровожадная леди не могла знать, что на сей раз он переоденется. Напротив, она, скорее всего, решила сменить место, чтобы ее наемник не выглядел белой вороной и не привлекал внимания.

Надо же, какой такт! Серп усмехнулся, усаживаясь за стойку.

В баре орала музыка, и одна из колонок висела прямо над стойкой. Серп по опыту знал, что в таком шуме не услышит даже собственного голоса, и сразу перешел на язык жестов, указав бармену на нужный кран и подняв вверх указательный палец. Халдей кивнул и, быстро наполнив кружку, поставил ее перед клиентом.

Серп положил на стойку купюру: в таком бардаке наверняка было принято расплачиваться сразу. Кроме того, братку не терпелось именно таким вот купеческим

жестом хлопнуть о барную стойку одну из тех новеньких бумажек, которые он получил только что в обмен на «портрет президента» в ближайшем обменном пункте. Хлопнул и тут же отвернулся, крутанувшись на вытертой грубой коже высокого табурета. Отвернулся, давая понять: сдачи не надо.

Да, когда-то он балдел от металлического рева «Экцепта» и тяжелого лязга «ТНТ». Чем громче, тем лучше. Теперь шум давил на уши. Интересно, как эта дамочка собирается ему звонить в такой бедлам? Телефон-то здесь, наверное, есть, но что там можно будет услышать?

Впрочем, она, судя по всему, баба не глупая. Не просто не глупая. Она очень даже умная и... непростая. В том, первом, баре с него не взяли денег. Почему? Бармен связан с заказчицей? Нет, это слишком. И почему она тогда не назначила встречу там же? Неужели из-за его прикида? Дамочка с тактом.. А почему она, кстати, сразу не проявила этот свой такт?

Серпа осенило: раз она не сразу назначила ему встречу в этом рок-балагане, и если она, в самом деле, приняла во внимание его внешний вид, то... Серп хлопнул себя по лбу. То это может означать только одно: она никогда не видела его раньше! И либо бармен описал ей, как он, Серп, выглядит, либо она сама была там. Может, сидела себе спокойно за одним из столиков. Нет, за столиком она сидеть не могла: она же звонила ему по телефону. Позвонить из зала не такая уж проблема, но он бы услышал ее и вообще заметил бы женщину с трубкой мобильного. Тогда остается вариант с барменом. Халдей должен знать заказчицу. Любопытно будет поболтать с ним на досуге...

Кто-то хлопнул Серпа по плечу, прервав плавно разматывающуюся нить размышлений. Серп обернулся.

Бармен что-то прокричал ему, тыча пальцем куда-то в сторону.

Губы халдея шевелились безрезультатно — Серп ничего не услышал. Но, проследив за направлением пальца, увидел обитую жестью дверь, ведущую, вероятно, в подсобные помещения.

Серп кивнул, слез с табурета и стал пробираться вдоль стойки. Дойдя до двери, потянул за ручку. Дверь открылась на удивление легко, хотя с виду казалась тяжелой. Он вошел и оказался в коридорчике с выложенными до середины белым кафелем стенами. Рядом возник бармен и, махнув рукой в конец коридора, крикнул:

— К телефону!

В подсобке было намного тише, а потому соображалось быстрее. Серп не стал допытываться у халдея, откуда тот знает, что зовут именно его, Серпа. Просто пошел указанным маршрутом и, завернув за угол, увидел телефонный аппарат, стоящий на старом канцелярском столе. Трубка лежала рядом, Серп поднял ее и поднес к уху:

— Слушаю.

— Новости так себе.— Тот самый голос.

— Как это?

— Парень колесит себе по городу и в ус не дует.

Серпу новость не понравилась.

— Я все подр... все сделал.

— Уверен?

— Уверен.

— Машину не спутал?

— Что я, больной? — Серпа такое предположение задело: за придурка его держат, что ли?

— Ладно. Тогда здесь, завтра, в это же время.

— А... — Серп хотел было уточнить кое-что относительно его гонорара и предложить ускорить процесс, но трубка уже отвечала короткими гудками.— Черт! — Он шмякнул трубку на рычаг и пошел обратно в зал.

Что же делать? Он обещал Гузе, что авария случится самое позднее сегодня. Может, помочь Андросову отправиться на тот свет? Надо бы, раз сам не хочет лететь под откос или целовать столб. Только вот получит ли Серп в этом случае свои десять штук? Таинственную леди и так ничто не заставляет оплачивать его работу над тормозами, а если уж будет к чему придраться, то она и вовсе оставит его с носом.

Хотя, положив руку на сердце, Серп уже не считал себя обделенным. Получить десять штук за то, что кончил Жука, на которого и без того имел большой зуб, и за какие-то два подрезанных шланга, было очень даже нормально. Но еще одна десятка не помешала бы, к тому же и делать-то больше ничего не надо. Нужно просто сидеть и ждать аварии. Почему же до сих пор она не произошла?

Серп вышел в зал. Он хотел махнуть бармену — мол, ухожу, но тот был занят и не смотрел в его сторону. Поставив, Серп решил, что не к лицу братку докладывать о своих действиях какому-то халдею.

Он направился к выходу. Посредине зала кучковались молодые ребята, о чем-то спорившие. И, поскольку докричаться друг до друга им было мудрено, они яростно жестикулировали.

Перед Серпом встала дилемма: продираться сквозь спорщиков или идти в обход, вдоль стены, протискиваясь между стеной и занятыми стульями и перешагивая через пустые.

Серп выбрал прямой путь. Подняв руки, чтобы защититься от случайного удара не слышавших его приближения ребят, он двинулся вперед.

Переход закончился благополучно. Оставалось миновать полутемный тамбур и выйти на улицу. В тамбуре вроде никого не было, и Серп уже поздравил себя с окончанием визита в этот зверинец, но в последний момент натолкнулся на человека, стоявшего у дверного косяка спиной к залу.

Благодушно настроенный Серп хотел даже извиниться, но не успел. Человек повернулся, и Серп в ужасе отпрянул: это был Гуза.

Губы уголовного шевельнулись. Серп не услышал слов, но по резкому движению подбородка и артикуляции угадал, что сказал напарник.

— Ну, чё ты? — произнес он. Это выражение служило блатарю в самых разных ситуациях и в самом разном качестве. Он мог употребить его как обычный вопрос, мог использовать в качестве приветствия, мог гаркнуть так, что оно становилось равносильно трехэтажной тираде. Сейчас за этим «ты чё?» стоял упрек: что же ты, парень, не выполнил обещания, не сдержал слова?

Серп наклонился вперед, собираясь крикнуть в ухо Гузе, что нужно выйти на улицу. Но в тот момент, когда он уже набирал в легкие побольше воздуха и, повернув голову, увидел маленькое, с тонкой раковиной ухо блатаря, Гуза вдруг вонзил Серпу в грудь заточку.

Отточенное перо скользнуло между ребрами, даже не причинив боли. Оно словно пригвоздило легкое, не позволяя ему больше тянуть в свои меха воздух.

Гуза по-кошачьи мягко отступил в глубину тамбура и вышел на улицу.

Серп упал на колени и привалился плечом к косяку, с удивлением глядя на торчащую из груди отвертку с обмотанной изолентой рукояткой. Потом просто упал и умер.

Но прежде чем упасть, он чуть слышно произнес два слова — обрывок своей последней мысли. Мысли, которая подтолкнула его, заставив нагнуться к уху уркагана:

— Не Сицилия...

Впрочем, в таком гвалте его никто не услышал.

Москва, сентябрь 1998

Выстрелив, Валя бросилась бежать к углу дома. Краем глаза она увидела Ольгу, выскакивающую — дура, не подставляйся под пули! — из-за дерева с автоматом наперевес. Автомат запрыгал, извергая огонь.

Юбка легко соскользнула с бедер, и Валя заработала ногами изо всех сил. Сзади что-то происходило, она не могла понять, что именно. Даже не осознав, что делает, Валя подняла руку, все еще сжимавшую оружие, выше, направляя ствол себе за спину, и нажала на спуск. Пистолет почему-то не оглушил ее грохотом выстрела, а тихо цокнул, но Валя не обратила на это внимания.

Завернув за угол, она увидела перед собой крепкий высокий забор из неструганых досок и остановилась. Обещанной Насонычем дырки не было. Валя в отчаянии толкнула эту стену и убедилась, что доски надежно пригнаны одна к другой. Более того, повсюду из забора торчали, словно крупная рыжая щетина, длинные ржавые гвозди, что сразу отбивало охоту пытаться перелезть через роковую преграду.

Валя бросилась бежать вдоль забора, обогнула дом с торца и оказалась на узкой улочке, отделявшей дом от

скверика. Девушка быстро прикинула дальнейший маршрут через газон, между кустами и деревьями, но, когда она уже подалась вперед, чтобы продолжить свой смертельный кросс, на улочку вылетела «БМВ».

Резко затормозив прямо перед Вале́й, машина преградила ей путь. Передняя дверца распахнулась.

— Где Оля? — Парень, сидевший за рулем, показался ей знакомым.

Это сработало.

— Там! — Она махнула рукой в сторону двора.

— Где — там?! — Парень медленно тронул машину, собираясь, очевидно, проехать тем же путем, который только что проделала Валя.

Прыгнув в машину, девушка захлопнула дверцу.

— Она побежала в другую сторону! В объезд!.. Вот так!..

Суматошные Валины жесты были в тот момент куда понятнее, чем слова. Парень газанул и понесся вниз по улице. Поворот, еще поворот...

— Куда? — Парень повернулся к Вале́, но по отчаянию в ее широко распахнутых глазах понял, что девушка не может сориентироваться, и на свой страх рванул в какой-то двор, едва не сбив случайного прохожего.

— Вон!!! — завопила Валя, лупя руками по лобовому стеклу и показывая на девушку в спортивном костюме, бегущую через двор.

Машина рванулась за ней.

— Заднюю! — крикнул парень Вале́, но она лишь заворуженно смотрела на приближающуюся подругу.

Увидев, что машина мчится прямо на нее, Ольга метнулась в сторону.

Водитель тормознул, коротко просигналив. Валя открыла дверцу и выскочила наружу.

— Оля!!!

Та остановилась на мгновение, затем бросилась к машине, и обе девушки ввалились в салон через переднюю дверцу.

— Чушки! — ругнулся парень и дернул под сиденьем какой-то рычаг. Спинка сиденья рухнула под весом двух пассажиров, и они провалились в глубь салона. Перегнувшись через них, водитель захлопнул дверцу и погнал машину к выезду со двора.

Только теперь Валя вспомнила, кто этот парень. Это был Сергей, таинственный детектив, навещавший их на даче Насоныча. Как он оказался здесь? Когда Ольга успела посвятить его в их план? Ох, не все тут просто! Темнит подруга, говоря, что видела этого парня в кафе впервые в жизни, ох темнит...

Но главное, они живы!

Варшавское шоссе, октябрь 1998

Если бы педаль акселератора опускалась до самого асфальта, Макс вдавил бы ее в асфальт. Он выжимал из своей старушки все силы, но ему по-прежнему казалось, что телеграфные столбы мелькают недостаточно быстро. Время от времени Макс хлопал по приборной доске: не врет ли спидометр?

Встречный поток воздуха норовил открыть правую дверцу, помятую после столкновения с грузовиком и теперь просто подвязанную веревкой к ручке задней двери. Израненное железо жалобно скрежетало. Теперь ко всем неприятностям еще и ремонт. А все из-за такой ерунды! Не подлил вовремя тормозной жидкости в бачки. Хорошо еще, машину развернуло, а то снесло бы ему голову раньше времени...

Вспомнив об аварии, Макс на всякий случай проверил тормоза. Нормально. А то скоро Подольск, там машин будет побольше и рисковать уже не стоит.

Да, визит в город Чехов можно считать неудачей. Надо было в самом деле ограничиться звонком. Хотя что теперь решает эта загородная прогулка?

Макс довольно быстро выяснил, что семья Климовых переехала по обмену в подмосковный Чехов. То ли просто хотели переехать, то ли мнительный глава семьи считал невозможным оставаться на прежнем месте, где все вокруг знали о позоре, павшем на их честное имя. Эти подробности Макса не интересовали. Ему нужно было добраться до Ольги. Он не сомневался, что родители в курсе, где она: высчитать, что Ольга уже полгода как на свободе, не составляло труда.

В действительности все оказалось иначе. Нет, Ольга, судя по всему, освободилась. Но вот родителям о ней ничего не было известно. Да, она звонила как-то, под Новый год, но отец бросил трубку.

Да, звонила по междугородней.

Вот и все, что Максуду удалось узнать от Ольгиных родителей. От ее бывших родителей.

Искать Ольгу в Москве вот так, без единой зацепки, кроме паспортных данных, не имело смысла. А единственной зацепкой были те самые буклеты. Тираж — две тысячи. Издатель — какой-то благотворительный фонд. Они появились в клинике впервые, хотя изданы еще в прошлом году. Листок с письмом вложили в каждый экземпляр — чтоб уж наверняка. Все это были детальки одной головоломки, которую необходимо решить. И Макс не сомневался, что ему это под силу.

В письме упоминалась Карина. Макс ее помнил. Черненькая такая, глазастая. Без тормозов была девчонка, на все соглашалась. Макс даже сделал для нее исключение, встретился с ней дважды. Но... Даже если она еще в Москве, что вряд ли, найти ее будет сложнее, чем Ольгу. Имя на сто процентов выдуманное, все остальное — тоже туфта. У того кабака, где он ее снимал, она давно уже не появляется. Можно, конечно, попробовать объехать все бордели и притоны в городе, но сколько на это уйдет времени? Да и шансы, говоря по совести, невелики.

А если даже он найдет эту Карину, то не факт, что она в курсе, где искать Ольгу.

Макс мчался вперед. Не исключено, что он еще застанет кого-нибудь в клинике. Выяснить координаты фонда тоже раз плюнуть. Не исключено, кстати, что Климова там и работает. Добрые христиане призрели несчастную девушку, лишенную крова и родных. Это на них похоже. Живет там в каком-нибудь бомжатнике и отрабатывает свой хлеб, разнося брошюры или собирая в переходах мелочь на восстановление какого-нибудь несуществующего храма.

Максу не терпелось доехать. Если бы можно было ускорить бег машины, крутя педали, он бы принялся их крутить. Спидометр гонял стрелку от ста двадцати до ста тридцати и обратно, не желая считаться с желанием Макса ехать быстрее.

Впереди вспыхнула зеленая искорка светофора. Макс нервно раскачивался взад-вперед, пытаясь методом барона Мюнхаузена подтолкнуть машину.

Зеленый огонек предупредительно замигал, но до перекрестка оставалось всего ничего — вполне можно проскочить на желтый, и Макс полетел вперед.

Справа из-за какого-то куста вынырнул гаишник и замахал своей полосатой палкой, требуя, чтобы Макс остановился у обочины. Макс с досадой отпустил газ и нажал на тормоз.

Дорога была пустой, и не имело смысла мудрить с перестроением. Макс просто направился к гаишнику, на ходу сбрасывая скорость. Когда он почувствовал неладное, светофор уже сменил зеленый сигнал на бордовый, и на перекресток с натужным ревом выехал загруженный под завязку трубовоз.

Макс не сразу понял, в чем дело.

Гаишник соображал быстрее и метнулся в сторону, уворачиваясь от несущейся на него машины. В последний момент Макс понял, что тормоза отказали, и попытался вырулить на перекресток, надеясь разминуться с трубовозом.

От резкого поворота машину занесло, подняло на два колеса, и она покатилась, словно игрушка, брошенная на ковер капризным ребенком, пока не налетела на высокий тополь.

Макс не сгорел заживо, как написали штатные бумажомаратели в одной бульварной газете. Когда машина вспыхнула, он был уже мертв.

ГЛАВА 18

Далекая Теплая Страна, октябрь 1998

Да, этот Максимилиан оказался не чета прочим игрокам-любителям. Туго пришлось Алексею Владимировичу. Он занял глухую оборону, но Максимилиан пер как танк и в итоге выиграл две пешки. Впервые в жизни Кирьянов решил схитрить, прервав партию под видом сбоя в компьютере.

Получив этот тайм-аут, Алексей Владимирович взялся за шахматную литературу, надеясь отыскать выход из создавшегося положения. Увы, довольно скоро он выяснил, что соперник увел его от разработанного варианта сицилианской защиты и заманил в дебри, откуда уже не было выхода.

Алексей Владимирович воспроизвел позицию на обычной доске и просидел над ней до рассвета, но не смог найти варианта даже для ничьей. Ожидались неминуемые потери и быстрый разгром. Он вроде бы нашел ход, который мог свести партию к ничьей, но уже через несколько минут сам же убедился, что это лишь оттянет разгром на пять-шесть ходов: сдвоенные ладьи, словно тяжелая артиллерия, грозили растерзать нестройную оборону его стоявших в замешательстве фигур.

Но сдаваться Алексей Владимирович не желал.

Вздremнув пару часов и наскоро позавтракав, он сел за компьютер и сообщил противнику, что готов продолжить партию. Ответа пришлось ждать больше часа. Наконец игра возобновилась.

Кириянов двинул пешку, делая тот самый ход, призванный продлить агонию. Максимилиан ответил почти сразу, но вовсе не тем ходом, который ожидал от него Алексей Владимирович. Противник предпринял лобовую атаку, стремясь, очевидно, разменяв фигуры, быстро закончить партию.

Алексей Владимирович машинально щелкнул курсором по слону, намереваясь нанести ответный удар, но вдруг заметил, что выдвинутая Максимилианом ладья оголила фланг его шахматного войска. Не может быть! Кириянов лихорадочно пересчитывал ходы, пытаясь убедить себя в том, что принял желаемое за действительное. Но сомнений не было: то ли увлекшись победоносным наступлением, то ли подзабыв за ночь о своей стратегии, Максимилиан допустил роковой промах.

Алексей Владимирович оставил слона и сделал выпад ферзем: шах! Максимилиан был вынужден закрываться, жертвуя фигуру. Ого! Вот это удача! Алексей Владимирович воспрянул духом и принялся реализовывать полученное преимущество. Еще шесть ходов, и неприятельский король оказался зажат в угол, жертвуя ради своего спасения фигуру за фигурой. Еще три хода, и Максимилиан сдался.

Алексей Владимирович был счастлив. Он отметил победу порцией хорошего виски и велел охраннику, чтобы тот решил вопрос относительно девушки на вечер. Нет, ради такой победы стоило устроить маленький праздник!

Через полчаса пришло сообщение от Рона. Назвавшись Хиро Али Роном, организатор чемпионата поздравил Кирьянова с нелегкой победой и выходом в полуфинал, где его ожидал некто мистер Уайт. Кстати, Рон сообщал, что призовой фонд снова вырос, пополнившись неким сюрпризом. Сюрприз этот заключается в том, что, в случае очередной победы, в финале пану представится возможность сыграть с партнером, с которым он, по словам Рона, «никогда еще не играл и не сыграет в будущем».

Что-что, а заинтриговать этот парень умел.

Москва, октябрь 1998

Сергей привез их в какую-то квартиру. По его словам, она принадлежала знакомому, уехавшему работать по контракту в Штаты, а Сергей снимал ее по сходной цене и использовал, как он выразился, для конфиденциальных встреч. Валя хотела было съязвить относительно характера этих встреч, но благоразумно воздержалась: все-таки хозяин только что вывез их, можно сказать, с поля боя.

Они уселись за кухонным столом. Всем было ясно, что есть несколько вопросов, которые необходимо обсудить немедленно.

Переговоры, как правило, всегда начинала Валя, но сейчас она несколько стушевалась, ибо ее глодали известные сомнения относительно знакомства Ольги и Сергея. Ольга ждала, что Валя, как обычно, заговорит первая. И поскольку обе они молчали, а пауза затягивалась, Сергей решил ответить, не дожидаясь вопроса:

— Вы хотите поинтересоваться, какого черта я за вами увязался и притащил сюда. Вам любопытно, какой смысл мне вытаскивать вас из-под пуль.

Валя, взглянув на подругу, кивнула, приглашая Сергея продолжать, и он продолжил:

— Причин две. Перво-наперво мне нужно вступить в контакт с Хароном. Это мой заказ, и заказчик платит за это хорошие деньги. Подчеркиваю: моя задача — лишь вступить в контакт, ничего больше. Раз Харон согласен общаться с Ольгой, то она крайне интересна для меня с точки зрения выполнения этого заказа. Поскольку я вытащил вас обеих с поля боя, я, как мне кажется, заслуживаю некоторой благодарности, а значит, вправе надеяться, что вы, — он церемонно поклонился Ольге, — замолвите за меня словечко перед знаменитым киллером. Вот такой расклад. — Сергей встал и раскланялся. Опасаясь, что в кухне снова повиснет тяжелая пауза, он хлопотал у плиты. — Чаю не желаете?

— А вторая? — напряженным голосом спросила Валя.

— Что — вторая? — Сергей повернул ручку конфорки, и под курносым немецким чайником сам собой вспыхнул огонь.

— Ты сказал, что причин две.

— А-а... — Детектив кивнул. — Действительно. Хотя зря я сказал про вторую причину, но раз уж сказал...

Он открыл холодильник и начал доставать какие-то продукты: початую банку джема, колбасу, масло, плитку шоколада. Валя обратила внимание на то, что вареная колбаса не заветрилась, хотя лежала без упаковки: значит, не так редко посещает детектив эти апартаменты.

— Вторая причина, — продолжал Сергей, доставая нож и снимая с колбасы шкурку, — в том, что вы мне нравитесь, девчонки.

— Сразу обе? — поинтересовалась Валя с сарказмом.

— Да, сразу обе. Но не в том смысле. Вы мне даже не нравитесь, а... — Он задумался, подбирая нужное слово,

и в это время пилил колбасу на тонкие ломтики.— Со-чувствую я вам.

— Почему? — допытывалась Валя.

Ольга порывалась одернуть ее, но не успевала, поскольку Сергей сразу отвечал на очередной вопрос.

— Почему? Сложно сказать. Вы несколько отстали от жизни.

— Семь лет на зоне,— напомнила Валя.

— Да, семь лет *там* — это много. Но, понимаешь, я видел людей, оттянувших срока и побольше. И малолеток бывших, и взрослых. Они все сразу бросаются на-верстывать упущенное, недополученное, недоеденное, что ли. Рвут друг друга, в банды собираются, под воров встают...

— Возвращаются на прежний проторенный путь... — Валя процитировала лекцию, которую читали незадолго до освобождения всем заключенным. Текст лекции, словно молитва, оставался неизменным много лет, но знали это, пожалуй, только рецидивисты, если, конечно, их не избавляли от этого ритуала. Отсидевшие один срок слышали ее лишь однажды, так что нужды редактировать напутствие «возвращающимся в ряды строителей социализма» не возникало. Тем более что многие из работавших в зоне были, возможно, еще больше отрезаны от внешнего мира, чем вверенные их заботам заключенные. Некоторые контролеры не выезжали из района десятилетиями, погрузившись с головой в исполнение своего долга перед отечеством.

— Да, возвращаются.— Сергей поставил на стол чашки.— Вам покрепче?

— Покрепче.— Ольге удалось-таки вставить хоть слово.

— Но дело в другом.— Сергей, подумав, решил заварить чай прямо в чашках.— Дело в том, что эти люди за-

черкивают все, что было до срока. Списывают и стараются забыть. Понимаете? Бывших друзей, любимых девушек, все, чем занимались до того. Понимаете?

— Не совсем.— На сей раз Валя ответила честно.

— Ну вот друг у меня был... — Сергей помолчал, помешивая заварку сразу в двух чашках.— В общем, сел он. Ненадолго. За драку. И знаете что? Девушка у него была. Ждала его, письма писала. Вроде как в армию он ушел. А вернулся... — Детектив пододвинул девушкам чашки и, сев за стол, налил чай себе.

— И что? — Ольгу заинтересовал рассказ.

— И ничего,— пожал плечами Сергей.— Он к ней даже не зашел. Лучшим другом у него стал один забулдыга у гастронома, бывший атлет, а теперь начальник бригады по приему посуды. Алкашей и бабулек строит в очередь...

— А она что? — Романтическая история явно заинтересовала Ольгу больше, чем следовало.

— Она? — Сергей медленно сыпал сахар в свою чашку.— Да при чем здесь она? Я же не о ней говорю. Понимаете, вы мне интересны. Вы прошли через это и, пройдя, не заразились этой дрянью. Для вас все было как... как этап, который нужно пройти, чтобы вернуться... ну, как...

— Как у спортсмена, который не выиграл Олимпиаду,— задумчиво произнесла Валя.

— Точно! — подхватил Сергей.— Прошло четыре года, и он опять на стадионе...

— Так, ладно. А почему тебе нас жалко? — перебила его Валя.

— Почему жалко? — Детектив погрустнел.— Да потому, что нет у вас шансов.

— Вот как?

— Вот так. А жаль. Я в детстве очень любил книжку про Айвенго.— Сергей отхлебнул из чашки.

— И что там с Айвенго?

— Да с Айвенго все закончилось хорошо. А ты не читала?

— Читала,— сказала Валя.— Только не пойму, почему у нас шансов нет.

— Вы дилетанты,— жестко ответил Сергей.— Хуже того, вы настолько отстали от жизни, что даже не понимаете правил тех игр, в которые садитесь играть. Если бы не я, то...

— Спасибо! — выпалила вдруг Ольга.

— Да,— согласилась Валя.— Спасибо. И спасибо за напоминание о вашей роли в нашей судьбе, доблестный рыцарь. Но вернемся к нашим баранам. Неужели все так безнадежно?

— Увы.

— Что же делать?

— Бежать.

— Бежать?

— Бежать,— повторил Сергей и кивнул на «дипломат».— Денег вам теперь хватит, а в провинции сейчас затеряться — пара пустяков.

— Что-то я не пойму.— Валя прищурилась.— Что ты гонишь тут?

— Фи, тюремный жаргон.— Сергей шутовски скорчил брезгливую мину и тут же нахмурился.— Что значит «гонишь»?

— То ты говорил, что тебе нужен Харон и ты помог нам поэтому. Теперь предлагаешь нам бежать. Как-то не очень понятно, Айвенго.

— Если на то пошло, то одно другому не мешает. Вы знакомите меня с Хароном, а я помогаю вам бежать.

— Ловко! — Валя хлопнула ладонью по столу и торжественно посмотрела на подругу: — Как тебе благородный рыцарь, а?

Ольга опустила глаза.

— А что, собственно, такое? — не сдавался Сергей. — Ты мечтала прострелить башку своему муженьку? Прострелила? Так чего ж тебе еще?

— Мне еще нужно рассчитаться с теми подонками.

— Тебе или Ольге?

— Не твое дело, понял?! — Валя вскочила.

Вскочила и Ольга.

— Стоп! — Сергей вскинул руки. — Сели и успокоились. Предлагаю запасной вариант.

Подруги переглянулись и медленно сели.

— Я помогу вам остаться в живых до конца вашей вендетты, — с расстановкой произнес Сергей. — Мои условия вам известны.

Он посмотрел на Ольгу. Валя тоже перевела взгляд на подругу. Та замялась:

— Ну, я не знаю. Я ведь даже не понимаю, почему этот Харон согласился мне помогать.

— Может быть, это кто-то из твоих прежних знакомых? — осторожно предположил детектив.

Ольга пожала плечами:

— Я правда не знаю. Я даже не знаю, на кого подумать. — Она развела руками и опустила голову.

Сергей задумчиво потер подбородок.

— Слушай, — повернулась к нему Валя. — А ты можешь найти компьютер?

— Компьютер? — Сергей посмотрел на девушку с недоумением.

— Ну, как на даче.

— А! — сообразил детектив. — В смысле — с выходом в Интернет?

— Ну да.

Сергей усмехнулся:

— Да компьютер и здесь есть. Так что можем попробовать прямо сейчас.

— Давай? — Валя толкнула подругу.

— Давай,— неуверенно согласилась та.

Сергей провел их в комнату, где высился на столе двадцатидюймовый мультимедийный красавец. Быстро войдя в программу, детектив послал запрос по сети. Прошло две минуты, и на экране появился значок.

— Черт, он что, спит с ним в обнимку? — Сергей с довольным видом потер руки, поставил пальцы на клавиатуру и повернулся к Ольге: — Сначала решаешь свои вопросы, потом пишем обо мне. Мол, хороший парень хочет с тобой поговорить. Идет?

Ольга пожала плечами: почему нет?

Сначала Харон, как обычно, прислал ребус для проверки. Ольга ответила.

«Понятно. Долго молчала. Докладываю, что Евгений Зыков убит. Завтра это должно попасть в сводки газеты «Московский комсомолец». С тебя десять штук...»

Ошарашенные, они прочли краткую инструкцию: Ольга должна пойти в камеру хранения, открыть по коду ячейку, взять лежащую там записку, вложить в свой пакет с деньгами и оставить там. Записку разворачивать смертельно опасно.

«Поняла. Все сделаю»,— набил Сергей ответ и, получив от девушки одобрительный кивок, отправил сообщение.

«За мной еще трое. С тебя еще двадцать штук. Кирьянова я тебе дарю. Конеч».

— Черт! — Сергей в сердцах стукнул кулаком по столу.— Обидно. Не успели.

На самом деле он был доволен. Во-первых, удалось договориться с девчонками. Во-вторых, диалог с Хароном продолжался. В-третьих, он собирался понаблюдать за ячейкой и выяснить, кто заберет деньги. Но самое главное, он был теперь почти уверен, что Харон работает в Москве. Уверен на девяносто девять процентов.

Москва, октябрь 1998

Ответов у Насоныча было гораздо меньше, чем вопросов у этого молодого следователя. Он и сам не понимал, что произошло на даче, пока они отвозили Валю к Бобру, а нужно было еще оставить следствие в относительном неведении.

Когда они вернулись, в доме шуровала милиция, во дворе стояли милицейские машины и «скорая». Оказалось, что Вадим убит, а Ольга таинственно исчезла. Милицию вызвали соседи.

Это было ЧП. Требовалось срочно разобраться, что произошло, и взять ситуацию под контроль, а он сидел здесь с этим проклятым опером и старательно завешивал ему уши лапшой, следя за тем, чтобы не ляпнуть лишнего и чтобы концы с концами хоть немного сходились. Самой большой проблемой было то, что Вадим оказался вооружен. Вопросы типа «есть ли еще оружие в доме?» могли обернуться большими неприятностями. Насоныч, не испытывая особых угрызений совести, свалил все на убитого инструктора: дескать, попросился знакомый пожить, а что уж там с собой привез, проверить было неудобно.

Допрос длился более часа. Вернее, как поправил его следователь, не допрос, а опрос, ибо на данный момент Насоныч проходил как свидетель. Выпроводив наконец команду ищеек, Насоныч бросился к телефону и назна-

чил встречу двум людям, которые могли понадобиться для прояснения обстановки. Само собой, на дачу их приглашать не стоило, встреча была назначена в ресторане «Бомбей».

Быстро собравшись, Насоныч со свитой вышли во двор и сели в машину. Человек, вызванный для охраны дома вместо Вадима, проворно открыл ворота. Машина тронулась, плавно преодолевая небольшой подъем от ворот к шоссе.

Неожиданно к ним подбежал, возбужденно размахивая руками, молодой парень. Он постучал в окно со стороны Насоныча, прося открыть дверцу.

Лицо парня было знакомо: один из боевиков Шалы, помогавший Жуку наводить порядок в рекламных агентствах. Шестерка, в общем. Насоныч решил держать марку и снизошел лишь до того, что опустил тонированное стекло, и то лишь сантиметров на десять.

— Чего тебе? — спросил он, даже не повернув головы.

— Я это... — засуетился парень, доставая что-то из кармана. — Я от Шалы.

— И что? — Насонычу нравилось разговаривать высокомерным тоном. В рекламном деле это удастся редко, и грех было упустить такую возможность.

— Шала просил передать, — нервно заговорил парень, — что ты зря затеял эти игры.

— Что?! — Насоныч изобразил возмущение, но сердце екнуло: Шала присылает к нему какого-то шныря, чтобы сообщить о своем недовольстве. Что это значит?

— Он сказал, что с ним такие номера не проходят...

Надо было сворачивать разговор. Что за черт? Эта шестерка его отчитывает!

— И еще. Он просил передать ультиматум.

Парень просунул в окно запечатанный конверт. Принимая его, Насоныч успел заметить надпись на каком-то непонятном языке.

— И еще вот.— Парень сунул в окно небольшой сверток и зацепился пальцами за край стекла. Продолговатый комок тяжело упал, больно ударив, на колени Насонычу и скатился под ноги.

Насоныч машинально наклонился. Не сделай он этого, то увидел бы, что парень бросился бежать, неуклюже прикрывая голову руками. И тогда, возможно, у Насоныча был бы шанс выпрыгнуть из машины прежде, чем взорвется аккуратно завернутая в пакет из «Макдоналдса» граната. Но он не увидел этого. Он успел лишь поднять посылку от вора и удивленно посмотреть на вскрикнувшего от ужаса более сообразительного Котю.

От первого взрыва машина содрогнулась. Тонированное стекло разметало по желтеющей уже траве, будто осколки пивных бутылок. Впившиеся изнутри в кузов осколки выгнули металл, словно покрыв гладкую поверхность сыпью или бородавками, отчего благородные бока иномарки стали вдруг похожи на кожу жабы. Но, если даже и были очевидцы этого взрыва, вряд ли кому-то успело прийти на ум подобное сравнение, потому что почти сразу рванул бензобак.

Москва, октябрь 1998

Борис Беленков не собирался так легко сдаваться. Для начала надо было подсчитать, сколько денег можно снять со счета фирмы, сколько можно собрать, если не закупать следующую партию оборудования. Конечно, не наберется и половины необходимой суммы, но по крайней мере будет ясно, сколько не хватает. Тогда уже можно думать. О чем? Например, о том, чтобы собрать

какие-нибудь предоплаты. Неплохой вариант. Отдать эти деньги Шале, потом получить наконец товар из Италии и скинуть его по дешевке. Максимум придется заплатить небольшие пени по этим договорам. Вопрос только в том, подо что набрать столько предоплат? Может, попытаться впарить кому-нибудь эти обогреватели? По дешевке, но с предоплатой. Но кому?

Борис сел за стол и включил компьютер. Начинать надо с подсчета того, что есть.

Загрузившись, программа немедленно сообщила, что для Бориса имеется сообщение. Он щелкнул клавишей, чтобы прочесть.

В сообщении была картинка. Фотография. На фотографии Борис на своем рабочем столе проверял профессиональную пригодность одной новой сотрудницы. Снимали через окно кабинета сквозь открытые жалюзи, но понять, кто попал в кадр и чем они заняты, не составляло труда.

Беленков посмотрел в окно, пытаясь сообразить, откуда была сделана фотография. Это оказалось нетрудно: с крыши соседнего дома.

Фотографию сопровождала подпись: *«В ваш семейный альбом»*.

Борис проверил, нет ли других сообщений. К счастью, это было единственным.

Что ж, значит, у него стало проблемой больше. Но с ней он разберется позднее, тем более что пока не ясно, с какой стати эта фотография появилась в его компьютере. Да и обратиться за подмогой было не к кому: Жук пропал, а соваться к тестю не только не имело смысла, но и вообще было теперь равносильно самоубийству.

Борис занялся подсчетами. Выходило, что можно рассчитывать на еще меньшую сумму, чем та, которую

он надеялся снять со счетов. Со всеми активами и резервами не набиралось и пятой части необходимого.

Что ж, сколько есть. Надо искать остальное. Борис набрал номер одного своего приятеля и партнера:

— Привет! Как жизнь?

— Нормально. Идет. А у тебя как?

— Тоже нормально. Слушай, у меня для тебя выгодное дело.

— Ну?

— Можно по дешевке привезти из Италии технику.

— Вези. Какие проблемы? Сейчас все улетает — дай дорогу!

— Войдешь в долю?

— В смысле?

— Ну, в смысле взять контейнер под себя.

— Под себя? Да не, Белый, ты чего! Ты привози — я куплю.

— Так ведь по себестоимости же все получишь!

— Ну... Это хорошо, конечно, но столько бабок замораживать... Сейчас ведь метут все подряд. Я, знаешь, сколько дрелей продал за неделю?

— Давай дрели привезем!

— Не, Белый. У меня получается, бабки три раза обрачиваются, пока этот контейнер придет. Нет мне смысла. Да и бабок столько, если честно, нет.

— Ну, возьми не половину, возьми часть!

— Да не, Белый, ты извини, но я пас.

Примерно так же сложились разговоры со всеми, кому звонил Борис в течение следующего часа. Те, у кого больших денег не было, не хотели рисковать, те, у кого были, возили оборудование сами. Оставалось рассчитывать только на сбор небольших сумм с небольших фирмочек, но, чтобы по таким крохам собрать всю сумму долга, понадобилась бы как минимум неделя.

Исчерпав список потенциальных крупных инвесторов, Борис положил трубку, но телефон тут же зазвонил.

— Слушаю, Беленков.

Из трубки хлынули ругательства, всхлипывания, какие-то несвязные выкрики. Борис не сразу понял, что это звонит Лялька.

— Подожди, что стряслось?

В ответ — новый поток тех же звуков, из которых удалось наконец вычленить смысл. Стряслось нечто, сопоставимое только с историей с кредитом: Лялька получила заказное письмо с пачкой фотографий, и, поскольку она говорила о похождениях мужа во множественном числе, стало ясно, что недостатка в картинках не было.

— Погоди минутку,— предпринял Борис тщетную попытку уговорить супругу.

— Кобель чертов, сволочь, я уезжаю! Уезжаю к папе... У-уу! — Лялька заревела и бросила трубку.

К папе! Только папы ему и не хватало! Борис спешно набрал домашний номер, но Лялька не отвечала. То ли она просто не подходила к телефону, то ли за тот час, что Борис обзванивал компаньонов, успела собрать шмотки и теперь уже выкатилась из квартиры.

Что ж, здесь уже ничего не изменишь. Борис решил не дергаться и продолжать поиск денег. Тем более что секретарша принесла ему на подпись счет за междугородние переговоры, и Борис узнал, что имеющаяся в его распоряжении наличность уменьшилась еще на триста баксов.

Следующие полчаса принесли некоторый успех. Один из компаньонов согласился вложить в контейнер двенадцать тысяч. Не бог весть что, но лиха беда начало!

Борис позвонил в торговый зал и осведомился о сегодняшней выручке. Торговля шла неплохо. Сумма при-

ближалась к десяти тысячам. До конца рабочего дня еще три часа, так что на десятку можно рассчитывать.

Снова зазвонил телефон.

— Слушаю, Беленков.

— Слушай-слушай, козел! — По тону тестя Борис без труда понял, что Лялька уже добралась до родительского порога. — Я тебе обещал устроить веселую жизнь?

Вопрос был явно риторическим, и Борис не счел нужным отвечать.

— Обещал, — напомнил тесть. — И я тебе устрою! Ублюдок!

Громко посопев несколько секунд и, видимо, не найдя, что сказать, Семен Васильевич бросил трубку.

Борис приуныл. Обложили его со всех сторон. При чем фронтов, по всей видимости, даже не два, а три. С одной стороны Шала с вопросом о деньгах. С другой стороны — любимый тесть во всеоружии своего департамента. А с третьей — вообще неизвестно кто. Раз фотографии — не Лялькина работа, значит, существует некто третий, сделавший их с непонятной целью и подсунувший теперь и без того разъяренным родственникам. Хоть бы намекнул, гад, кто он и чего от него еще ожидать?!

ГЛАВА 19

Москва, 1991

Хильде сообщили, что в дальнейшем она будет работать в паре с Харитоном.

Она успела взять себя в руки и теперь смотрела на историю с генералом как на несчастный случай. Или даже счастливый случай, позволившей Хильде одним ударом приобрести взамен репутации перспективного сотрудника репутацию профессионала.

Но это вовсе не означало, что Хильда собирается продолжать готовить почву для смерти новых людей. И Харитона она встретила в штаны.

— Какие у нас планы, *коллега*? — Слово «коллега» она произнесла, не скрывая неприязни.

— Никак не возьму в толк, за что ты на меня взъелась.

— Мы уже перешли на «ты»?

— Да. Думаю, да, ибо нам предстоит много работать вместе. Так вот, я никак не возьму в толк, чем я перед тобой так провинился? В конце концов, ты же сама взялась уговорить нашего общего знакомого повеситься, хотя, признаться, не пойму, как тебе это удалось? В лю-

бом случае это фигура высшего пилотажа, каких я на своем веку еще не видывал.

— На своем веку? То есть вы хотите сказать, что знаете случаи, когда людей сознательно доводили до самоубийства?

— Знаю? — Харитон усмехнулся. — Не просто знаю. Я сам занимался этим.

— Как?!

— Довольно долго и профессионально. Поскольку мы теперь работаем вместе, тебе лучше узнать это сразу. Я занимался тем, что подводил людей к нужному решению...

— Кому нужному?

— В те годы, когда я начинал, это было нужно отечеству, — уклончиво ответил Харитон. — Теперь это нужно нашему работодателю. Кстати, ты уже знаешь?

— О чем?

— Премия — сто тысяч.

— Какая премия?

— Премия тебе. За генерала. Сейчас деньги лежат в Цюрихе. Можешь перевести их куда захочешь.

— Сто тысяч долларов? — Сумма привела Хильду в замешательство.

— Долларов, — подтвердил психиатр. — Вижу, что ты довольна. Но вернемся к теме разговора. Я занимался тем, что подводил людей к нужной мысли. Сразу успокою, что суицид как цель был редкостью и готовились такие программы месяцами. В основном речь шла об определенных шагах, способных повлечь последствия...

— Понятно. Дальше что?

— А теперь я собираюсь на заслуженный отдых, и мне нужно передать кому-то...

— Свою лиру, — подсказала Хильда.

— Да, именно.

— То есть вы с Кирьяновым и компанией хотите сделать из меня профессионального серийного убийцу?

— Ну, я полагаю, не стоит так утрировать. Я же говорил, что довести человека до подобного шага крайне сложно. Как правило, речь идет лишь о том, чтобы подвести его к мысли отказаться от какого-то шага или уйти с занимаемого поста. Поверь, это намного проще и безобидней. Убедить человека сойти с дистанции достаточно легко. От него не требуется никаких дополнительных усилий, ничего особенного. Чтобы покончить с собой, нужно находиться в совершенно ином состоянии, расположении духа, что ли. А тут: устал бежать — просто остановись!

— Просто? — с сарказмом переспросила Хильда.

— Конечно. Отойди в сторону, дай дорогу другим. В физическом устранении человека необходимость возникает крайне редко, а при сегодняшнем разгуле преступности существует такое изобилие способов убить человека без ущерба интересам дела...

— Какого дела?

— Хильда Арвидасовна, — всплеснул руками Харитон, — да что ж вы все к словам цепляетесь?! Никакого дела. Мне, прошу прощения за каламбур, нет дела до того, для чего заставляют уйти на пенсию того или иного чиновника. Это мне не интересно. Я получаю деньги за свою работу.

— Удобная позиция.

— Она меня вполне устраивает.

— А меня, представьте, нет! — Хильда скрестила руки на груди.

— Ты зря встаешь в позу, — улыбнулся Харитон. — У тебя просто нет выбора. Так что давай не будем терять времени. Я введу тебя в курс дела.

Москва, октябрь 1998

Выполнив инструкции Харона и положив деньги в нужную ячейку, Ольга поспешила доложить ему об этом, но прошло два дня, прежде чем киллер соизволил откликнуться.

Эти два дня девушки провели в квартире Сергея. Детектив уходил куда-то рано утром и появлялся лишь поздно вечером. Так что переезд с дачи на квартиру практически не изменил распорядка их жизни. Они по-прежнему оставались в добровольном заточении, сменилась лишь тюрьма.

Правда, Сергей доверял им несколько больше: пользоваться компьютером они могли безо всяких ограничений. Хотя Валя и подозревала, что хитрый хозяин настроил машину так, чтобы без него контакт с Хароном был невозможен. Подозрения свои она высказала только раз и, не получив поддержки подруги, впредь держала их при себе. Однако подозрения ее усилились после того, как Харон наконец отозвался: ответил он именно тогда, когда Сергей забежал на часок, чтобы принести продукты и пообедать. Слишком уж много совпадений в последнее время.

Итак, Харон ответил:

«Макс Андросов. 10 000 положите на счет...» Далее последовал номер счета и банк, куда нужно было положить деньги. На сей раз Харон замолчал, даже не попрощавшись.

Ольга и Валя были ошеломлены скоростью, с которой развивались события. Они никак не могли привыкнуть к мысли, что сидят вот тут у компьютера, глядя на светящийся экран, и получают рапорты о том, что люди, на которых они указали, умирают один за другим. Умирают просто потому, что Ольга и Валентина этого захотели.

Мысли Сергея витали в иных сферах. Изображая уныние по поводу того, что ему снова не удалось откомендоваться легендарному киллеру, он поздравлял себя с удачей. Счет в банке! Счет, открытый, судя по всему, недавно на физическое лицо. Это могла быть ниточка, ведущая к Харону!

Детектив не питал иллюзий относительно таланта Харона запутывать следы. Помнил он и о неудаче, постигшей его при прошлой попытке. Засада у камеры хранения вывела его на одного из боевиков бывшей бригады Жука, парня по прозвищу Серп. Сейчас Сергей не сомневался, что Серп имел отношение к смерти своего бригадира. Но так же не сомневался детектив в том, что Серп не знал, кто такой Харон. Суперкиллер просто использовал заурядного бандита для грязной работы.

На сей раз тоже могло случиться так, что владельцем счета окажется обычный рекрут, которому, возможно, было поручено организовать убийство Андросова. Но чутье подсказывало детективу, что теперь его ждет сюрприз. Нужно было срочно проверить, кто владелец счета. Сергей даже вызвался отвезти деньги в банк, но Валя корректно объяснила ему, что они хотят быть уверены в том, что деньги точно попадут по адресу.

Сергей, конечно, изобразил оскорбленное достоинство и отправился «по своим делам». На самом деле он помчался наводить справки о владельце счета. Если бы удалось это сделать, прежде чем деньги со счета будут сняты! Сергей не сомневался, что потом счет будет немедленно закрыт.

Москва, октябрь 1998

Борис сидел за столом и задумчиво выбивал пальцами популярный мотив. Выбивал он этот мотив, бараба-

ня суставами по черному боку австрийского «дипломата», где лежала ровно половина суммы, которую он через два часа должен был отвезти Шале. Только половина.

Он отослал секретаршу обменять всю имевшуюся в кассе наличность на доллары. Там оказалось не так много, около четырех тысяч.

Настроение у Бориса было препаршивое. Слава богу, что хоть тесть дал ему сегодня выпасться. Хотя их с Лялькой молчание, конечно, подозрительно. Может, тесть попытался привести в исполнение свою угрозу и у него ничего не вышло? Эта версия очень нравилась Борису, но он боялся, что затишье вызвано иными, менее утешительными причинами. Впрочем, каковы бы ни были эти причины, они никак не могли повлиять на решение проблемы с долгом. И Борис просто приказал себе забыть о них.

В приемной слышались шаги. Борис убрал руку с «дипломата» и откинулся на спинку кресла.

Дверь распахнулась, и на пороге возникли двое: высокий широкоплечий детина лет двадцати пяти и невысокий кавказец в некогда дорогом, но сильно полинявшем костюме. Уверенной поступью они направились к столу.

Борис нехотя поднялся им навстречу.

— Я прошу прощения, но... — Он хотел было извиниться и сказать, что посетителей сегодня не принимает, но кавказец перебил его:

— Мы от Шалы, братан.

— От Шалы? — Брови Бориса поползли вверх.

— От Шалы,— кивнул кавказец.— За бабками. Собрал?

Борис неуверенно повел плечом и щелкнул по «дипломату»:

— Здесь ровно половина вместе с процентами.

— Половина? — удивился кавказец. — Мы все пришли забрать, да? Почему только половина, братан?

— Сейчас секретарша еще принесет, — сказал за чем-то Борис, хотя принести она должна была сушие крохи.

— Братан, я не пойму, — кавказец приблизился вплотную и повысил голос, — я что, должен ждать твою секретаршу? Я кто, по-твоему?

— Ну, — Борис демонстративно посмотрел на часы, — у меня есть еще час. Пятьдесят шесть минут с секундами. Не так ли?

— Нет. Время вышло, братан. В воскресенье часы переводили. Забыл, да?

— Вот как! — Борис возмущился от души, которая, кстати, при появлении таких гостей ушла в пятки. — Даже это посчитали!

— А ты как думал, братан? — искренне удивился Бориной наивности кавказец. — Бабки должны все время крутиться. Каждый час, каждую минуту, да?

Борис не нашелся, что ответить.

— В общем, — подвел итог кавказец, — здесь только половина.

— Половина, — обреченно кивнул Борис.

Кавказец молча развернул «дипломат» к себе. Открыв его, посмотрел на деньги, взял одну пачку в руки и принялся перелистывать стянутые резинкой купюры.

В этот момент дверь с треском распахнулась, едва не слетев с петель, и в кабинет ворвались пятеро в камуфляже и черных масках. Размахивая автоматами и выкрикивая классические для операции по задержанию команды, руповцы споро уложили всех троих на пол и обыскали.

Еще через минуту комната наполнилась людьми. Голоса, шелчки фотоаппаратов, шелест бумаги.

Борис лежал, уткнувшись носом в пыльный ковролин, и беззвучно смеялся от счастья. Все-таки он был несправедлив к своему тестю! Тот прислал-таки подмогу: Борис не сомневался, что появление в его кабинете опергруппы — дело рук Семена Васильевича. Должно быть, и Лялька не осталась в стороне: проплакавшись, уговорила папашу помочь непутевому мужу. Одним махом были решены все проблемы: само собой, с тестем, с долгом, ибо вряд ли Шала посмеет теперь прислать к Борису своих боевиков, и с тем фотографом — его фотоальбом не представлял больше угрозы.

Борис не возражал, когда его подняли и сопроводили в милицескую машину. Семену Васильевичу виднее. Наверное, он решил представить дело так, что руоповцы нагрянули в «Белтех» по собственной инициативе. Гениально! Теперь даже воры не смогут обвинить Бориса в том, что он заложил братву легавым.

Дальнейшие события были разыграны по всем правилам. Борису и его гостям сообщили, что они обвиняются по ряду статей в вымогательстве, захвате заложников, бандитизме и еще черт знает в чем. В общем, у курьеров Шалы не должно было возникнуть ни малейшего подозрения, что Беленков — такая же жертва ментовского произвола.

Потом всех троих развели для допроса в разные камеры.

Борис рассчитывал, что тут-то и появится Семен Васильевич в парадном мундире, чтобы пожурить зятя, сделать ему последнее предупреждение и отпустить с миром восвояси, к супруге. Вместо этого угрюмый следователь начал задавать ему какие-то дикие вопросы. Когда гражданин Беленков вступил в преступную груп-

пу? Как давно является держателем общака? Что ему известно об убийстве такого-то? Сначала Борис пытался подыгрывать, самым серьезным образом отвечая на эту чушь и решительно отменяя абсурдные обвинения.

Он уже собирался напрямую спросить следователя, долго ли еще они будут ломать комедию, но воздержался: вдруг опер не в курсе планов тестя?

Допрос длился меньше часа. После этого следователь вызвал конвоира и распорядился отвести задержанного в камеру. Так далеко заходить Борису не хотелось. Сидеть в камере со всяким сбродом, а возможно, и с теми двумя курьерами — это чересчур.

Наклонившись к следователю, Борис тихо спросил:

— А вы не могли бы связаться с Семеном Васильевичем?

Маленькие глазки следователя сузились:

— Зачем?

— Ну, сообщить, что я здесь.

— Он в курсе.

— Я понимаю,— глупо улыбнулся Беленков.— Но я хотел спросить, когда он распорядится меня... это... освободить.

— Освободить? — Глазки сверкнули недобрым огоньком.— Семен Васильевич звонил сегодня утром и велел проводить следственные действия в строгом соответствии с законом. И просил, кстати, не делать тебе поблажек, хоть ты ему и зять. А освободишься ты с таким послужным списком лет через двадцать, если не схлопочешь вышак. Еще вопросы есть? Увести!

— Подождите! — Борис вскочил. Мир перевернулся с ног на голову во второй раз за сегодняшний день.

— Сейчас будет больно,— бесцветным голосом предупредил следователь.

Борис сник.

Он шагал в сопровождении конвоира по каменной утробе чекистских коридоров. Тесть, оказывается, и не собирался вытаскивать его. Напротив, он привел в исполнение свою угрозу, отбив его у одних воров лишь для того, чтобы тотчас засунуть к другим.

Борис поражался своему спокойствию. Он шел с невозмутимостью барана, которого гонят на бойню. Но баран спокоен потому, что не понимает смысла происходящего, но он-то... А что, собственно, он? Он тоже не представляет себе, что ждет его в камере, что ждет его завтра, через месяц, год. Он, Борис Беленков, — тот же баран, находящийся во власти своего чабана. И ничего тут не поделать.

— Лицом к стене! — скомандовал конвоир возле массивной железной двери.

Борис повиновался, встав к стене. Он много раз видел в фильмах, как это делают арестованные.

Прежде чем дверь камеры распахнулась, чтобы принять нового обитателя, конвоир чуть слышно произнес:

— Если нужно передать маляву — передай мне. А тебе привет от Ольги Климовой.

Упоминание незнакомого имени заставило Бориса встрепенуться и напрячь память. Ольга Климова. Нет, это имя было не незнакомым. Оно было основательно подзабытым.

Климова, Климова... Борис шарил по пыльным полкам своей памяти, пытаясь сообразить, кто же это передает привет.

Дверь камеры открылась.

Климова. Ольга Климова...

Конвоир втолкнул Бориса в тесную камеру.

Климова...

Дверь за спиной Беленкова с лязгом затворилась.

Ольга Климова!

Он вспомнил.

— Стой! — Повернувшись, Борис бросился на дверь и забарабанил по холодному железу кулаками. — Стой!

Он вспомнил и понял сразу все. Он вспомнил, кто такая Ольга Климова, вспомнил Алексея Владимировича, хлопотавшего, чтобы замять то дело. Вспомнил, что Климову Кирьянов называл тогда не иначе как «серая мышка». Мышка! Так вот кто этот проклятый фотограф! Вот кто эта мышка, чьи слезки отливаются теперь ему, Борису Беленкову! Вот, кто его подставил!

— Откройте! — Борис молотил в дверь, не обращая внимание на то, что вся переполненная камера наблюдает за ним.

— Слышь, падла! — раздался у него за спиной прокуренный голос. — Ты что, в натуре, бакланишь? Перебудил всех, понимаешь...

Борис перестал стучать и медленно обернулся. Все население камеры заинтересованно рассматривало новоприбывшего.

— Ты Белый? — снова последовал вопрос, заданный тем же хриплым голосом. Принадлежал этот голос немолодому щуплому мужичку, полулежащему на верхних нарах в дальнем углу камеры.

Борис кивнул.

— Мусорской зятек, значит? Своих сдавал, гад?

ГЛАВА 20

Далекая Теплая Страна, октябрь 1998

«Дорогой пан, поздравляю Вас с блестящей победой над господином Уайтом и выходом в финал. В финале, как я и обещал, Вас ожидает сюрприз. Вам предстоит встретиться с самым необычным соперником, какого можно представить. Приз в случае победы будет также большим сюрпризом для чемпиона. Ваш новый соперник свяжется с Вами через некоторое время.

Искренне желаю успеха!

Харитон А. Рон».

Теперь он стал Харитоном! Алексей Владимирович усмехнулся и набрал:

«Господин Рон! Прежде всего позвольте поблагодарить Вас за то удовольствие, которое я получил от участия в Вашем турнире. Во-вторых, спасибо Вам за поздравления. Еще я хотел поинтересоваться, как все-таки Ваше имя. Я обратил внимание, что каждое свое сообщение Вы подписываете новым именем. Как же прикажете Вас называть?»

Ответ пришел почти сразу, словно Рон ждал этого вопроса и уже подготовился. Алексей Владимирович не-

вольно вздрогнул, увидев, что сообщение написано по-русски.

«Имя, Алексей Владимирович, не имеет значения. Главное, чтобы сохранялись инициалы. Х. А. РОН».

Кириянов отшатнулся от монитора, словно от экрана могла исходить какая-то угроза. Харон! Харон нашел его! Харон собственной персоной! Восстал, вернулся из мертвых и нашел его, умершего для всего мира, чтобы... Чтобы что?

«Какими судьбами?» — отправил Кириянов очередное сообщение.

«Хочу забрать Вас в свое подземное царство».

«Спасибо за приглашение, но я не тороплюсь».

«Думаю, что через несколько дней Вы сами попроситесь туда. До скорого! Харон».

«Это угроза?»

Ответа не последовало. Кириянов просидел возле компьютера почти полчаса, но ответ так и не пришел.

Значит, Харону удалось не только уцелеть, но и найти его. Ясно, для чего: чтобы свести счеты, отомстить. Следовательно, надо готовиться защищаться. Прежде всего — попытаться узнать, обнаружен он, или убийце известен только адрес в сети. Затем нужно бы связаться кое с кем в России.

Да, с Хароном шутки плохи, но и сам Кириянов стреляный воробей, а деньги и связи, еще сохранившиеся в резерве Алексея Владимировича, уравнивали шансы.

Москва, октябрь 1998

Ольгу снова мучили кошмары. С той лишь разницей, что теперь это были просто кошмары со страшилищами, уродцами и разной пестрой белибердой.

Проснувшись в очередной раз, она тихо, чтобы не разбудить спящую Валю, встала с кровати и на цыпочках прошла в ванную.

На кухне горел свет. Сергей сидел за столом и чертил на листе бумаги какую-то схему. Услышав шаги, он поднял голову и посмотрел на девушку.

— Доброе утро,— кивнула Ольга.

Сергей лишь усмехнулся в ответ и снова склонился над своей схемой.

Ольга вошла в ванную и взглянула в зеркало. Ничего забавного она не увидела. Просто заспанная девушка. Она умылась и промокнула лицо полотенцем. У Сергея был всего один халат, висевший сейчас на вешалке у двери. Ольга надела его и вышла. Остановившись на пороге кухни, она выждала минуту, пока детектив оторвется от работы.

— Что смешного я сказала? — спросила она с вызовом.

— Да, в общем, ничего, если не смотреть на часы,— пожал плечами Сергей.

— А сколько времени?

— Половина третьего.

Ольга сделала шаг вперед и посмотрела на циферблат его «Касио».

— Да, действительно. А ты чего не спишь?

— Я сова.

— Сова?

— Ну, есть люди-жаворонки, а есть...

— Это я знаю,— отмахнулась Ольга.— Просто я не замечала, чтобы ты спал днем.

— А ты наблюдательная.

— Ты тоже.

— Спасибо.— Сергей сложил листок и отложил на край стола.— Кофе будешь?

— Давай.— Ольга села за стол.

Сергей достал из шкафа турки и банку.

— Над чем работаешь? — Ольга кивнула на сложенный листок.

— Это? Да так, очередной заказ.

— Интересная у тебя, наверное, работа.

— Когда как,— усмехнулся Сергей.— Иногда становится до того скучно, что хочется все бросить.

— Это когда? — Ольга, подперев кулаком подбородок, приготовилась слушать.

— Когда висишь, привязанный за ноги к трубе отопления, а перед носом у тебя размахивают паяльной лампой.

— Даже такое было?

— Один раз.— Сергей поставил турки на плиту.

— А стоит ли так рисковать? Может, заняться чем-то другим?

Детектив молчал, сосредоточенно наблюдая за турками.

— Почему ты вообще этим занимаешься? — попыталась зайти с другого бока Ольга.

— Исключительно ради денег.

— И что, большие деньги?

— Я считаю, что приличные.

— Но если тебя убьют, то никакие деньги будут не нужны.

— Ну, до такого я стараюсь не доводить.— Сергей приподнял турки и, подождав, пока осядет пена, снова опустил их на огонь.

— А ты... — Ольга понизила голос и отвела взгляд,— много людей...

— Убил? — Сергей с ловкостью бармена поднял турки и, развернувшись, быстро вылил их содержимое в чашки.— Ни одного. Я не то что сильно верующий, но

считаю, что если есть возможность не грешить, то и не стоит. Вдруг там кто-то есть?

— Значит, не при одном условии?

— Можно сказать и так. Но я думаю, что убить человека можно только в одном случае — если этот человек пытается убить тебя самого.

— А за деньги?

— За деньги — нет.

— А за большие деньги? За очень большие деньги?

— Всех денег не зарабатываешь. А мне хватает работы и без этого.

— Вкусный кофе.— Ольга пригубила напиток и поставила чашку на блюдце.

— Я его иногда потребляю литрами, так что была возможность научиться.

— Сергей, а мы — это тоже бизнес?

— Отчасти.

— А отчасти тебе нас жалко?

— Отчасти я хотел бы вам помочь.

— Почему?

— Я уже объяснял как-то.

— Но тебя ведь коробит, наверное, от нашей кровожадности?

— Есть немного. Но я вполне могу это понять.

— Все равно как-то странно...

— Что — странно?

— Ну, что ты так рискуешь из-за людей, которых видишь впервые в жизни.

— А ты считаешь, что рисковать можно только из-за людей, которых знаешь давно?

— Тогда ты хоть уверен, что рискуешь не зря, не ради... случайных знакомых.

Сергей допил кофе и встал, чтобы помыть чашку.

— А будь мы знакомы давно, это тебя не удивило бы?

— Может, и удивило бы, но меньше.

— Тогда могу тебя успокоить. Мы знакомы уже двенадцать лет.

— Как?!

— Мы учились в одной школе.

— Правда? — Ольга просияла. — Вот здорово!

— А чего же здорово, если ты все равно этого не помнишь?

— Ну... Я вспомню. Я обязательно вспомню, если только ты мне чуть-чуть поможешь.

— Как?

— Ну, напости мне, в каком ты классе учился, чем занимался... — Ольга даже привстала от волнения.

— Попробую, — Сергей кивнул, закрывая шкаф. — Помнишь записку со стихами?

Глаза у Ольги округлились:

— Это был ты?!

— Ну, теперь ты доверяешь мне свою безопасность?

Ольга стояла и смотрела на детектива широко раскрытыми глазами.

— Что же ты раньше молчал?

— Когда раньше?

— Да тогда, придурок, в школе!

— Вот те раз! Почему же я придурок?

— Да потому, что, знай я, кто автор этих стихов, убежала бы с тобой на край света и никогда не связалась бы с этим... — губы ее дрогнули, глаза заблестели от навернувшихся слез, — с этим...

— Оля... — Сергей поднял руку, словно пытаясь остановить готовые побежать по щекам соленые капли, и этого оказалось достаточно, чтобы девушка уткнулась в его рубашку и разрыдалась.

Сергей не знал, что делать. Одной рукой он неуверенно обнимал девушку за вздрагивающие плечи. Он

просто стоял и ждал, пока слезы иссякнут и Ольга успокоится.

— Оля,— тихо повторил он, когда соленый поток пошел на убыль.

— Что? — спросила она, не отрывая головы от его груди.

— Ты прости меня, пожалуйста.

— За что? — Ольга подняла заплаканное лицо и улыбнулась.

— Я не писал тебе записок.

— Что? — Улыбка начала быстро таять.— Как не писал?

— Ну,— Сергей отвел глаза,— я...

— Ты знаешь, кто ее написал, да?

— Нет.— Сергей покачал головой.— Ты прости, пожалуйста, но я не учился с тобой в одной школе. Я вообще окончил военное училище в Кременчуге.

— Не понимаю... — Продолжая сжимать ткань рубашки, Ольга отстранилась, чтобы попытаться поймать его взгляд.— А как ты узнал?

— Боже ты мой! — Детектив всплеснул руками.— Да никак. Просто хотел показать тебе... Ну, не могло такого быть, чтобы тебе не писали таких записок, не может такого быть, чтобы ты помнила всех, кто учился в вашей школе.

Ольга разжала пальцы и отступила.

— Ты врешь, да?

— Я... — Сергей тяжело вздохнул.— Я говорю правду. Пойми.

— Я все поняла. Сволочь ты.— Она развернулась и хотела уйти, но Сергей схватил ее за плечо:

— Подожди, Оля!

— Пусти,— угрожающе прошипела она, и Сергей убрал руку.

— Я хотел тебе сказать...

— Пусти!

— Я бы тоже написал тебе что-нибудь, если бы учился с тобой...

Ольга не дослушала его. Войдя в комнату, она тихо скинула халат, легла на кровать и, свернувшись калачиком, укрылась с головой одеялом. Она несколько раз всхлипнула, но заплакать во второй раз не получилось. Она просто лежала и думала.

Пролежав неподвижно какое-то время, она услышала, как Сергей ходит в своей комнате из угла в угол. Потом раздался треск разрываемой бумаги, и шаги стали приближаться. Вот они стихли прямо за дверью комнаты...

Ольга замерла, стараясь дышать ровно.

Сергей двигался бесшумно, и, когда он наклонился и что-то сунул ей под подушку, Оля вздрогнула от неожиданности, едва не выдав себя.

Сергей вышел так же бесшумно.

Оля сунула руку под подушку и вытащила оттуда сложенный вчетверо листок бумаги. Было темно, и разобрать, что написано на листке, она не смогла. Только разглядела, что на бумаге выстроились строчки, начинавшиеся с заглавной буквы. Три столбика по четыре строчки. Ольга пыталась прочитать хоть слово, но у нее ничего не получилось. Да это было и не так уж важно, зато она точно знала, что это самые лучшие, самые вдохновенные и гениальные стихи на свете.

Сжав листок в кулаке, Ольга уронила голову на подушку и уснула. На сей раз — без сновидений.

Москва, 1991

Кириянов был восхищен и напуган.

То, что выкинула эта строптивая чухонка, было непостижимо! Уговорить незнакомого человека нало-

жить на себя руки и при этом управиться за сутки! Фантастика!

Алексей Владимирович понимал, какое страшное оружие попало ему в руки. Обладая подобным ассистентом, можно было если не мечтать о мировом господстве, то, по крайней мере, приобрести в стране такой вес, с которым будут считаться все, абсолютно все. С другой стороны, Хильда не машина. Это живой человек, к тому же женщина. Причем женщина, имеющая склонность к импульсивным поступкам. Такое оружие могло запросто обернуться против него самого.

Это оказалось не единственной проблемой, возникшей после самоубийства генерала.

Дело в том, что о готовящейся акции было известно еще двоим. Они же знали о своеобразном рекорде, поставленном кем-то из подручных Кирьянова. Эти двое буквально рвали Алексея Владимировича, требуя объяснить им, кто автор трюка.

Кирьянов отбивался как мог, но они продолжали наседать.

Алексей Владимирович не собирался делиться попавшей ему в руки властью. И он решил законспирировать своих психиатров, оградив их от возможных контактов с другими заинтересованными лицами. Он объявил, что вышел на некоего киллера высочайшего класса. Вышел случайно, по рекомендации. Киллер этот — фигура таинственная, и общение с ним возможно только через пейджер, зарегистрированный, кстати сказать, на имя недавно умершего дворника. Киллер этот не убивает явно: смерть его жертв выглядит как несомненный суицид или тривиальный несчастный случай. Иногда, как было с генералом, он и в самом деле доводит несчастного до самоубийства. Берется киллер отнюдь не за все заказы, но если берется, то услуги его стоят дорого.

Версия не бог весть какая, но опровергнуть ее было невозможно. То, что таинственный киллер может не ответить на сообщение, не надо было даже объяснять: человек со странностями. Не нравится ему ваш заказ!

Дело оставалось за малым: придумать киллеру прозвище. Как бы обозвать этот тандем старого психиатра и Хильды? Харитон и Хильда.

В тот момент, когда он размышлял над этим, на глаза ему попала какая-то бумажка, подписанная Хильдой. Алексей Владимирович взял листок в руки и внимательно посмотрел на роспись Хильды Арвидасовны Ронкшинас. Сливавшиеся в изящную монограмму буквы Х, А и Р венчала небрежная завитушка «он». Получалось Х. А. Рон. Харон.

Алексей Владимирович напряг память. Харон. Кажется, что-то из мифологии. Он снял с полки словарь и нашел нужную статью. Едва начав читать, захлопнул тяжелую книгу и поставил на место. Харон — древнегреческий бог, сопровождавший души умерших в свое подземное царство. Очень удачно! Ведь речь идет не о заурядных убийцах, а о тех, кто провожает в загробный мир...

Вполне довольный своей легендой, Кирьянов изложил ее соратникам. Вряд ли те поверили в Харона до конца, но усомниться в предложенной им Кирьяновым байке тоже не смогли.

Что же до Хильды, то ей действительно не предлагали больше подобных дел. Она занималась отправкой на пенсию чиновников, организацией самоотводов директоров новых акционерных обществ, воздействием на новоявленных политиков, плодившихся на руинах августовских баррикад. Смутное было время, работы — невпроворот. Удивительно, но со временем, Хильда вошла во вкус. Ей нравилось ощущать себя демиургом, решаю-

щим и кроющим судьбы смертных по своему вкусу. Это было как наркотик, как увлекательная игра, от которой невозможно оторваться. Это было сродни тому безумному азарту, какой охватывает игрока за столом рулетки, когда ему удастся выиграть несколько раз подряд. А в такой игре за каждой поставленной и выигранной фишкой были человеческие судьбы. Разве могли сравниться с ней кости или карты?! Разве можно было променять на что-то иное игру в Бога?

Чтобы не забивать голову и не запутаться самому, Кирьянов теперь всем излагал легенду о некоем Хароне, чье могущество сравнимо, пожалуй, лишь с могуществом булгаковского Воланда. Появление компьютерной сети несколько упростило процесс общения: из-за отсутствия возможности работать с сетью всякая шушера отпадала сама собой, оставались только клиенты солидные и денежные.

Надо отдать Кирьянову должное: он не злоупотреблял заказами. Харитон и Хильда работали в основном на него. И работали очень успешно: Кирьянов поднимался к вершине, перемахивая сразу через несколько ступеней, а то и через целые марши. Менее чем за год он стал одной из центральных фигур в деловом мире и политической жизни страны. Его фамилия то и дело мелькала в рейтингах толстых журналов: самый богатый, самый влиятельный, самый-самый... Аналитики предсказывали, что кандидатура Кирьянова будет выставлена на президентских выборах, и оценивали его шансы как весьма значительные.

Шагая столь широко, Алексей Владимирович не мог не затрагивать интересы своих конкурентов, которые, быстро оценив опасного соперника, преподнесли ему подарок в виде бомбы, подложенной в автомобиль. Лишь лисья осторожность Кирьянова и счастливый слу-

чай помогли ему избежать смерти. Но прошло чуть больше месяца, и в него стреляли. На сей раз четко сработала служба безопасности.

Когда же Кирьянов начал потихоньку запускать руку в область энергетики, покушения участились настолько, что ему пришлось превратить свой дом в настоящую крепость, а машину — в этакий броневик, поразить который можно было разве что крылатой ракетой.

И все-таки одна пуля достигла цели, попав ему в плечо.

Лежа в переоборудованной под палату спальне, Кирьянов получил возможность спокойно обдумать сложившуюся ситуацию и понять, что зашел слишком далеко. Он решил исчезнуть. Уехать из страны под чужим именем. Денег, разбросанных по европейским банкам, хватило бы даже внукам, в России же его ничто не держало. Нужно было только проделать это так, чтобы его не искали.

Алексей Владимирович вызвал Хильду. Его исчезновение должно было стать ее последним заданием, после которого оба они могли считать себя свободными от взаимных обязательств. Кроме, разумеется, одного: Хильда должна была держать в тайне то, что Кирьянов жив, а он не должен был раскрывать ее инкогнито.

Хильда предложила несколько вариантов, из которых Алексей Владимирович выбрал «трагедию в Осетии».

Правда, Кирьянов надумал подстраховаться. Он приобрел не один, а два дома в теплых странах, подготовил не один, а два комплекта подложных документов. Он сообщил Хильде свое новое имя, которое не собирался носить, и название страны, куда не думал переселяться.

Таким образом он хотел окончательно замести следы. Кроме того, он внес свои поправки в разработанный сценарий. Хильда предлагала шефу просто пропасть без вести в горах Кавказа. Кириянов же решил действовать с размахом. Он договорился с одним из атаманов — Шалманом Эльмурзаевым по прозвищу Шала — разыграть тот кровавый спектакль, который попал потом во все газеты.

Хильде осталось бы только поверить, что ее бывший патрон нелепо погиб, а наведя справки, она смогла бы убедиться, что новый жилец в указанной ей Кирияновым усадьбе так и не появился. Пан Штуровский мог не опасаться за свои тайны.

Но даже такой исход казался Алексею Владимировичу не вполне безопасным. Слишком сильное впечатление произвели на него способности этой женщины. Он искренне собирался выполнить условия их соглашения, но не решился оставить ее в живых. Перед отъездом в Осетию он оставил в ее кабинете подарок — новенький «ноутбук», под клавишей пробела которого находился детонатор взрывного устройства, способного разнести кабинет на элементарные частицы.

Он прочел о взрыве в газетах и мысленно поздравил себя с тем, что погиб только один человек, сотрудница института. Зачем брать на себя лишние грехи?

Однако погибла не Хильда. Погибла чересчур любопытная практикантка, не справившаяся с соблазном познакомиться с диковинной импортной машинкой. Хильда же, разгадав замысел Кириянова, сделала для себя два важных вывода. Первый — что ее вероломный шеф не погиб, а второй — что трогать деньги, лежащие на счету в Цюрихе, сейчас небезопасно. Она действительно навела справки о судьбе дома, купленного Кирияновым,

но лишь утвердилась в своём мнении, что Алексей Владимирович жив, но бывает где-то в других краях под другим именем.

Москва, октябрь 1998

Шала компьютер не признавал. То ли дело автомат Калашникова или гранатомет: машинки во всех отношениях полезные, и результаты их воздействия на окружающий мир проявляются вполне наглядно и сразу. А тыкать пережившими не один перелом пальцами в клавиши, напоминать, на что жать, чтобы прочесть какую-нибудь глупость,— это не для него.

Но компьютер в кабинете на Новослободской стоял. Самый современный, мультимедийный, подключенный к сети, со встроенным модемом и всем, о чем только может мечтать какой-нибудь студент-электронщик, знающий цену всем этим достоинствам и стоимость самого агрегата. Шала же проявлял интерес только к играм-симуляторам. Если нужно было что-то напечатать, составить таблицу или еще как-то использовать компьютер по назначению, вор вызывал Лилю, секретаршу, бывшую по совместительству его любовницей и придворным поваром.

Сегодня он вызвал Лилю, чтобы она разобралась, что происходит на экране. В ожидании встречи вор решил потешиться и пострелять с вертолета по позициям вьетконговцев. Он включил компьютер и запустил игру. Вьетнамская ПВО не оказывала серьезного сопротивления, но на экране то и дело появлялась какая-то картинка с надписью по-английски. Вор позвонил Лиле и спросил, как от нее избавиться. Лилия почему-то заволновалась и сказала, что должна немедленно приехать, что эта картинка — очень важная вещь.

Она и впрямь приехала очень быстро. Оказалось, появившийся значок информировал о том, что с Шалой кто-то хочет связаться по Интернету. Вор недовольно поморщился, но Лиля успокоила его, объяснив, что вызов пришел в режиме, позволяющем общаться через микрофон.

Вздыхнув, Шала махнул рукой, показывая, что готов.

Лиля пробежалась по клавиатуре, и на экране появились висящие в пространстве собачьи головы. Одна из них приблизилась и задвигала челюстью.

— Летит ласточка. Летит ласточка, — раздалось из динамика.

— А, шайтан! — Шала восхищенно хлопнул себя по колену и повернулся к Лиле: — И что, меня тоже будет так слышно?

Секретарша кивнула.

— И я тоже буду собачья голова?

— Ну наверное, — пожала плечами Лиля.

— А, шайтан! — снова хлопнул себя по колену вор. — А что такое он говорит? Что за ласточка?

Лиля развела руками:

— Не знаю. Может, это какой-нибудь код?

— А что за код?.. Какой еще код?..

— Ну... — Лиля задумалась, — может, пароль или ключевое слово...

— Какой пароль? Э! Ласточка! — Восторг Шалы сменился раздражением. Он ненавидел то, чего не мог понять.

— Можно спросить, — неуверенно предложила Лиля и протянула руку к клавиатуре.

— Стой! — Шала вдруг схватил ее за запястье и сжал так, что секретарша вскрикнула. — Стой-стой... — повторил он, не сводя взгляда с собачьей головы. Шала осла-

бил хватку, и лицо его стало серьезным.— Как ему сказать что-нибудь?

Лиля шелкнула по клавишам и пододвинула вору микрофон.

— Говори.

Шала наклонился к микрофону, открыл рот, посидел немного и, так ничего и не сказав скрывающемуся за собачьей маской собеседнику, повернулся к Лиле:

— А он точно меня услышит?

— Должен, раз программа работает.

Шала вздохнул тяжело, снова наклонился вперед и произнес по слогам:

— Ле-тит над до-ли-ной.

Несколько секунд собачья голова на экране оставалась неподвижной.

— Шалман, ты?

Несмотря на то что из динамика звук выходил искаженным, дребезжащим и неживым, вор узнал этот голос.

— Я, братан.

— Как жизнь? — молвила голова.

— Все ништяк, братан,— ответил Шала в микрофон. Вор чувствовал себя неудобно: он никак не мог связать того человека, которого шесть лет назад вел через границу, и эту голову, говорившую с ним из недр железной машины.

— У меня к тебе дело.

Это было понятно. Не зря человек, заваривший кашу ради того, чтобы все считали его умершим, объявился через столько лет.

— Я слушаю...— Шала сделал знак Лиле, чтобы она вышла из кабинета.

Секретарша передернула плечами и удалилась, демонстративно виляя бедрами.

— Помнишь про Харона?

Шала покосился на дверь и уселся поудобнее. Эта тема была ему более чем интересна. Еще бы не помнить про Харона!

Кирьянов полагал, что Хильда, даже оставшись в живых, больше не занималась играми с людьми. Она и в самом деле нашла в себе силы отказаться, ответив своим клиентам высокопарной фразой: «Харон положил свое весло». Но Алексей Владимирович и представить себе не мог, какими слухами и легендами обросло имя Харона и какую известность оно приобрело. Вздурораженное событиями в стране человеческое воображение видело тень таинственного Харона за каждым нераскрытым покушением, за каждым самоубийством кого-то из влиятельных лиц, за всем, чему не было дано исчерпывающего объяснения. Никто из тех, кто успел так или иначе убедиться в возможностях кирьяновского протеже, не мог забыть, как под воздействием чьей-то злой воли люди отказывались от постов и чинов, уступали дорогу почти поверженным соперникам, пускали себе пулю в лоб. А гибель банкира Быкова в мае этого года и всплывшие подробности происшествия, указывавшие на то, что кто-то сознательно трепал президенту одного из крупнейших банков нервы, словно дала сигнал. Все бросились искать связь со злым гением, тем более что открытые покушения стали выходить из моды и спрос на подобные услуги сильно вырос.

Сам Шала заплатил бы любую сумму за информацию о Хароне.

— Помню.— Шала забыл спросить у Лили, повторяет ли голова на экране движения говорящего, но на всякий случай кивнул.

— Нужно убраться его.

— Что?! — Шала недоверчиво посмотрел на динамики: не исказила ли машина смысл произнесенных человеком слов?

— Нам с тобой угрожает серьезная опасность. — Голова заговорила быстрее, и разбирать сказанное стало сложнее. — Надо опередить его. Сможешь?

— Я же не знаю, кто он.

— Я тебе скажу.

У Шалы пересохла губы. Вот так, среди бела дня, через мудреную машину звонит тебе призрак из прошлого и предлагает прикончить демона смерти.

— Кто?

— Помнишь врача? Женщину-психиатра Хильду Арвидасовну?

Шала задумался. Хильда Арвидасовна. Такое имя не то что запомнить, выговорить было невозможно.

— Не помню. Что за врач?

— Ты с Зыковым Женей общаешься?

— С Жуком?! — Разговор начинал походить на игру в кошки-мышки: такое ощущение, что Кирьянов намеренно водил Шалу за нос, причем водил очень болезненно.

— Да, с Жуком. Он должен помнить эту Хильду, она была экспертом на одном важном для него процессе.

— Жука убили несколько дней назад.

Собачья голова застыла неподвижно, потом челюсть снова задвигалась:

— Шала, нужно срочно навести справки о двоих людях. Борис Беленков и Максим Андросов. Запиши координаты.

— Это не тот Беленков, у которого контора «Белтех»?

— Тот.

— Кончился сегодня ночью. Вскрыл себе вены в камере.

— В камере?!

— Слушай, братан, что ты тут гонишь? Объясни толком! — возмутился Шала. — Андросов — это который рекламой занимался? Кудрявый?

— Кажется. Они дружили когда-то с Жукóм и Борисом.

— Погиб на днях. Врезался в столб.

Теперь голова замерла надолго.

— Ну что, будешь говорить, а, братан? — Шалу не на шутку взволновал этот разговор. То, что Кирьянов предупредил об опасности и начал отсылать его к людям, которые только что дали дуба один за другим, в сочетании с именем Харона не могло не беспокоить.

— Шала, узнай точно, как умерли Андросов и Беленков. А самое главное, попытайся найти эту женщину. Как только найдешь, ее нужно сразу убрать. Сразу, понимаешь?

— Понимаю. А зачем?

— Шала, она и есть Харон. И у нее заказ на нас с тобой. Записывай ее старый адрес и место работы. Хильда Арвидасовна...

Шала записал. Кирьянов пообещал скоро связаться с ним и отключился.

Вор задумался, крутя в руке бумажку. Что за Хильда? Он не мог вспомнить. А дело было нешуточное. Сам Харон собирается его... убить? Интересно, как он это делает, как подберется к нему?

Шала припомнил необъяснимое убийство Жука, непонятные маневры Насоныча, донесение Сергея о предательстве Серпа. Если бы Гуза не был таким идиотом и привез Серпа живым! Теперь еще эти двое. Беленков, почивший в Бозе вместе с деньгами, и Андросов... Шала

понял наконец, откуда растут ноги в истории с засадой в рекламном агентстве: Андросов дружил с Жуком. Тот или проболтался, или предупредил старого кореша. А Беленков?! Ведь и его рекомендовал Жук!

И что? Трупы сплетались в логическую цепь, но эта цепь никуда больше не вела. Что затевал Насоныч? Почему в Бобра стреляла какая-то ментовка? О какой девице говорил Сергей? Кто она? И зачем общалась с Хароном?

Вор, как обложенный на охоте зверь, чуял опасность. Он видел разрозненные факты, как хищник видит флажки. Звериное сердце колотилось, гоня кровь, требуя, чтобы мозг нашел выход. Вокруг него гибли люди и происходили необъяснимые вещи, и кольцо сжималось. Времени оставалось все меньше.

Нужно вызвать Сергея. Что с той девчонкой, которую прятал Насоныч? Заодно надо поручить ему навести справки об Андросове и подключить к поискам этой Хильды-Харона.

Но прежде чем позвонить Сергею, Шала набрал другой номер:

— Кудрявый? Здорово, братан. Слушай, наблюдаете за нашим сыщиком? Да? И что там слышно? Как? Две бабы?! Что за бабы? А! Понял я. А! Ждите меня, да? Я сейчас пришлю ребят, привезете всех троих ко мне. Слышишь, да, братан? Ну все.— Он повесил трубку и крикнул, развернувшись к двери: — Лиля! Пойди сюда!

После того как Сергей сообщил ему, что Серп странно себя ведет и получает в камере хранения какие-то деньги, а Гуза доложил, что боевик взялся прикончить Андросова сам, Шала заподозрил неладное. Он решил проверить Серпа, и если бы не этот тугодум Гуза, пришивший падлу безо всяких разборов, то, возможно,

узнал бы теперь много интересного. Но вору показалось странным и то, что этот сыскарь Сергей, безговавший участвовать не только в «мокрых» делах, но и в любых конкретных разборах между братвой, взялся вдруг шакалить за обычными боевиками.

Кудрявый же успел собаку съесть, шпионя за своими, и Шала даже не раздумывал, кому поручить слежку за Сергеем.

ГЛАВА 21

Москва, март 1998

Сначала Хильда не спешила уезжать, опасаясь, что после взрыва в ее кабинете за ней могут пристально наблюдать. К тому же, не выяснив ситуацию со счетами в Цюрихе, она не совсем представляла себе, куда и зачем ехать. И, кстати, с чем. Нет, Кирьянов не скупился и выдавал ей наличными любую часть гонораров. Хильда привыкла жить на широкую ногу, потакая всем своим капризам, и ей даже в голову не приходило откладывать деньги. Зачем? Чтобы потом тащить их через границу вместе с вырученным за проданную квартиру? И вот теперь ей осталась только со вкусом обставленная квартира в «сталинке» на Ленинском проспекте.

Позже она не уехала потому... Она не знала точно, почему не уехала. Вернее, не хотела знать, если подобное объяснение применимо к собственным желаниям. Она не хотела задаваться этим вопросом. Просто была масса всяких мелочей, ниточек, которые, словно грибица, держали ее на месте.

А после все обернулось к лучшему. Хильда продолжала работать в институте, направив гейзер своих талантов на плановую работу. Таланты ее быстро обратили на

себя внимание. Появились клиенты, пришедшие «по рекомендации от...». Частная практика снова позволила ей жить как прежде, не стесняя себя ни в чем. Теперь, правда, Хильда завела черную кассу, хотя в этом и не было большой нужды: выяснилось, что счет ее в Цюрихе, составлявший почти четыреста пятьдесят тысяч долларов, не тронут. Она даже пару раз давала поручение банку перевести небольшие суммы на счета благотворительных организаций. Просто чтобы убедиться, что с управлением деньгами не возникает проблем. Проблем и в самом деле не возникало.

Хильде не приходилось больше разрываться между институтом и конторой Кирьянова. У нее появилось свободное время, и она стала выезжать в свет. Она обнаружила, что имеет успех у мужчин. Сначала это смутило ее. Потом она нашла, что играть с поклонниками не менее увлекательно, чем переставлять фигурки чиновников и бизнесменов. Новые игры казались ей гораздо более безобидными. Интриги здесь были тоньше, изящнее и имели то преимущество, что их финал почти всегда можно было наблюдать лично, а не выискивать в газетах. Время от времени она позволяла кому-либо из ухажеров, с которым играть было особенно интересно, зайти чуть дальше простого флирта, но уже наутро игра начинала терять свою остроту, и вскоре Хильда избавлялась от очередного любовника, как избавляются от не принесшего выигрыша лотерейного билета, чтобы вскоре приобрести новый.

Жизнь Хильды вошла в определенную колею, выбираться из которой не было смысла. Из любопытства Хильда посетила и Германию, и Австрию, и Францию. Странно, но Париж ее разочаровал. Словом, она решила отложить отъезд на пару лет. Потом еще на пару лет...

В один весенний день к ней пришел очередной посетитель «по рекомендации от...».

Это было накануне Восьмого марта, и он приволок огромный букет роз и коробку конфет размером, наверное, с махровое полотенце, висевшее у Хильды в ванной комнате.

Одет человек был небедно, скорее наоборот. Лицо его показалось Хильде знакомым. Но она настолько привыкла видеть в своем кабинете людей, чьи портреты мелькают в газетах или по телевизору, что уже давно перестала обращать внимание на это дежа-вю. Хотя имя нового клиента тоже показалось знакомым — Анатолий Быков.

Анатолий Быков... Быков. В уме промелькнули обкатанные сочетания Ролан Быков и Анатолий Папанов. Нет, не то...

Впрочем, вспоминать было особенно некогда. Да и какая разница? Человеку нужна помощь, а сама Хильда Арвидасовна в тот момент испытывала страстное желание отправиться побыстрее домой.

Проблема у Анатолия была чуть серьезнее, чем у большинства приходивших к Хильде. Он страдал клаустрофобией. Даже в достаточно просторном кабинете он чувствовал себя неуютно.

В общем, все было ясно с первых минут. Органикой тут не пахло. Вне всякого сомнения, речь шла о неврозе навязчивых состояний. Хильда решила, что ограничится сегодня знакомством с пациентом и предложит ему прийти после праздника. Нужно было задать несколько стандартных вопросов: давно ли это началось, с чего, какова динамика, лечились ли раньше?

Анатолий кивнул в ответ на первый вопрос. Да, началось это еще в детстве. Отец, офицер военно-морского флота, взял маленького сына на корабль. Толик решил

поиграть, спрятаться, забрался в какой-то люк и хотел опустить крышку. Она оказалась слишком тяжелой и с лязгом упала. Мальчик оказался в крошечной темноте в железной трубе, жутковатым гулким эхом отвечавшей на каждый шорох. Он попытался выбраться, но не смог даже сдвинуть массивную крышку. Он очень испугался и стал кричать. Потом, наверное, потерял сознание, и, когда спустя два часа Толика наконец нашли, его кололо, словно в лихорадке. С тех пор все и началось. Да, он лечился. Отец использовал свои связи в штабе ЗГВ. Состояние улучшалось, пока не произошло еще одно событие, поставившее крест на усилиях врачей...

— Что за событие? — Хильда задала этот вопрос скорее машинально, но Анатолий так напрягся, что ее разоблало любопытство.

— Видите ли, я никому не рассказывал об этом... никогда. — Он как-то весь съежился, ссутулился.

— Ну, может быть, потому вам и не смогли помочь?

— Возможно, возможно... — Видно было, что Анатолий колеблется.

— Если вас беспокоит вопрос сохранения тайны, то врачебная этика предусматривает и гарантирует это...

— Нет-нет. Я все понимаю. Дело не в этом. Я, видите ли, так привык носить это в себе... — Он задумался.

Хильда его не торопила. Она знала, что время работает на нее. Так и было.

— Хорошо, — произнес Анатолий с той обреченностью, с какой говорят своему стоматологу «рвите!», прежде чем открыть рот. — Я расскажу.

— Постарайтесь, — подбодрила Хильда.

— Мы жили с родителями в Прибалтике. В городе был гарнизон, и они работали там. Отец служил, а мать... — Он передернул плечами. — В общем, я ходил

в школу. Там была одна девочка. Училась в нашем классе. Мы с ней дружили...

Как зачарованная, Хильда слушала сбивчивый, лишенный имен и дат рассказ этого человека. Историю о том, как погибла в далеком семьдесят первом девочка Инга. Историю, не дававшую Хильде покоя многие годы и приведшую в итоге в этот кабинет. Историю, которая предопределила ее судьбу. Историю, которая уже начала стираться из памяти, а теперь ворвалась в ее новую жизнь, чтобы поставить последнюю точку, столкнув лицом к лицу с Толиком Быковым.

Анатолий прервал рассказ на том моменте, когда он убежал из развалин, решив никому не рассказывать о случившемся. Он не стал описывать поиски девочки, допросы, толки, бродившие по городу. Он так и не назвал ни одного имени, ни словом не обмолвился о том, где и когда все это происходило. По его мнению, такие подробности врача не могли заинтересовать.

— А вы не подумали о том, что девочка могла быть еще жива? — чуть слышно спросила Хильда.

— Тогда — нет. Я сам очень испугался, — честно ответил Анатолий.

— А вы не думали, что она, может быть, пролежала в этом колодце несколько дней, прежде чем умерла? Ведь она упала в шахту, наполовину залитую водой. Возможно, она потеряла сознание в момент удара, возможно, сломала что-то и лежала там, истекая кровью. Что, если она лежала там, в холодной воде, и испытывала боль и такой же детский страх?..

— Простите, — Быков выпрямился, — я не совсем понимаю...

Хильда быстро взяла себя в руки.

— Я вынуждена задавать вам такие вопросы,— объяснила она бесстрастным тоном,— чтобы понять, насколько повлияло пережитое вами...

Хильда назначила Анатолию дату следующего приема и обещала помочь. Про себя она решила, что этот человек должен быть наказан. И она покарает его, употребив для этого все, чему научилась за последние годы.

Она давно так не спешила домой, как в тот день. Влетев в квартиру, бросилась к книжным полкам, сметая прямо на пол альбомы с фотографиями, старые справочники и записные книжки. План почти созрел в ее голове. Не доставало одной маленькой детали. Одной вещи, случайно попавшей ей в руки много лет назад. Хильда хорошо помнила, как выглядела эта вещь, и могла довольно точно воспроизвести ее по памяти, но от ее подлинности слишком многое зависело.

Хильда знала, что где-то хранит эту вещь, что выбросить или избавиться от нее она не могла ни при каких обстоятельствах. Она продолжала встряхивать книги и перелистывать альбомы, пока не нашла то, что искала.

Это была открытка. В начале семидесятых такие продавались в любом газетном киоске: головы пехотинца, матроса и летчика, насаженные на частокол острых бордовых, с золотым кантом букв. Открытка ко Дню Советской Армии. Открытка, датированная 23 февраля 1974 года, с тремя строчками, старательно выведенными хрупкой рукой маленькой девочки. Маленькой девочки, необъяснимая тяга которой к убогим и ущербным привела ее в конце концов на дно колодца, затерянного в руинах старой латвийской цитадели.

Хильда аккуратно вытащила открытку из-за выпускной фотографии их класса и развернула.

Толя, поздравляю тебя с праздником, желаю быть сильным, мужественным и добрым. Инга. 23.02.74

Что же ты, Толя, наделал... Хильда медленно поднялась, продолжая вглядываться в ровные строчки, словно видела в них нечто большее, чем просто буквы.

Москва, октябрь 1998

Сообщение о том, что Беленков покончил с собой, пришло, когда Сергей и Валя отправились в магазин за продуктами. Детектив взял Валю с собой, уступив натиску девушек, которые, не объясняя причин, убеждали его, что это необходимо. То ли Сергей не сообразил сразу, что необходимость эта связана с особенностями женской физиологии, то ли был излишне закомплексован на этот счет. Так или иначе, он ничего не спросил, просто проводил Валю до аптеки и остался ждать ее на улице.

Словом, Ольга сидела в одиночестве за компьютером, когда пришло очередное сообщение от Харона:

«Беленков вскрыл себе вены. Новости о Кирьянове будут чуть позже. Срочно перешлите оставшиеся деньги на счет...» Дальше шел номер счета.

Торопясь и ошибаясь, Ольга поспешила ответить, пока киллер не отключился:

«Разве Кирьянов жив?»

«Жив. Пока что».

«Я читала некрологи».

«Это утка. Не бери в голову. Прощай. Мы в расчете».

«Подожди, мне нужно тебя спросить!»

Ответа не было.

«Мне очень нужно!»

«Харон положил свое весло. Прощай».

Ольга отправила еще несколько сообщений, но ответа так и не получила.

Вернулись Сергей и Валя.

Увидев номер счета, оставленный Хароном, детектив побледнел и полез в стол за книжкой. Открыв ее, нашел нужную страницу и сравнил с тем, что уже был там записан.

— Плохо дело,— сообщил он девушкам.

— Почему плохо?

— Пока не знаю, но счет, который тебе дали, принадлежит...— Сергей поморщился,— нехорошему человеку.

— Он и есть Харон?

— Не думаю. Но сам Харон явно играет с нами в какие-то игры.

— Какие? — Валин голос дрогнул.

— Не знаю,— честно ответил детектив.— Надо подумать.

— А нам что делать? — Ольга поднялась из-за компьютера.

— Пока ничего. Вернее, пока нужно положить деньги на счет. Работу-то свою Харон выполнил. А раз он просит сделать это срочно, то не вижу причин задерживаться.

Девушки переглянулись.

— Я съезжу,— сказала Валя.

— Тебя проводить? — предложил Сергей.

— Сама справлюсь.

— Поезжай,— кивнул детектив.— Постарайся не задерживаться. И еще. Там у метро есть таксофоны. Вот карта. Прежде чем возвращаться сюда, позвони. Если услышишь фразу: «У нас все нормально», то не суйся сюда. Поняла?

— Кажется... — Но в Валином голосе больше не было уверенности.

Далекая Теплая Страна, октябрь 1998

Алексей Владимирович обнаружил, что несколько отвык говорить на родном языке. Пару раз, разговаривая с Шалой, он даже сбивался, вспоминая то или иное слово. Вот и значение слова «жук» не сразу вспомнил. А вспомнил, лишь переведя на английский. Битл. Да, Женю Зыкова уже в те годы так называли...

Шала сообщил, что Жук убит на днях. Пути Господни неисповедимы. Пока он тут играл в шахматы, борясь за никому не нужный титул и какие-то дурацкие призы...

Какая-то мысль уже с минуту крутилась в голове. Кириянов ухватился за нее и вытащил на свет. Битл означает Жук. Ну конечно же! Ведь он играл с господином Битлом в шахматы в турнире, в который его втянул Харон! И господин Битл проиграл. Что там сказал о нем Рон? Что пан заставил его исчезнуть?

А еще он играл с Максимилианом и Уайтом. Максимилиан, к счастью, не переводится. По крайней мере, с английского. А вот Уайт — это «белый». Тропинка умозаключений привела Кириянова к открытию, от которого ему стало нехорошо. И в тот же миг Шала сообщил ему о смерти Андросова и Беленкова.

Итак, Битл, Максимилиан и Уайт — это Зыков, Макс Андросов и Борис Беленков, вполне возможно получивший, благодаря своей фамилии, прозвище «Белый». Все трое проиграли, выбыв из турнира. В действительности они умерли. Причем умерли именно в той последовательности, в которой их прототипы проиграли свои партии.

Выходит, что Харон, устраивая турнир, уже знал, что они умрут. Он собирался их убить. Убивать не так уж сложно, но то, что Макс, по словам Шалмана, «погиб»,

а Беленков «вскрыл себе вены», выглядело гораздо неприятней.

Это нужно было уточнить. Попросив вора попытаться найти и уничтожить Хильду, а заодно навести справки об обстоятельствах смерти Беленкова и Макса, Кирьянов отключился.

Необходимо хорошенько все обдумать и взвесить.

Прежде всего, было ясно, что Хильда Арвидасовна Ронкшинас осталась в живых. Она не просто избежала смерти, заботливо подготовленной для нее большим специалистом своего дела, не просто оставила Кирьянова с носом, сравнив счет тем, что нашла себе замену на момент взрыва.

Эта девчонка пошла дальше. Она перешла в наступление. Вычислила, что ее бывший шеф не погиб в Чечне, нашла его и морочит теперь голову. Что ей нужно? Жаждет мести?

Алексею Владимировичу было не привыкать бороться за свою жизнь, он не поддавался панике.

Во-первых, надо определить слабые места в своих позициях и попытаться предугадать, откуда может быть нанесен удар.

Проникновение в усадьбу наемного убийцы крайне маловероятно — система безопасности достаточно надежна. Даже подкуп кого-либо из охранников ничего не менял. Варианты штурма усадьбы группой спецназа или атаки с вертолета Алексей Владимирович не рассматривал как нереальные. Да и Хильда не того калибра человек, чтобы организовать нечто подобное.

Девушки, посещавшие его время от времени, тщательно проверялись, и потом, трудно было ждать от аборигенки какого-нибудь подвоха. Не тот случай. И что она сделает? Она ведь не сможет выйти из усадьбы. Да и перебьется он некоторое время без шлюх. В конце кон-

цов, не так уж это и актуально — возраст дает о себе знать.

Пища. Вот отравить его в принципе могли. Но он давно прокручивал такой вариант, и в усадьбе была целая лаборатория, позволяющая проверить большую часть доставляемых продуктов. Придется, конечно, тратить на это определенное количество времени, но жизнь дороже. Тем более что все меры — временные. Его задача — продержаться до той поры, пока ситуация не разрешится. А разрешиться она может двумя способами: или Шала быстро найдет и уничтожит Хильду, или придется переезжать на новое место.

По большому счету, опасности не было. Несмотря на то что сама Хильда участвовала в разработке комплекса мер безопасности и может знать какое-либо слабое место. Но это если брать в расчет обычного убийцу-душегуба, вооруженного топором, автоматом или шприцем с ядом. От Хильды же можно было ожидать чего-то более оригинального. Самое скверное, что Алексей Владимирович даже не представлял себе, насколько оригинальным может оказаться способ, при помощи которого Хильда попытается его достать. Как ни пытался Харитон вытянуть из Хильды, каким образом она расправилась с тем генералом, ничего не вышло. И эта история с генералом беспокоила Кириянова больше всего. Хильда нашла какую-то кнопку, при помощи которой легко управилась с боевым офицером. Есть ли такая кнопка у него самого? Знает ли о ней Хильда?

Алексей Владимирович был готов к обороне ровно настолько, насколько мог представить себе грозящую ему опасность. Охрану предупредили о возможных сюрпризах, и телохранители пана Штуровского ходили теперь с автоматами наперевес. Кириянов даже вытащил из сейфа «смит-и-вессон» и носил его с собой. Но он

по-прежнему совершенно не мог представить себе, на что способна Хильда. Чего она достигла за эти годы? Думать об этом было если не страшно, то неприятно.

Тогда Кирьянов решил поразмыслить о другом. Хильда расправилась с Зыковым, Беленковым и Андросовым. Расправилась она с ними, подбираясь к нему, плетя какую-то интригу, финал которой должен был затронуть усадьбу в Далекой Теплой Стране.

Что же это за интрига? Разгадать ее было бы даже полезнее, чем поставить вокруг усадьбы пулеметные вышки.

Ясно, что связь между этими троими и им самим — история с той девчонкой. Только вот вопрос: Хильда убрала их потому, что они знали ее в лицо благодаря участию в следствии, или почему-либо еще? Не исключено, что мисс Харон, почувствовав свою силу, сводит старые счета. Может быть, даже пытается восстановить попорченную ее руками справедливость, грехи замаливает... С нее станется. Она с самого начала надувала губы и морщила нос по любому поводу. Чистоплюйка.

А может быть, есть какая-то логика в той последовательности, в которой она прикончила эту троицу? Зыков, Андросов, Беленков. Битл, Максимилиан, Уайт. Самое очевидное, что, если взять их псевдонимы, Женька, Макс и Борис погибли в алфавитном порядке. Но, следуя такой логике, Штуровский должен был оказаться в этом списке впереди Беленкова, а Кирьянов еще ближе.

Алексей Владимирович несколько раз начинал строить в уме графики и зависимости, несколько раз, чувствуя бесполезность этого занятия, бросал, но затем ловил себя на том, что опять занимается тем же. Ночью он скверно спал. Сначала долго не мог заснуть, а потом по-

стоянно просыпался в холодном поту и выхватывал из-под подушки пистолет.

Под утро ему приснился кошмар. Ему снилось, что он — Буратино, а исполинского роста Хильда-Карабас несет его к очагу, чтобы, спалив там, доварить свою похлебку.

Уже незадолго до пробуждения его вдруг осенило, что у него есть возможность просто связаться с Ромом-Хароном-Хильдой по Интернету и выяснить отношения.

Кирьянов поднялся и включил машину. Дожидаясь, пока загрузится программа, он машинально теребил бородку, которую отпустил, вживаясь в образ польского профессора. Бородка и усы существенно изменили его облик, и он решил оставить их, несмотря на то что растительность на лице раздражала чрезвычайно. Больше нужды в маскарade не было. Набрав пароль, Алексей Владимирович отправился в ванную и быстро побрился. Вернувшись к столу, он, с наслаждением втирая одной рукой в освобожденную кожу гель, набрал электронный адрес.

«Хильда, давай поговорим», — отправил он сообщение по адресу организатора турнира.

Хильда ответила довольно быстро — видимо, ждала звонка.

«Я больше не Хильда. Я — Харон».

«А что это меняет?»

«Это все меняет. Я собираюсь покарать тебя. Ты умрешь».

Кирьянову стало не по себе от такого стиля — раньше у Хильды не было задатков диктатора. Но в пределах усадьбы он чувствовал себя еще достаточно уверенно.

«Я не спрашиваю, за что. Грехов за мной немало. Но, может, договоримся о размерах моральной компенса-

ции? Скажем, еще столько же, сколько лежит у тебя в Цюрихе».

«Ты умрешь. Это решено».

Алексей Владимирович не любил, когда ему угрожали.

«Вот как? Когда же это случится?»

«Мы сыграем последнюю партию. Финал. Ты умрешь, когда проиграешь».

«А если выиграю?»

Эти разборки в стиле старославянских сказок выглядели смешно и нелепо. Они больше походили на мистификацию, фарс, чем на реальную угрозу, и Алексей Владимирович приободрился. Взрослые люди не тратят время на подобные ритуалы. Тоже мне, приключения Тома Сойера!

«Если выиграешь — останешься в живых».

«Забавно. Но я не боюсь. Можем и сыграть».

«Ты умрешь, когда проиграешь».

Что за бредни? Кириянов начал даже подозревать, что его разыгрывают. Что на связи не Хильда. Что и Зыков и остальные живы. Но что это за розыгрыш?

«А если я откажусь играть?»

«Ты умрешь. Будет засчитано поражение. Время на раздумье также ограничено».

Кириянов рассмеялся. Его просто брали на понт! В этом не было сомнений.

Он откинулся на спинку стула и закинул ногу на ногу. Пистолет уперся ему в бедро, он вытащил его, проверил предохранитель и положил на стол рядом с клавиатурой.

«Можем начать прямо сейчас?» — бросил он вызов шутнику.

«Можем. Какими фигурами будешь играть?»

«Предпочел бы белых. Если вы не против».

«Не против».

На экране появилась доска. Интерфейс игры был таким же, как и во всех предыдущих играх турнира.

Алексей Владимирович размышлял какое-то время, глядя на доску, потом сделал первый ход. Он решил, что не составит труда свести партию к ничьей, варианту не оговоренному и достаточно спорному.

Партия началась довольно спокойно, в строгом соответствии с теорией. Он уже дважды разыгрывал этот вариант за время турнира, правда, на начальных стадиях. Кстати, о ничьей. Алексей Владимирович обратил внимание, что за весь турнир у него не было ни одной ничьей. Даже та чудом спасенная партия завершилась победой, хотя Максимилиан имел все шансы если не выиграть, то свести к ничьей. Уж не поддавался ли ему противник? Нужно играть повнимательнее, ни к чему рисковать, когда на кону собственная жизнь. Пусть даже все это и глупый розыгрыш.

ГЛАВА 22

Москва, октябрь 1998

— Что, так все серьезно? — спросила Ольга, едва за Вaley закрылась дверь.

Сергей отметил, что в глазах девушки не было страха, голос не дрогнул, хотя она конечно же поняла смысл предосторожности со звонком от метро.

— Если честно, то я не знаю.— Сергей опустился на стул и жестом пригласил Ольгу тоже сесть.— Я запутался в этой истории напрочь. Единственное, что я знаю точно: к нам могут нагрянуть незваные гости.

— Кто? — Ольга села на край кровати.

— Скорее всего, это будет один из моих постоянных заказчиков. Человек недобрый и нехороший.— Последнюю фразу Сергей произнес с иронией, давая понять, что определения эти изрядно смягчены.

— А кто он?

— Вор. В смысле вор в законе. Наверное, успела разобраться, что это такое?

— Более или менее. А что ему от нас нужно?

— Вот тут и начинаются загадки.— Сергей отодвинулся чуть в сторону, чтобы Ольге был виден экран монитора. Пробежавшись по клавишам, он вызвал посла-

ние Харона, где тот сообщал о смерти Макса и просил положить деньги на счет.

Ольга с интересом наблюдала за детективом.

— Знаешь, чей это счет? — спросил Сергей, указывая на экран.

— Нет. А ты знаешь?

— Знаю.

— Откуда?

Сергей задумался, потом, словно решившись на что-то, махнул рукой.

— Ладно. Начнем сначала. — Он взглянул девушке в глаза. — Я тебе расскажу кое-что. Но только постарайся дослушать до конца, прежде чем что-то делать. Попробуй просто посидеть спокойно и послушать. Как будто это страшная сказка. Договорились?

— Я люблю слушать страшные сказки, — неуверенно улыбнулась Ольга.

— Вот и хорошо. Значит, так. Этот вор поручил мне найти Харона, установить с ним контакт или узнать, кто он такой. Это и был мой основной заказ. Параллельно я занимался другими вещами...

— Слежкой за Бобровым, — вставила Ольга.

— Да, верно. — Сергей потер бровь, скрывая смущение. — Но ведь все удачно закончилось?

— Возможно. — Девушка опустила глаза.

— Ну, ладно. — Сергей снова стал серьезен. — Я узнал, зачем Насонычу понадобилась Валя. Мне стали интересны подробности, тем более что эта информация могла быть крайне интересна Шале... — Детектив осекся на секунду, но потом махнул рукой и продолжал: — Кликуха у этого вора — Шала. Так вот ему могла быть интересна информация о подготовке покушения. Я тогда считал, что Насоныч и Шала — враги. Я узнал, что тебе то ли случайно, то ли по стечению обстоятельств...

Или это одно и то же? В общем, ты вышла на Харона и даже заказала ему...

— Четверых,— подсказала Ольга.

— Четверых. Правда, тогда и ты, и я считали, что Кирьянов мертв. Кстати, я не уверен, что он жив. Но речь не об этом. Я доложил Шале, что есть девчонка, которая сидит на даче у Насоныча и вроде бы общается по сети с Хароном. По реакции Шалы я понял, что они с Насонычем заодно. Так вот, я решил выкрасть тебя. В принципе я мог это сделать тогда, когда приходил в первый раз, но добровольно ты бы со мной не пошла, тем более одна. И я решил... решил, что... — Сергей замылся.

— Подождешь, пока они прикончат Валю,— тихо подсказала Ольга.

— Ну, в общем, да. Одну тебя я увел бы сразу. А главное, я предупредил тебя и ты получила бы доказательство того, что я говорил правду. Я взял у Шалы человека, чтобы нейтрализовать Вадима и увезти тебя с дачи...

— Но Вадим же стрелял в меня,— напомнила Ольга.

— Да, мой человек не ожидал, что твой охранник рванет через ворота. Мы вообще не ожидали, что начнется эта гонка. Вадим успел заметить его и ранить. Тот упал и выронил ствол. Только когда Вадим начал по нам палить, он его нейтрализовал...

— Убил?

— Да.— Сергей вздохнул с сожалением.— Так вот. Вариант с поездкой за Валею — полнейший экспромт. Все остальное, кстати, тоже. Там, во дворе, охрана Бобра застрелила-таки какую-то девушку. Причем Шала убежден, что ту, которая стреляла в Бобра и которая общалась с Хароном. Я так думаю... Вот. Ну а дальше все шло нормально и предсказуемо, пока вы не начали переговоры с Хароном.

Детектив замолчал, сосредоточенно разминая пальцы.

— А что изменили переговоры? — Ольга пока не услышала ничего, что могло бы удивить или озадачить.

— Сначала Жук. Жук — приближенный Шалы. Главарь бригады громил, решающих вопросы силой. Собственно, в том, что его убили, нет ничего сверхъестественного. Если бы речь шла о нем одном, я бы усомнился, не присваивает ли Харон чужие лавры, а заодно и ваши деньги. Но, что интересно, за деньгами в камеру хранения явился один из боевиков из той же бригады...

— Как ты узнал?!

— Да следил я за ним. Следил, понимаешь? Это же просто и очевидно, и ваш Харон все равно должен был это предвидеть. — Сергей встал и прошелся по комнате. — Дальше я стал думать. А вдруг Шала и Харон как-то связаны? Вдруг я гоняюсь за собственной тенью, а Шала делает вид, что занят тем же? Я решил проверить. Доложил Шале о странностях, происходящих с тем боевиком, и о деньгах, которые он получает. Я думал, что если он не в курсе связи Харона с его людьми, то поручит мне разнюхать, что к чему. Если в курсе — не предпримет ничего. Он пошел по третьему пути. Он просто приказал убить этого боевика, и я ничего не понял. Дальше... — Сергей подошел к столу и показал пальцем на монитор: — Дальше Харон просит положить деньги на счет. Я выяснил, чей это счет, и опять ничего не понял. Знаешь, чей это счет?

— Ну, разумеется, нет.

— Одного активиста «Гринпис», временно проживающего в России и налаживающего контакты с местными соратниками.

— «Гринпис»? — Ольга не скрывала своего изумления. — Это которые за природу и все такое?

— Те самые! Я никак не мог сообразить, какая связь между убийством Андросова, Хароном и «зелеными братьями». Андросов, кстати, погиб довольно странно. Он попал в аварию. Причем на ровном месте. Ездил за чем-то в Чехов, а потом...

— В Чехов?! — Ольга схватила Сергея за руку. — В Чехов?!

— Да. А ты что, знаешь, зачем он мог туда ездить?

— Ну... — Ольга медлила с ответом, и Сергею пришлось встряхнуть ее:

— Говори же! Может, это все прояснит!

— Вряд ли. Просто в Чехове живут мои родители.

— Вот те раз! — Детектив покачал головой. — Может, позвонишь им?

— Позвони лучше ты. Просто спроси, как дела.

— Ну ты придумала! Звонит неизвестно кто и спрашивает... Лучше сделаем по-другому. Как их зовут?

Сергей набрал номер. Трубку снял Климов-папа. Ольга, слушавшая по параллельному аппарату, кивком подтвердила, что это он. Детектив попросил к телефону Олину маму. Климов отправился звать супругу. Сергей положил трубку.

— С ними все в порядке, — прокомментировал он. — Но я думаю, он был у них. Искал тебя. Интересно, за чем. Не знаешь?

Ольга развела руками.

— Верю. Да! Третий счет. А вот с третьим счетом неувязочка. — Сергей вызвал на экран сообщение. — Этот счет принадлежит Лиле, любовнице и секретарю Шалы. И открыт этот счет несколько дней назад.

— Она хочет его убить?

— Нет. — Детектив даже поморщился. — При чем здесь это? Тут другой фокус. Насколько я знаю, Шала — казначей. Знаешь, что это такое? Он держит обшак —

воровскую кассу. Следит за приходами-расходами. Бухгалтер, словом. Так вот вопрос: зачем ему открывать счет для своей любовницы и класть туда деньги? Непонятно. Еще непонятнее, если считать, что Харон с Шалой не связан. Тогда вообще бред. Один убийца просит отдать свой гонорар другому убийце...

Его прервал звонок телефона.

— Алло? — Помолчав, Сергей повторил: — Алло! Не слышно.— Он нажал кнопку, выключая трубку.

— Может, это Валя?

— Рано еще.— Сергей посмотрел на часы.— Не нравится мне все это.

— И что же с этим Шалой и прочим?

— Так вот и непонятно, что делать.

— Будем ждать?

— Будем? — Сергей удивленно поднял брови.— А вы-то тут при чем?

— Я? — смутилась Ольга.— Ну, мы же не бросим тебя...

Сергей улыбнулся:

— Я, конечно, польщен, но вряд ли вы сможете мне помочь. Нет смысла подставляться под пули. Счеты вы свои свели, так чего дальше здесь сидеть?

— Ты нас выгоняешь?

— Ну, не выгоняю, но предупреждаю, что здесь вам оставаться опасно.

Ольга задумалась.

— Знаешь, а нам ведь некуда идти,— произнесла она, помолчав.— Совсем некуда.

— А родители?

Ольга покачала головой.

— Но вы же думали что-то делать, когда... все закончите?

— Честно говоря, нет. А я не очень-то и рассчитывала, что останусь живой и на свободе.

— Ты что же, собиралась... обратно на зону?

— Никуда я не собиралась.— Ольга опустила лицо.— А знаешь, это были хорошие стихи...

Рука Сергея застыла в воздухе над клавиатурой компьютера. Он осторожно поймал в стекле монитора отражение девушки. Такой поворот был для него неожиданностью. Ну, накалякал он ей стишок. Так ведь просто хотелось утешить дуреху. Но ведь и она не девочка, чтобы с ходу влюбиться в первого встречного. Что она задумала? Нет, девчонка она, конечно, симпатичная, и будь он посвободнее, не возражал бы погулять с ней, но начинать роман сейчас, когда непонятно, из-за какого угла в тебя могут стрельнуть из неопознанного оружия...

— Оля... — начал Сергей, видимо не зная толком, что собирается сказать.

— Что? — Она вдруг вскинулась, и глаза ее зло сузились.— Хочешь сказать мне, что опять пошутил?

— Нет... — Сергей растерялся, именно потому, что примерно это и собирался сказать.— Я не пошутил, но...

В этот момент дверь квартиры распахнулась. В проем вломились трое с автоматами наперевес.

— Стоять, твари! — цыкнул один из них на остолбеневших Сергея и Ольгу.— Стоять как попало, а то крошу в кашу!

Сергей узнал этого парня. Это был боевик из бывшей бригады Жука. Гога, кажется. Детектив посмотрел на Ольгу и медленно поднял руки. Она сделала то же самое.

Москва, май 1998

Хильда узнала о смерти Быкова в тот же день. Ей позвонила та самая знакомая, которая и порекомендовала

президенту банка обратиться к известному психиатру Хильде Арвидасовне Ронкшинас.

Хильда не помнила, что именно сказала ей знакомая. Поняла лишь, что с Быковым произошел какой-то дикий несчастный случай. Это не вписывалось в ее план, но так или иначе цель была достигнута. Оглушенная новостью, она лишь спросила:

— Уже? Так быстро?

В трубке воцарилась тишина, потом знакомая завершала что-то, но Хильда отключила телефон.

Она села за стол, уронив трубку на пол.

Положив руки перед собой, ладонями вверх, Хильда долго смотрела на них с удивлением и восторгом, как смотрит рыбак на брошенную им на берег огромную рыбу. «Неужели это я поймал ее?» — спрашивает рыбак сам у себя и сам себе отвечает: «Я!»

Неужели она убила его? Хильда пошевелила пальцами, словно желая убедиться, что перед ней ее собственные руки. Почему, собственно, она вообще смотрит на свои руки? При чем здесь руки? Они почти не принимали участия. Да, открытки и ампулы с лекарством — дело ее рук. Но ведь то главное, что произошло, — произошло в ее голове. Родилось и осуществилось прежде всего в ее мозгу. Невероятно! Одним лишь усилием своей воли она смогла заставить человека уйти из жизни...

История с генералом не давала ей покоя многие годы. Тогда это произошло случайно. Тогда наивная девушка рассчитывала спасти человека. Теперь же... Теперь она задумала убить человека и убила его. Заставила, убедила его умереть. Неужели такое возможно? Неужели она сделала это?

И кто она теперь? Убийца? Отмщенная жертва? Врач, нарушивший свой долг, употребивший свое умение во зло, а не во благо?

Кто же она?

Хильда медленно повернула голову и поймала свое отражение в висевшем на противоположной стене зеркале. Во время приема она обычно периодически мельком поглядывала в него, дабы убедиться, что выглядит должным образом. Теперь она пристально посмотрела на свое отражение и, встретившись с самой собой взглядом, долго смотрела в свои глаза, словно надеясь увидеть ответ на многие вопросы. Она заметила, что из старательно уложенного каскада прически выбилась одна прядь, и поправила ее. Машинально проверила и макияж. Все было в порядке, все безупречно, как всегда. Хильда не считала себя красавицей, но холеная кожа, тщательно уложенные пышные волосы, чувственные губы, аккуратный макияж делали ее более чем заметной. Возможно, она и не была красавицей — о вкусах не спорят, — но черты лица ее не имели ни единого изъяна, словно были выточены гениальным скульптором из гладкого камня. Благодаря строгости пропорций лицо становилось похожим на маску, на утонченное в своей вековой неподвижности лицо античной скульптуры...

И в этот момент Хильда поняла, кто она! Вспомнила, осознала это. Она — божество, ниспосланное на Землю, чтобы покарать людей за зло, творимое и сотворенное ими...

Она — мессия, призванная восстановить справедливость, воздать каждому по делам его...

Хильда вытащила ящик стола и принялась выбрасывать на пол тонкие папки. Десятки папок с досье на тех, кто заслуживал кары и заслуживал принять эту кару из ее рук.

Папку, помеченную инициалами А. Б., — одну из самых потрепанных — она разорвала надвое и бросила в корзину для бумаг. За ненадобностью.

Москва, октябрь 1998

Валя чуть не забыла позвонить. Довольная, что поездка в банк обошлась без неожиданностей, она торопилась вернуться в квартиру. Уже подходя к дому, посмотрела вверх, скользнув взглядом по напоминающей невымытую терку гирлянде балконов почти до самой крыши, но на обратном пути взгляд «зацепился» за окно третьего этажа.

Валя даже не поняла сначала, что привлекло ее в этом человеке, сидевшем вполоборота у распахнутого настежь окна. Человек курил, стряхивая пепел во что-то, скрытое в его руке. Сидел он неуклюже, неудобно: ему мешал большой цветочный горшок, возвышавшийся посредине подоконника. Вместо того чтобы снять его или на худой конец сдвинуть в сторону, человек предпочел скрючиться, скрутившись жгутом и пригнув голову, чтобы не задевать занавеску.

Что-то знакомое было в нем. Валя не могла понять, что именно. Она даже замедлила шаг и теперь, рискуя споткнуться, шла, не сводя глаз с человека на подоконнике и силясь понять, кого же он ей напоминает.

Человек в окне увидел девушку и заметил, что она смотрит на него. Положив нечто, служившее ему пепельницей рядом с цветком, он поднял руку и помахал Вале.

Этот жест помог ей вспомнить. Ну конечно же! Какая она дура! Человек в окне просто напомнил ей сцену из фильма «Семнадцать мгновений весны». Эпизод, когда профессор Плейшнер идет по Цветочной улице, смотрит на окно проваленной квартиры и видит цветок. Все правильно. Только в фильме гестаповцев было двое, и один из них именно так помахал профессору.

Довольная, что загадка так быстро и просто разрешилась, Валя вбежала в подъезд.

Вот так и бывает, рассуждала она. Посмотрит человек фильм или журнал с фотографиями, а потом мается: где я видел это или то? А бывает и наоборот: смотришь в упор на вещь и не видишь. Тот же Плейшнер сто раз смотрел на цветок, а сообразил, что он значит, только в последний момент.

Валя нажала кнопку лифта.

Стоп! Она вдруг вспомнила, что Сергей просил ее предварительно позвонить. Валя нащупала в кармане карту.

Двери лифта открылись.

Что же теперь — идти обратно к метро? Неохота.

Валя вошла в лифт и нажала кнопку нужного этажа. Кабина послушно понесла ее вверх.

Когда оставалось проехать всего пару этажей, Валя опять вспомнила о Плейшнере. О печальной участи, постигшей резидента, позабывшего инструкции Штирлица...

Валя решительно нажала на кнопку «стоп» и отправила кабину вниз. Выйдя из подъезда, она решительно направилась обратно к метро, повторяя себе, что бережного Бог бережет. Подойдя к таксофону, девушка вставила карту и набрала номер.

Она услышала гудок, второй, третий...

Чем они там занимаются? Валя разозлилась на Сергея — за то, что надул ее, на подругу — за вероломство, на себя — за глупость. Так им просто нужно было остаться вдвоем? И для этого детектив разыграл комедию с предупреждающим звонком?

— Алло? — Голос Ольги звучал как-то странно, сонно.

— Алло, — недовольным тоном ответила Валя. — Я иду.

— Да? Ладно,— произнесла Ольга рассеянно и, спохватившись, добавила: — А у нас все нормально.

— И у меня все нормально! — Валя повесила тяжелую трубку на рычаг и, сунув руки в карманы ветровки, зашагала к дому.

Человек все еще сидел на подоконнике. Увидев девушку, он улыбнулся ей и снова помахал рукой.

Валя остановилась и, выдернув руку из кармана, хлопнула себя по лбу: как же можно быть такой дурой?! Ведь Ольга произнесла условную фразу, предупредила об опасности, а она, идиотка, чешет себе в засаду, как... как профессор Плейшнер.

Валя огляделась по сторонам. Ничего интересного. За исключением одной детали: теперь Валя иначе взглянула на стоявший у подъезда армейский фургон — санитарный «уазик». Когда Валя уезжала в банк, его здесь не было. Что он здесь забыл? Кого ждет водитель, не сводящий взгляда с подъезда?

После покушения на Боброва Валя так и не выбросила пистолет. Сергей осмотрел его и поставил диагноз о летальном исходе механизма, обмолвившись, правда, что при отсутствии патронов этот кусок железа уже не рассматривается уголовным кодексом как оружие, а воспринимается именно как кусок железа. Валя решила оставить этот кусок у себя, на всякий случай. И, хотя детектив не одобрил этой идеи, положила его во внутренний карман ветровки. Он был с ней и сейчас.

Валя подошла к фургону со стороны водителя. Шофер покосился на нее и снова уставился на двери подъезда.

— Привет.— Валя поставила ногу на колесо.

— Чего надо? — Шофер даже не повернул головы.

— Не подбросишь ковер до центра? — спросила Валя небрежно.

— Занят. Сходи к мебельному. Там калымщики па-
сутся.

— Да это быстро. Ковер в соседнем подъезде, уже
скручен,— невинным тоном продолжала Валя.

— Чё, не понятно? — огрызнулся водитель.— Занят.
Отойди.

— Ну выручи, дядя...

— Отвали.— Водитель покосился на зеркало.— И но-
гу убери.

— А что, нельзя?

Шофер одарил Валю красноречивым взглядом и вы-
сунулся из окна, чтобы взглянуть, все ли в порядке с его
грязным колесом. Этого движения Валя и ждала. Выхва-
тив из-под ветровки свое бутафорское оружие, она при-
ставила его к носу водилы.

— Кто «скорую» вызывал? — спросила она тихо.— В
какую квартиру?

— Какую «скорую»? Ты что, дура? — Водитель не
особенно испугался, но делать резких движений не спе-
шил.

— В семьдесят вторую?

— Ну, кажется... — Теперь он заметно сник, сообра-
зив, что происходящее — не случайность и не глупый
розыгрыш в духе Тарантино.

— Вылезай! — скомандовала Валя и чуть подалась
назад, чтобы не получить удар дверью.

Через несколько минут шофер был уже надежно
привязан к металлической скобе в кузове машины, а
Валя узнала, что в квартиру поднялись трое с автома-
тами. Оружия у водителя не оказалось, так что попол-
нить свой смехотворный арсенал Вале не удалось. За-
хлопнув дверцу фургона, она вошла в подъезд, сжимая
в руке то, что уголовный кодекс даже не относил к
оружию.

Хильда-Харон отвечала на ходы довольно быстро. Скорее всего, рядом с ней сидел некто, дававший ей советы. Как и в партии с Максимилианом, они ушли в итоге от теории в дебри интересных импровизаций, где Алексей Владимирович чувствовал себя несколько неуютно. Он почувствовал себя еще более неуютно, когда в очередной схватке потерял лишнюю пешку, а сдвоенные ладьи черных вдруг взяли под контроль центр доски.

Алексей Владимирович занервничал. Чем больше он пытался успокоить себя, напоминая, что это лишь игра, тем больше заводился.

Противники разменяли слонов. Белый слон, прежде чем исчезнуть, повернулся вокруг своей оси, и Кирьянов увидел, что на головке фигуры нанесены черты лица Евгения Зыкова. С точки зрения возможностей компьютера это был весьма заурядный трюк.

— Давишь на психику? — усмехнулся Кирьянов, глядя на экран. — Зря.

По экрану прошел титр: *«Когда игра закончится, ты умрешь»*.

Секундой раньше у Алексея Владимировича родилась мысль прервать игру, но этот глупый титр выглядел как вызов, и вынести такой наглости Кирьянов не мог. Хотя шансы его были невелики, он продолжал игру. Одна пешка — ерунда!

С доски ушли белый конь и черный слон.

Харон проделал тот же трюк с конем, переделав его морду в профиль Макса и снабдив эту картинку все тем же комментарием: *«Когда игра закончится, ты умрешь»*.

— Пошла ты! — огрызнулся Алексей Владимирович. Фигуры разменивались поровну, и праздновать победу

Хильде было рановато.— Мы сейчас посмотрим, как ты выиграешь, тварь!

Черные продолжали маневрировать, перестраиваясь для атаки на пешечные флешы белых. Кирьянов перебрасывал фигуры с фланга на фланг, защищая свои позиции. Разменяли еще по фигуре и по пешке. Хильда не преминула продемонстрировать портрет Беленкова и свою устрашающую заставку.

Эх, жаль, что они играли через компьютер! Алексей Владимирович давно бы уже засветил этой дуре ладьей по лбу, на том игра и закончилась бы. Руки прямо чесались. Почему он не поставил джойстик?! А вообще, с таким настроением лучше играть не в шахматы, а в хоккей или регби. В ожидании следующего хода Кирьянов начал барабанить пальцами по столу.

Партия уже переходила в эндшпиль, когда Алексей Владимирович нашел интересный вариант контратаки. Нужно было сделать пару тихих ходов, чтобы подготовить прорыв на королевском фланге. Он сделал первый ход. Харон продолжал свои перестроения, готовя операцию по уничтожению пешки.

Алексей Владимирович усмехнулся и, еще раз проверив ходы, переставил слона: невинный ход, перекрывавший при задуманной комбинации черному королю возможность отступления. Теперь все было готово для начала контратаки. Довольный собой, Кирьянов откинулся на спинку кресла и, выбросив вверх руку, издал победный клич — нечто среднее между криком вороны и не вполне цензурным междометием.

Тем временем черная ладья ринулась вниз прямо в гущу белых фигур и пешек, к притаившемуся за их спинами королю, словно камикадзе, решившийся пожертвовать собой ради того, чтобы нанести смертельный удар главнокомандующему вражеской армии.

Шах!

Алексей Владимирович с минуту смотрел на возникшую позицию, прежде чем ответить. Он уже занес руку над клавишей, чтобы побить бесцеремонно вторгнувшуюся на его половину доски фигуру, но в этот момент понял наконец замысел противника. Жертва эта была столь красива и коварна, что Кирьянов, будучи шахматным гурманом, не мог не восхититься ею, позабыв на мгновение о том, что такое эта партия.

Очнувшись, он отер лицо и подвинулся к экрану, изучая позицию и ища выход.

«Сейчас партия закончится, и ты умрешь», — медленно проплыл по нижнему краю экрана титр. Кирьянов не обратил на это внимания, продолжая думать.

«Сейчас ты умрешь!» — действовала ему на нервы Хильда, но нервы у Кирьянова были достаточно крепкие. Он продолжал размышлять, сосредоточившись на позиции.

«Ты сейчас умрешь!»

Алексей Владимирович снова начал постукивать пальцами по столу. Похоже, что эту партию Хильда у него выигрывала. Не столь важно, помогал ей кто-то или нет. Было вообще обидно проиграть тошной бабе, в большой игре способной лишь на дешевые трюки...

Пальцы его натолкнулись на рукоятку пистолета, лежавшего рядом. Алексей Владимирович накрыл его ладонью. Тяжелая гладкая рукоятка так и просилась в кулак, и Кирьянов взял тяжелое оружие в руку, крутанул на указательном пальце и опустил, уперев рукоятку в край стола.

Идея, как спасти партию, заставляла себя ждать. Кирьянов мысленно переставлял фигуры, прокручивая разные способы защиты, но ничего путного не получа-

лось. Нужно было противодействие от этой жертвы: что-нибудь не менее эффективное и гениальное.

Экран начал раздражающе менять цвета. Сквозь доску стали медленно проступать какие-то буквы, слова... Алексей Владимирович заставил себя сосредоточиться на позиции, не обращая внимания даже на становившуюся все четче надпись: *«За твоей спиной Ангел Смерти, Кирьянов!»*

За спиной Алексея Владимировича раздался шорох.

Вскрикнув от неожиданности и вскочив, он отшвырнул стул, мгновенно обернулся, выбросил в направлении звука руку с пистолетом и выстрелил.

Прежде чем он осознал, что из-за дверного косяка выглядывает охранник с автоматом наперевес, загремела ответная очередь. Нервы охранника, которого насторожил победный клич Кирьянова и который подошел проверить, что происходит, тоже были на пределе. И хотя пуля, выпущенная боссом, пролетела мимо, палец телохранителя, лежавший на спусковом крючке, сам собой согнулся, приведя в действие адский механизм автоматического оружия.

Три пули просвистели мимо, превратив монитор в груды стекла, пластика, проводов и плат. Одна пуля попала Кирьянову в плечо. По иронии судьбы — почти в то же место, что и выпущенная несколько лет назад пуля киллера. А следующая попала в шею, чуть ли не наполовину оторвав голову от туловища.

Безуспешно пытаясь зажать рану руками, Кирьянов осел на пол, не сводя с охранника широко раскрытых глаз.

— Вот дерьмо... — произнес он одними губами.

— *Pas trop bien!*¹ — выдохнул не понимавший по-русски и приученный выражаться более корректно телохранитель, опознав в своем поверженном противнике сме-

---

¹ Не совсем удачно! (фр.)

нившего имидж клиента.— Il faut aller a la pharmacie...¹— добавил он неуверенно, глядя в стекленеющие глаза патрона.

Москва, октябрь 1998

— Стоять! Не дергаться! — Первый из троих ворвавшихся в квартиру подскочил к Сергею и Ольге и, убедившись, что они безоружны, оттолкнул их к стене.

Второй захлопнул дверь и встал возле нее, водя дулом автомата из стороны в сторону. Третий быстро проверил другую комнату, кухню и ванную.

— Ну и что? — Сергей держался спокойно или искусно скрывал волнение.— В войнушку играете, ребята?

Его спокойствию было объяснение, которое, впрочем, не могло прийти в голову Ольге. Девушка просто считала Сергея суперменом, не ведающим страха. Сергей прекрасно понимал, что если бы эти трое пришли убить их, то не стали бы так все усложнять: отстрелялись бы и ушли. Нет, этим троим было нужно что-то другое.

— Ага, в войнушку,— кивнул Гога. Видимо, операцией руководил он.— Кто такая? — Он ткнул автоматом в сторону Ольги.

— А тебе зачем? — спросил Сергей лениво, словно это он был вооружен до зубов, а не Гога со товарищи.

— Да вот хотим тебя свозить на разбор. Если она в деле, то заберем с собой. А если просто так, то сейчас пришьем. Чтоб не трепалась. Так как?

— Она в законе,— нехотя произнес детектив.

— Ну, это ты будешь гнать... — Бандит махнул рукой.

— Покажи ему справку...— Сергей кивнул на стол, где в верхнем ящике действительно лежали документы девушек.

---

¹ Нужно сходить в аптеку... (фр.)

Ольга, опустив руки, сделала шаг к столу.

— Стоять! — Гога угрожающе вскинул ствол автомата.

— Я стою. — Вновь испуганно подняв руки, Ольга застыла.

— Так и быть, верю. Поехали!

— Далеко ли? — Сергей даже не двинулся с места.

— Шала хочет тебя видеть.

— А почему с таким шумом?

Гога не сразу нашелся, что ответить.

— Ты, парень, ничего не напутал? — продолжал развивать наступление детектив. — Может, тебе было сказано нас охранять, а не везти под прицелом? А?

На лице Гоги отразилось замешательство.

— Ну что, — Сергей уселся на край стола, — вспомнил? Если нет, можешь позвонить Шале переспросить.

Гога посмотрел на аппарат. Перехватив этот взгляд, Сергей сам снял трубку и протянул ее бандиту:

— Держи, браток, это твой последний шанс!

Гога взял трубку, отступил на шаг и, не сводя глаз с детектива, набрал номер.

— Никто не отвечает, — сообщил он с досадой.

— А тебя сам Шала посылал или передавал через кого? — В голосе Сергея уже слышалось сочувствие.

— Вообще-то передавал...

— Через кого передавал-то? Может, тот тебя подставить решил?

— Через кого надо! — огрызнулся Гога, уже засомневавшийся в правильности своих действий.

Тут в его руке запищала трубка. Он удивленно посмотрел на нее, потом поднял глаза на детектива.

— Может, это Шала и звонит... — Сергей потянулся было за трубкой, но Гога остановил его:

— Нет! — И протянул трубку Ольге. — Пусть она говорит.

Ольга неуверенно посмотрела на Сергея и, получив одобрителный кивок, поднесла трубку к уху.

— Алло? Да, ладно... — Ольга исподлобья взглянула на бандита, который внимательно наблюдал за ней. — А у нас все нормально.

— Вот и молодец! — Гога выдернул шнур телефона из розетки. — А теперь поехали! Там разберемся.

— Может, сначала дозвонимся Шале?

— Нет его! Поехали, я сказал!

— Звякни на мобильный, — не унимался Сергей.

— На мобильный?

— Конечно. Включай аппарат, я наберу. — Сергей набрал номер и передал трубку Гоге.

— Алло? Шала? Да, я. Шала, мы сейчас у сыщика... Ну да. Что с ним делать?

В трубке загудел голос вора.

— Понял. Нет, не дергается. Понял. Понял. — Гога бросил трубку на базу и, отступив в сторону, скомандовал: — Поехали!

— Что он сказал?

— Поехали, говорю! — Гога передернул затвор. В стену ударил вылетевший патрон.

— Не сори. — Сергей демонстративно заложил руки за спину и пошел к двери. Ольга двинулась следом, опасливо косясь на дуло автомата.

Подручные Гоги наблюдали за происходящим, стоя у двери.

— Проверь! — приказал Гога одному из них.

Тот кивнул и исчез. Не прошло и минуты, как он появился снова и, привалившись плечом к косяку, уставился на Гогу.

— Ну чего? Чисто?

— Ага, — кивнул тот, кисло усмехнувшись. — Почти.

Дверь приоткрылась побольше, и все увидели за его спиной Валю, которая приставила к затылку заложника свой исторический пистолет.

— Бросайте стволы! — рявкнула она, и из-за плеча бандита выглянуло дуло автомата, направленное на второго подручного Гоги.

— Зачем? — Гога тоже схватился за оружие.

Немая сцена длилась секунд пять. Заложник неловко переступил с ноги на ногу, и Валя для остротки ткнула его в затылок пистолетом. Этого резкого движения оказалось достаточно, чтобы у кого-то сдали нервы: все три автомата «заговорили» почти одновременно.

Сергей ударом кулака свалил Ольгу на пол, а сам, бросившись к Гоге, сбил его с ног.

Грохот выстрелов оборвался столь же внезапно, как и начался, — словно по знаку невидимого дирижера. Сергей, убедившись, что цел, а Гога убит, вскочил и кинулся ко второму бандиту. Тот, выпустив автомат из рук, бился в агонии. Сергей быстро оглянулся. Заложник скверно послужил Вале щитом. Погибли оба.

Сергей сгреб Ольгу в охапку и поволок к выходу. Она была легко ранена: пуля задела чуть выше запястья. Не обращая внимания на боль и кровь, девушка зажимала ладонями уши.

Сергей затащил ее в лифт, очень кстати оказавшийся на этаже.

Пока они ехали вниз, Ольга не издала ни звука. Сергей лишь слышал, как поскрипывают ее плотно сжатые зубы. Но когда они вышли из лифта, Ольга вдруг закричала:

— Валя-а!

Сергей с размаху залепил ей рот ладонью и, пребольно выкрутив здоровую руку, потащил прочь из дома, к машине.

Ольга дернулась несколько раз, пытаясь освободиться, и разрыдалась. Подобное звуковое сопровождение было Сергею ни к чему, но, по крайней мере, девушка уже не просто висела на нем, а начала сама переставлять ноги.

Оказавшись во дворе, Сергей быстро протащил ее сквозь кусты, росшие вокруг дома, и вывел в переулок. Усадив Ольгу на заднее сиденье грязного «жигуленка», завел мотор и помчался. Куда? Не важно. Сейчас главное было унести ноги с места бойни.

Его пассажирка тихо всхлипывала, пытаясь носовым платком забинтовать раненую руку. Рука лежала на коленях, и джинсы были перепачканы кровью. Как она в таком виде пойдет потом по улице?

ГЛАВА 23

Москва, октябрь 1998

Звонок Гоги был не ко времени. Шала даже забыл удивиться, откуда боевик знает номер его мобильного телефона.

Не ко времени, потому что Шалу навестили редкие гости. Очень редкие и очень дорогие. Два вора в законе. Двое из троих посвященных в бухгалтерию общака.

— Скучное дело... — Один из них, Ходжа, как раз перешел к цели своего визита, когда на столе Шалы записал мобильный.

— Извини, братан,— сказал Шала.— Если мобильник, то это срочно.

— Конечно.— Ходжа поднял руки, показывая, что не возражает.

— Алло? — Шала приложил трубку к уху.— Да. И что? Не понял. Я же сказал, что делать! Привезти, да? Если не захочет, то привезти силой и его и там бабу какую-то. Ты что, в натуре, братан? Что за вопросы? Вези, и все. Понял, э? Все тогда.— Шала в сердцах бросил трубку на стол.— Ничего не могут сделать, да? Что, брат? Я слушаю тебя.

— Скучное дело,— повторил вор.— Один тук по ель-не качалово пошло. Кто-то голос дал, что ты в глоты за-делался, общак на себя дербанишь, а башли выпулива-ешь...

Побагровев до корней волос, Шала вскочил. Шутка ли, его обвиняют в том, что он прикарманил деньги, предназначенные для передачи в общак!

— Что за воздух, в натуре? — прорычал он, переводя гневный взгляд с одного визитера на другого.— Я что, вшивый или что?!

— Подожди, братан,— подключился к разговору Митяй, второй гость.— Мы же не гнем. Мы давно тебя знаем, что ты в чистоте, в масти. Потому так, в натуре, и передаем. Голосил не весовой, мы думаем, что он вола пасет, но zenки запалить надо. Закон для всех один...

Шала опустил на стул, сжав кулаки в бессильной злобе. Два его кореша с незапамятных времен пришли, чтобы проверить слова какой-то твари, оговорившей его, вора в законе.

— Валяй, гони.— Шала поднял глаза на Ходжу.

— Пошел такой гон, что ты выпуливаешь воров-скую долю. Заимел счета и туда ховаешь. Недавно для Лильки счет открыл, двинул туда десятку грина. Вот и скажи.

Шала вздрогнул, потом еще, а потом затрясся весь от распирающего изнутри смеха.

— Откуда это фуфло нагнали? — Он смотрел на кореша с укором.— Счета! Э! Для Лильки. Туфта это все! Порожняк, э!

— И у Лильки счета своего нет? — уточнил Митяй.

— Был бы — я бы знал,— отрубил Шала.— Десять штук, э! Я ей вообще денег не даю. Так, сотню-другую. Баба же...

— Спасибо, братан.— Ходжа поднялся и протянул ему руку.— Мы так и думали, что ты в чистоте. Пойми нас: закон — он...

— Ладно, э!..— Шала, тряхнув головой, пожал протянутую руку.— Может, грева?

— Нет, спасибо. Мы спешим.

Попрошавшись, воры вышли из офиса. Шала проводил их почти до дверей подъезда и стоял на крыльце, пока гости не сели в машину. На этом инспекция завершилась.

Через двадцать минут после визита воров в офис Шалы вошел человек в спортивном костюме. Остановившись в приемной, он улыбнулся Лиле, поднявшей глаза от экрана монитора, вытащил из-под олимпийки пистолет с глушителем и дважды выстрелил. Левая сторона груди девушки мгновенно потемнела от крови, тело бесшумно сползло из удобного кресла и повалилось на пол, устланный мягким ковролином.

Не теряя времени, человек вошел в кабинет Шалы. Вор смотрел очередной боевик. Стреляному воробью хватило одного взгляда, чтобы понять, зачем пожаловал этот посетитель. Кавказец с неожиданной прытью развернулся в кресле и сунул руку под стол.

— Сходняк решил, что ты гад,— негромко объявил вошедший и поднял пистолет.

Шала успел выхватить из потайной ниши оружие, но лишь затем, чтобы тут же выронить его. Удивительно, как может боль заставить грузное тело почти взлететь в воздух! Палач оказался рядом раньше, чем голова отшитого вора коснулась пола. Выстрелив жертве в висок, убийца бросил пистолет рядом и быстро вышел из кабинета, на ходу снимая с руки хирургическую перчатку.

Москва, октябрь 1998

Заметка об очередном заказном убийстве в одном из офисов на Новослободской улице занимала всего несколько строк. Быстро прочитав ее, Хильда сложила газету и сунула в лежащую перед ней папку с пометкой «Ш». Потом взяла с края стола стопку таких же подписанных папок и водрузила всю стопку перед собой.

Сверху лежала папка с надписью «Е. Зыков». Хильда заглянула внутрь. Этот первый блин вышел у нее комом. По всем статьям, бригадира должны были наказать за промах с Дятлом, но он выкрутился. Пришлось срочно решать вопрос самым тривиальным путем — нанимать убийцу.

Хильда закрыла папку, отправила ее в пасть машинки для уничтожения бумаг и взяла следующую. Андросов. Психиатрический этюд — шедевр. Правда, пришлось включить в игру эту потаскушку, но для нее, как наводчицы со стажем, сделать укол пьяному да еще и накачанному снотворным хозяину квартиры было парой пустяков. Она даже не поинтересовалась, что было в шприце. А дальше — пустяковая работа для того же Серпа.

Папка тоже отправилась сквозь стальные ножи.

Беленков. Здесь неплохо поработал Сергей: и с фотографиями помог, и с компьютером. Ну а бескорыстные борцы за родную природу за деньги готовы на что угодно. Наверное, заплати она им еще тысяч десять, они вообще пустили бы этот транспорт ко дну. Просчитать же реакцию Семена Васильевича мог бы даже студент третьего курса: узнав про историю с кредитом и получив повод избавиться от нелюбимого зятя, старый мент поспешил засадить его в каталажку. Оставалось только перебросить в тюрьму соответствующую маляву...

Пережевывая папку Беленкова, машинка недовольно заурчала и захрустела чем-то. Конечно! Хильда и забыла, что внутрь вложена дискета с роковыми картинками. Она вытащила папку обратно и выбросила дискету в ведро: все равно с нее теперь не считаешь.

А вот и сам Серп. Здесь вообще ничего не пришлось делать. Достаточно было положиться на наблюдательность Сергея и жестокие законы уголовного мира. Все сработало безупречно. Само сработало...

Шала. И здесь основная часть работы сделана чужими руками. Ольга положила на счет деньги, а воры, прочитав записку, поспешили ей поверить и разделаться с вошедшим в большую силу авторитетом. Он единственный, кто не понял, за что его убили.

Больше папок на столе не осталось. Но было еще одно важное дело, еще один заказ, выполнить который было предназначено именно ей, Хильде, ниспосланной для этого в мир и наделенной силой Бога.

Алексей Владимирович Кирьянов.

На то, чтобы найти ниточку, ведущую к бывшему начальнику, Хильде понадобился почти год. Алексей Владимирович в прежние времена специализировался на странах соцлагеря. Свободно говорил по-польски. Было весьма вероятно, что он использует свои познания. Так оно и вышло. Среди подписчиков на российскую периодику оказалось на удивление много поляков. Чтобы проверить их всех, потребовался не один месяц. Но кропотливый труд не пропал даром. Сначала пан Штуровский просто был взят на заметку как единственный подписчик, реагирующий на путаницу с номерами лишь российских изданий. Продолжая наводить справки, Хильда обнаружила некоторые совпадения дат в биографии пана и бывшего шефа, а в приемах, какими Штуровский обеспечивал свое инкогнито, угадывался абрис

плана, в разработке которого Хильда Арвидасовна принимала столь деятельное участие. Вскоре Харон уже не сомневался, что выследил свою жертву. Но как добраться до Кирьянова? Теперь наконец, спустя столько времени, она оказалась на расстоянии удара. Насколько он окажется точным, зависит только от нее, все остальные игроки свои роли сыграли и остаются за доской. Теперь только она и Кирьянов. Один на один.

Нижний Новгород, ноябрь 1998

Ольга вышла из здания вокзала на улицу и с любопытством огляделась по сторонам. Впечатление было странным. На фоне старых, начала века, полуразвалившихся домов из неопределенного цвета кирпича, сквозь который пробивались к солнцу мох и кое-где даже деревца, красовались торговые павильоны. Играющий на солнце гофрированный алюминий этих пыльных громадин смотрелся как галстук-бабочка, надетый под грязную телогрейку с торчащей ватой. Старый город не желал принимать инородцев. Тем не менее цивилизация вгрызалась в него хромированными клыками киосков, выцарапывала застоявшиеся под паром пажити сверкающими когтями новых витрин, пронзая насквозь бивнями рекламных стел. Пройдет не один год, прежде чем город преобразится, станет похож на обиталище существ разумных. Пока же здесь можно было нормально жить, лишь передвигаясь от одного нового островка к другому.

Впрочем, жить им предстоит даже не здесь. Они едут еще дальше, за Урал. Сергей пошел брать билеты, а она ждет его тут, осматривая современное здание вокзала.

Сергей говорит, что оставаться в Москве им нельзя. Там их будут искать и могут случайно найти. Гоняться же по всей стране за ними никто не будет, да и вряд ли у кого-то возникнет такое желание. Московская братва и воры займутся наследством Шалы. Какое им дело до его старых счетов? Насоныч тоже мертв. Бобры пребывают в счастливом неведении относительно того, кто уколошил их братца. Да и не до кровной мести им — удержать бы в руках компанию. Даже Сергея, как оказалось, не станут разыскивать в связи с той перестрелкой. Квартира, где они жили, и впрямь принадлежала человеку, уехавшему работать за рубеж. Только он не оставлял Сергею ключей. Он вообще не знал о существовании детектива. Сергей ангажировал квартиру по собственной инициативе. И о том, что он живет там, не знал никто. По большому счету, Сергей и Ольга были чисты, никто за ними по пятам не гнался. Попадись Сергей или Ольга случайно, им, возможно, и предъявят счет, а ловить по городам и весям...

Ольга никогда серьезно не задумывалась, чем займется во взрослой жизни. Сначала была слишком мала для этого: поступлю в институт, а там будет ясно. Потом стала вдруг сразу взрослой. Но одновременно и жизнь ее приобрела смысл и цель: месть. Дальше она не загадывала. Прежде всего потому, что не верила в удачу. А ей все удалось, и теперь она перешагнула ту грань, за которой и жизни-то вроде быть не должно.

Она будто родилась во второй раз. Все счета из прошлого были оплачены, за душой ничего, а что дальше?

Они уезжают вместе с Сергеем. Тот знает, что делать, куда идти. И она бежит за ним, как только что вылупившийся цыпленок бежит за первым движущимся предме-

том, который увидит, едва сбросив скорлупу. Может быть, они и закончат этот путь вместе, остановившись где-то на годы. Может быть, но сначала Ольге нужно убедиться, что чувство, заставляющее бывшего детектива помогать ей,— не жалость. Иначе она уйдет одна...

И только от нее зависит, как сложится эта начатая с чистого листа жизнь.

Ольга повернула голову и увидела трех омовцев, приближавшихся к зданию вокзала. Она решила вернуться в зал. Не потому, что опасалась проверки. Документы у нее в порядке, она даже отказалась от предложенного ей Сергеем чистого, без судимости, паспорта на другое имя. Так что бояться ей было нечего, но что-то вроде аллергии к людям в форме стражей порядка осталось, наверное, навсегда.

Оказавшись внутри, Ольга сквозь стеклянные двери посмотрела в кассовый зал. Сергей все еще стоял у окошка, постукивая бумажником по стойке.

Ольга свернула налево и подошла к продавцу газет. Особого желания читать прессу у нее не было. Может, не то настроение, может, перечитала в лагере. Она просто разглядывала яркие обложки журналов и кричащие заголовки газет. «Маньяк отравил восемьдесят пять человек», «Пойман убийца Листьева», «Героин провозят инопланетяне», «Сенчукова — гермафродит!».

Проглядев первые страницы цветных изданий, Ольга решила напоследок пробежаться по передовицам ежедневных газет. Взгляд ее упал на прошлый выпуск «Совершенно секретно», случайно затесавшийся между «Известиями» и «Финансовой Россией».

Она вытащила газету и развернула. Статья называлась «Звезда и смерть пана Штуровского: Штуровский или Кирьянов?». Почти четверть страницы занимала

фотография Кирьянова, стоящего на какой-то огороженной мраморными перилами площадке. Точеные балясины хорошо оттенялись пальмовой рощицей, начинавшейся сразу за пределами площадки.

Ольга начала читать.

— Будете брать? — повернулась к ней продавщица.

— Да-да.— Ольга, не отрываясь от статьи, сунула ей купюру и не глядя взяла сдачу.

По сообщению каких-то там источников, автор статьи повествовал о человеке, проживавшем под именем Ян Штуровский на одном из тихоокеанских островов. Две недели назад в усадьбе Штуровского произошла перестрелка, в ходе которой хозяин был застрелен. Был также ранен охранник. В ходе расследования неожиданно выяснилось, что имя убитого — вымышленное. Выяснилось также, что хозяин виллы был не поляком, как считали местные власти, а русским. Пока его настоящее имя не установлено, но время появления пана на острове и его фото наводят на мысль, что человек, скрывавшийся под фамилией Штуровский, на самом деле — Алексей Владимирович Кирьянов, считающийся на сегодняшний день погибшим от рук кавказских террористов. Автор не делал окончательного вывода, представляя на суд читателей только ставшие ему известными факты и фото.

— Де-вуш-ка! — Продавщица, видимо, уже не в первый раз окликала недавнюю покупательницу.

— А? Что? — Ольга испуганно взглянула на нее.

— Здесь же не библиотека! Отойдите в сторонку и читайте!

— Да-да.— Ольга кивнула и, положив газету на прилавок, поспешила отойти.

— Девушка, газету! — вновь окликнула ее продавщица.

Но странная покупательница не слышала ее.

Ольга шла к дверям кассового зала. Сергей заталкивал в бумажник билеты и сдачу. Справившись с этой нелегкой задачей, он поднял глаза и улыбнулся, увидев идущую навстречу Ольгу.

Хэппи-энд, насколько это возможно. Если бы не смерть Вали и не ощущение того, что месть осуществилась пусть от их имени и их руками, но не ими... В этой игре Ольга была скорее орудием — не палачом, а карающим мечом в чужих руках, орудием Харона...

ЭПИЛОГ

Москва, ноябрь 1998

Бог Харон, всемогущий властелин мертвых, восседал на троне. Бог был погружен в раздумья. Дабы никто из суетившихся за дверями тронного зала смертных не беспокоил его, не отвлек от важных мыслей, он принял человеческое обличье. Не любивший пустой суеты подобострастных людишек, так и норовивших поцеловать край его тоги или сандалию, Бог Харон часто пользовался этим приемом. В последние годы он принимал облик женщины — не молодой, дабы не возбуждать у людей похотливые мыслишки, но и не старой, чтобы не оказаться стесненным страхом сделать нечто, не подобающее возрасту преклонному.

Бог размышлял о роде человеческом. Тысячи лет прошли со дня, когда эти существа были наделены душой и разумом. Но за прошедшие века твари употребили бесценные дары лишь для того, чтобы вытравить из своих душ все, что только могло поднять их над диким зверем, и при помощи разума построить адские машины и страшные города-чертоги. Тысячелетие за тысячелетием они лишь совершенствуются в низости и непотребстве, погрязая в крови и разврате. По мере сил он,

Бог Харон, уводил до срока в свое царство худших из них, дабы прекратить черные деяния их на земле, и лучших, чтобы не поглотила их страшная гидра слепой алчности. Все тщетно.

Что ж, в его власти увести в Тартар всех. Всех до единого, оставив солнечный мир лишь тварям безумным и потому чистым душой.

Да! Бог Харон поднялся с трона. Он поступит так! Сейчас он возьмет свое весло, отправится к берегу подземной реки, встанет в свою ладью и, приняв свой истинный облик, пошлет ангелов смерти во все концы света...

Харон направился к дверям. Он протянул руку, ожидая ощутить на ладони своей тяжесть весла, но рука замерла в пустоте.

Бог обернулся и грозно взглянул по обе стороны трона.

Лицо его потемнело от гнева: смертные осмелились посягнуть на его весло! Посмели прикоснуться к символу божественной власти!

Харон ринулся к дверям тронного зала и распахнул их.

Под дверями стояло несколько людишек: они шептались о чем-то и тотчас смолкли, испуганно глядя на явившегося перед ними Бога.

— Кто посмел прикоснуться к веслу?! — громовым голосом обратился к ним Бог Харон.

Испуганно переглядываясь, людишки зашебетали какой-то вздор:

— Хильда Арвидасовна, что с вами? Какое весло?

Проклятье, они даже не могут понять своим жалким умишком, кто стоит сейчас перед ними. Они видят лишь это обличье женщины в одеждах целителя, которое при-

нял Бог, надеясь избежать необходимости слушать их раболепное пустословие.

— Глупые твари, кайтесь немедленно! Иначе я поражу вас пламенем!

— Хильда Арвидасовна, успокойтесь, пожалуйста!

Они осмеливаются хватать его за края одежд!

— Прочь, смертные! — Он отталкивает какую-то тварь и устремляется в длинный коридор, ведущий сквозь все здание: он знает, где пытаются спрятать похищенное весло.

Кто-то снова пытается схватить Его. На сей раз рука схватившего была много крепче, и высвободиться оказалось непросто.

— Хильда Арвидасовна, давайте пройдем...

Кто-то подхватил Его с другой стороны.

— Прочь!!!

Но они не слушают Его, они бесцеремонно волокут оболочку этой женщины, в которую заперто божество, не обращая внимания на то, что говорит Он ее срывающимся голосом. Они втаскивают оболочку в кабинет и валят на кушетку, по-прежнему называя Его глупым именем и прося успокоиться. Одна из тварей появляется рядом со шприцем в руках.

Глупцы! Они не понимают, что их жалкие яды бессильны против бессмертного Бога и не в состоянии причинить ему хоть какой-нибудь вред. Все их усилия могут лишь разрушить эту оболочку и высвободить Его, а тогда уж на их головы обрушатся Его гнев и кара!

И все-таки Он рванулся, в последний раз пытаясь освободиться, но три пары рук держали слишком крепко.

— Прочь, смертные! — вскричал Он, когда почувствовал, как игла проникает в Его плоть.

Прошло несколько секунд, и Хильда затихла, погружившись в глубокий наркотический сон. Санитары ослабили хватку и отпустили ее, с сожалением глядя на пунцовые пятна, оставленные их пальцами на коже доктора Ронкшина: нехорошо, синяки останутся.

Хильду решили спустить на первый этаж. Там как раз была пустая палата. Послали за Олегом Яковлевичем. Кто-то предложил даже позвонить домой Харитону Игоревичу: мол, столько лет проработали вместе, он должен хорошо ее знать, но потом решили не тревожить пенсионера.

Сотрудников, сбежавшихся на шум, попросили разойтись по своим местам, и люди расходились, вполголоса обсуждая происшествие. Все сочувственно качали головами, охали и соболезновали коллеге, хотя на самом деле переживали за доктора лишь немногие. Большинство же прикидывало в уме, какие перестановки на кафедре может повлечь уход заведующей, а некоторые, уже давно просчитавшие этот вариант и теперь дождавшиеся своего часа, мысленно ликовали. Хотя внешне все выглядело скорбно и пристойно. Психология людей — вещь тонкая и непредсказуемая...

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии*

«Русский психологический детектив»

присылать по адресу:

125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37б

Издательство АРМАДА-ПРЕСС

Алейников Д. А.

А 45 Весло Харона: Роман.— М.: АРМАДА-ПРЕСС, 1999.— 379 с.: ил.— (Русский психологический детектив).

ISBN 5-7632-0892-7

Цепь подозрительных и странных совпадений, шантаж, загадочные убийства... Банкир, владелец рекламного агентства, президент торговой фирмы, теневой политик — все они неожиданно для себя становятся объектами охоты. Слишком поздно они поймут, что Харон, перевозчик в царство мертвых, профессиональный киллер, ушедший на покой, вновь поднял свое весло.

УДК 82-312.4(02.044)

ББК 84(2Рос=Рус)6я5

РЕДАКЦИЯ
ФАНТАСТИЧЕСКОЙ И ДЕТЕКТИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Русский психологический детектив

Дмитрий Александрович Алейников

ВЕСЛО ХАРОНА

Роман

Заведующий редакцией

И. В. Новиков

Редактор

М. В. Шаповалова

Художественный редактор

А. Ю. Коннов

Технический редактор

П. Э. Кутепов

Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага кн.-журн.

Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж 10 000 экз. (1-й завод 6 000 экз.).

Изд. № 0034. Заказ № 1930.

Издательство АРМАДА

125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376

Изд. лицензия ЛР № 065874 от 06.05.98.

Гигиенический сертификат № 77.ЦС.01.952.П.01643.С.98

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Государственном издательско-полиграфическом
предприятии «Вятка»

610044, г. Киров, ул. Московская, 122

В СЕРИИ «ОККУЛЬТНЫЕ ТАЙНЫ XX ВЕКА»

издательство АРМАДА-ПРЕСС
представляет

Константин Максимов **«СЕМЬ ПЕЧАТЕЙ ТАЙНЫ»**

(отечественный вариант американского
сериала «Секретные материалы»)

Новый цикл романов, посвященных расследованиям, которыми занимаются различные российские спецслужбы на протяжении всего XX века.

Первая книга цикла —

«Досье вурдалака»

В 1905 году подписан высочайший Указ о развитии научных и военных изысканий в целях овладения магическими силами. Для осуществления этих работ при Департаменте полиции Министерства внутренних дел создается Девятое Отделение, подчиненное одновременно и Императорской канцелярии.

Сотрудники Девятого Отделения — главные герои первой книги, рассказывающей о событиях 1904—1917 гг. Читатель соприкоснется с чудесами Шамбалы, загадкой графа Дракулы, тайной, сопровождавшей гибель «Титаника», и многими другими сверхъестественными феноменами.

Вторая книга цикла —

«Видящий смерть»

После революционных событий 17-го года судьба развела агентов бывшего Девятого Отделения по разные стороны баррикад. Утрачены, и кажется безвозвратно, секретные архивы, формировавшиеся на протяжении полутора десятков лет.

Но советская власть также нуждается в спецах, способных разобраться в непознанном. Создается Особый отдел ОГПУ. Новые времена, новые люди, новые правила игры...

Во второй книге, охватывающей период от начала Гражданской войны до тридцатых годов, читателя ждет встреча с призраками и вампирами из параллельного мира, загадкой телекинеза, тайной ясновидения и многим, многим другим.

НОВАЯ КНИГА СЕРИИ

Русский психологический детектив

Дмитрий Алейников

СОЛО В ПРЕДЕЛАХ ПРАВИЛ

Каталы и чалдоны, лохи и пассажиры... «Знал бы прикуп, жил бы в Сочи»...у игры своя философия и свой язык. Разные приемы: крап, вольт, вырезка... И ставки разные: от «деревянной» сотни до сотен тысяч «зеленых». Можешь получить выигрыш, а можешь — нож под ребро.

Леня Мареев по кличке Боцман не играл на деньги. Для него карты были увлечением, а не средством заработать. К тому же он не признавал игры без правил. Но однажды Большая игра окажется единственным выходом из тупиковой ситуации, и Боцману придется поставить на карту не только деньги, но и собственную жизнь.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

**К вашим услугам книготорговые организации,
в которых можно приобрести книги издательства
АРМАДА-ПРЕСС мелким оптом и в розницу:**

Волгоград:	«Эзоп»	(8442)	37-25-19
Казань:	«Сериал»	(8432)	35-63-34
Калуга:	«Аэлита»	(08422)	4-42-45
Люберцы:	«Фома»	(095)	963-82-24
Минск:	магазин «Книгочей»	(0172)	36-66-45
Тула:	книжный магазин	просп. Ленина, д. 20	

**Оптовые партии книг по ценам издательства
вам предлагают наши региональные представители:**

Москва	«Рест»	(095)	150-07-82
	«Колокол»	(095)	261-93-05
	«Стрела»	(095)	755-91-66
	«Стрелец—И»	(095)	937-28-21
С.-Петербург:	«Русский Север»	(812)	530-05-36
Благовещенск:	«Центропол»	(4162)	42-62-71
Воронеж:	«Амитель»	(0732)	23-00-02
Екатеринбург:	«Полибук»	(3432)	53-87-54
Киев:	«Олса»	(044)	435-52-59
Н.Новгород:	«Логос»	(8312)	36-25-80
Ростов-на-Дону:	«Эмис»	(8632)	32-87-71
Самара:	«Реал+»	(8462)	41-87-30
Челябинск:	«Корвет»	(3512)	36-75-10
Орел	«Нива»	(0862)	77-73-16

**Если вы хотите подписаться на интересующую вас
серию или заказать отдельные книги,
пришлите заявку по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский бул., д.376,
издательство АРМАДА-ПРЕСС,
с пометкой «Книга-почтой» на конверте.**

Адрес издательства в INTERNET: <http://www.armada.ru>

